
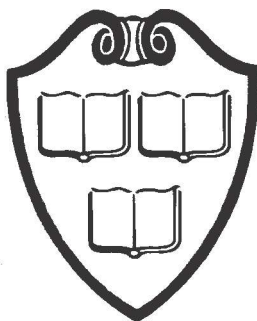
А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров

АНТИКВАРНЫЙ
ДИСКУРС
В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ
АНГЛИИ

Рар Britannica

Редколлегия серии «Рар Britannica»:

*М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева,
Т. Л. Лабутина, [М. В. Муха], Л. П. Репина,
Л. П. Сергеева, С. Е. Федоров, А. А. Чамеев*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

A. A. Palamarchuk, S. E. Fyodorov

THE ANTIQUARIAN
DISCOURSE
IN THE SEVENTEENTH
CENTURY ENGLAND

УДК 94(410)"15/16"
ББК 63.3(4Вел)
П 140

*Печатается по решению Ученого совета
Исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

*Монография подготовлена
при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00366а*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. А. Ушаков*
доктор исторических наук *Н. В. Ревуненкова*

Паламарчук А. А., Федоров С. Е.

П 140 Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии / отв. ред.
Н. А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2013. – 210 с. – (Pax Britannica).

ISBN 978-5-91419-881-4

Монография рассматривает феномен антикварного дискурса, сформировавшегося на Британских островах в результате деятельности лондонского Антикварного общества и связанных с ним английских, шотландских и ирландских интеллектуалов. Исследовательские практики, оригинальная методология, исторические, социальные и правовые воззрения, выработанные британскими антиквариями, оказали заметное влияние на развитие европейской мысли XVII в.

Публикация рассчитана на историков и культурологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся интеллектуальной историей и историей Британских островов раннего Нового времени.

Темплан СПбГУ, мероприятие 7, шифр ИАС 5.23.963.2012

УДК 94(410)"15/16"
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-91419-881-4

9

7 8 5 9 1 4 1 9 8 8 1 4

© А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров, 2013
© Исторический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета, 2013
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея написать книгу об английских антиквариатах конца XVI — первой половины XVII в. формировалась поэтапно. Первоначально оба автора, занимаясь социальной историей Британских островов раннего Нового времени, независимо друг от друга пришли к сходным выводам о значительном влиянии взглядов английских антиквариатов на осознание процессов, связанных со становлением, или же «рождением» социального в интеллектуальных дискурсах и практиках, прежде всего, раннестюартовской эпохи. Речь шла о постепенном отделении сферы социального опыта из крупномасштабных схем, описывавших историческую эволюцию британской композитарной политики. Взгляды английских антиквариатов и разрабатываемые ими методы препарирования исторического материала во многом превосходили научные методы эпохи модерна. Так или иначе, но перед авторами выстраивалась достаточно четкая перспектива, увязывавшая «концепции» английских антиквариатов с характерными для Нового времени взглядами на общество и государство. Затем пришла пора, когда оба автора попытались представить на суд научного сообщества серию совместных докладов, составивших позднее основу для коллективных статей и глав в самостоятельных монографиях. При этом каждый из нас, продолжая работать над своими собственными сюжетами британской истории, неизменно ощущал и находил все новые подтверждения тому, насколько всеобъемлющим оказывалось влияние антикварного движения не только в самой Англии, но и в Ирландии, и Шотландии.

На различных этапах работы над книгой неизменными были помощь и компетентные советы наших коллег по кафедре истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета Г. Е. Лебедевой, А. Ю. Прокопьева, Л. П. Сергеевой, М. И. Дмитриевой, А. В. Банникова, Д. Н. Старостина, Е. В. Кулешовой, Л. В. Исаковой. Всероссийское Общество интеллектуальной истории и член-корр. РАН Л. П. Репина во многом способствовали появлению наших совместных публикаций. Неоценимой остается для нас поддержка наших студентов-участников Тюдор-стюартовского семинара, который мы долгие годы ведем на историческом факультете СПбГУ. Им мы и посвящаем это издание.

Глава I

ЛОНДОНСКОЕ АНТИКВАРНОЕ ОБЩЕСТВО: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

Существование лондонского Антикварного общества — своеобразное и отчасти загадочное явление в интеллектуальной жизни Англии рубежа XVI–XVII столетий. Созданное любимцем Елизаветы и в высшей мере «придворным» историографом Уильямом Кемденом¹ (1551–1623), Общество, казалось бы, имело шансы стать центром наиболее лояльного английской короне историописания.

Как ни парадоксально, но об обстоятельствах создания Общества, его организации, составе и продолжительности работы известно крайне мало. Единственным письменным свидетельством, повествующим о проекте лондонских антиквариюв, является небольшая записка, составленная Генри Спелманом и помещенная им в предисловие к одному из его трактатов.² Однако ни повествование Спелмана, ни другие источники не позволяют с точностью реконструировать состав Антикварного общества. Тем не менее, очевидно, что в него входили не просто лучшие умы позднелизаветинской и яковитской Англии, но деятели, активно участвующие в придворной, административной, религиозной и политической жизни, в преобразованиях, конфликтах и реформах своей эпохи.

Начало Антикварного общества было достаточно неформальным и вовсе не походило на торжественное учреждение новой институции. Спелман описывает происходившее так: «Примерно сорок два года назад³

¹ Подробнее об Уильяме Кемдене и его роли в европейской интеллектуальной жизни см.: *Heremdeen W. H.* William Camden. Life in Context. L., 2007; *Parry G.* The Trophies of time. English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, 2004.

² *Sir Henry Spelman.* The Original of the Four Law Terms of the Year. Preface // *Reliquae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman.* L., 1698. — См. также: *Van Norden L.* Sir Henry Spelman and the Chronology of the Elizabethan College of Antiquaries // *Huntington Library Quarterly.* Vol. 13. No 2. Feb. 1950. P. 131–160.

³ Относительно даты первых встреч Антикварного общества не существует единого мнения, что объясняется невозможностью точно установить дату написания текста Спелмана. Если относить предисловие к трактату «О четырех временах» к той же дате, когда

некоторые лондонские джентльмены, увлеченные изучением древностей, образовали коллегию, или общество антиквариев, договорившись встречаться каждую пятницу в условленное время и в условленном месте, и ради умножения знания обсуждать разнообразные вопросы в обществе друг друга, а также вместе обедать. Местом встреч, после первого или второго собрания, стал Дерби хауз, где располагалась коллегия герольдов. На каждой встрече предлагались два новых вопроса, дабы все могли поразмыслить над ними и высказать свое мнение. То, что оказывалось самым существенным, один из присутствовавших (выбравшихся для такого случая) должен был записывать в книгу, чтобы сохранить для потомков. Общество расширялось день ото дня: множество особ весьма почтенных, из коих одни были столь знатными, сколь вторые — учеными, присоединились к нему».⁴

В так называемых «встречах» Общества в разное время участвовали: Джеймс Ашер (1581–1656), архиепископ Армага и примас Ирландии;⁵ Артур Агард (1540–1615), сначала клерк Казначейства, а затем вице-чемберлен, собиратель и каталогизатор архива Казначейства и дипломатических документов; Ланселот Эндрюс (1555–1626), капеллан королевы Елизаветы, декан Вестминстера, епископ Или, член Тайного Совета и апологет королевской прерогативы в царствование Якова I; сэр Роберт Брюс Коттон (1571–1631), основатель знаменитой Коттонианской библиотеки, ставшей основой современной Британской библиотеки, член парламента, тесно связанный с лидерами оппозиции стюартовского периода; сэр Джон Дэвис (1569–1626), поэт и юрист, получивший образование в Оксфорде и в Миддл Темпле, генеральный атторней Ирландии; сэр Уильям Сегар (1564–1633), придворный художник, автор знаменитого портрета Елизаветы с горностаем, королевский герольд Подвязка; сэр Джон Додридж (1555–1628), один из самых выдающихся судей суда Королевской скамьи при Якове I и Карле I; сэр Уильям Дэтик (1542–1612), королевский герольд Подвязка; Уильям Хэвилл (1574–1655), пуританин, выпускник Оксфорда и Линкольнз Инна,

---

он был написан, то есть к 1614 г., начало Общества следует относить к 1572 г. Спелман также упоминает о том, что после примерно двадцати лет более или менее регулярных собраний встречи антиквариев прекратились, что следует отнести к 1590–1600 гг. Однако существуют датированные документы — письма антиквариев, приглашения на собрания, датированные записи, сделанные на заседаниях, — свидетельствующие, что расцвет Общества приходится именно на период, начиная с 1590-х гг. (см.: *Hearne Th. A collection of curious discourses, written by eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities: and now first published by Thomas Hearne, M. A. Printed at the Theater, Oxford, 1771*).

⁴ *Sir Henry Spelman. The Original of the Four Law Terms of the Year. Preface // Reliquae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman. L., 1698. P. 69–70.*

⁵ *Knox R. B. James Ussher, Archbishop of Armagh. Cardiff, 1967; Ford A. James Ussher and the Godly Prince in early seventeenth-century Ireland // Political Ideology in Ireland, 1541–1641 / Ed. by H. Morgan. Dublin, 1999. P. 203–228.*

член палаты общин и автор нескольких трактатов о парламентской процедуре; Майкл Хинидж (1540–1600), хранитель свитков в Тауэре; сэр Генри Спелман (ок. 1554–1641), Уильям Ламбард (1536–1601), происходивший из семьи лондонских торговцев сукном, историк, бенчер Линкольнз Инна, впервые опубликовавший собрание законов англосаксонских королей; сэр Уолтер Рэли (1552–1618), поэт, интеллектуал, пират и придворный; Джон Стоу (1525–1605), собиратель и издатель материалов по английской истории, автор «Общей хроники Англии» и «Описания города Лондона».⁶

Очевидно, что данный перечень далеко не полон. Так, например, ни в одном из списков членов Общества не упомянуто имя Джона Сэлдена (1584–1654), хотя его принадлежность к Обществу и влияние, оказанное на формирование антикварной школы, остается бесспорным. Восполнить пробелы в представлениях о составе Общества в некоторой степени позволяют мемуары Генри Спелмана, а также опубликованные в 1720 г. Томасом Херном тексты трактатов, которые стюартовские антиквариаты представляли на своих собраниях.⁷ На причастность к антикварному движению могут указать методы работы тех или иных авторов с материалом, организация текста, цитирование авторитетного для самого движения круга источников, а также упоминание в опубликованных текстах устоявшегося набора трудов участников Лондонского сообщества. Во многих случаях можно также сделать предположения о личном знакомстве с антиквариями (все это верно, например, в отношении Джона Гвиллима (1565–1621), члена коллегии герольдов, валлийца по происхождению, «последователя» Красный Крест, автора «Обозрения геральдики» — одного из самых влиятельных геральдических трактатов в истории Англии).

Внутри антикварного общества и вокруг него сложилась неповторимая интеллектуальная атмосфера: участников кружка объединяли отношения наставников и учеников, система традиционного для этого времени покровительства и просто дружеские связи. Библиотека Роберта Коттона, владелец которой охотно открывал двери своего собрания не только ближайшим коллегам-антиквариям, но и многим другим, желающим познакомиться с редкими книгами и документами, уже при жизни владельца лишь наполовину состояла из книг, приобретенных им самим. Ее вторую половину составляли подаренные книги, а также книжные собрания, передававшиеся Коттону по завещанию благодарными друзьями.

⁶ *Malcolm J. P.* Lives of topographers and antiquaries who have written concerning the antiquities of England. 1815; *Shuyler R. L.* The Antiquaries and Sir Henry Spelman. An Essay in Historiography // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 90. No. 2. 1946. P. 91–103.

⁷ *Hearne Th.* A collection of curious discourses, written by eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities: and now first published by Thomas Hearne, M.A printed at the Theater, Oxford, 1771.

Интерес к изучению прошлого рождал расположение между такими разными людьми, как, например, Джеймс Ашер и Джон Сэлден, Уильям Кемден и Роберт Коттон. Генри Спелман ввел в круг общения антиквариев Уильяма Дагдейла и всячески способствовал его дальнейшей карьере; последний после смерти патрона завершил его неоконченные труды и подготовил их издание уже после Реставрации.⁸

За некоторыми примечательными исключениями (такими, как публикация Кемденом «Британии» и «Анналов» или составление генеалогии Якова I Робертом Коттоном) антикварные штудии сами по себе не были средством продвижения по социальной или карьерной лестнице, не приносили ощутимого дохода и в лучшем случае были лишь эффективным дополнением к основному занятию. Именно поэтому при публикации трудов старшие и более влиятельные члены Общества старались оказывать поддержку младшим и начинающим.

Практически каждое издание трактатов лондонских антиквариев содержало предпосланные тексту прозаические или, чаще, стихотворные эпистолы, посвящения и благодарности, исходившие главным образом от ближайших сподвижников самого автора. Бесспорно, подавляющая часть расточаемых комплиментов была действительно заслуженной и свидетельствовала о добрых отношениях внутри антикварного цеха. Однако взаимные похвалы антиквариев друг другу оказывались еще и эффективным средством воздействия на читательскую аудиторию и действенным способом формирования репутации и самого имиджа антикварного движения.

Сложившийся на рубеже XVI и XVII столетий кружок лондонских эрудитов с полным правом можно назвать явлением глубоко английским, сложившимся под влиянием всего своеобразия английского варианта Ренессанса и Реформации, а следовательно, собранием, неизменно подпитывавшимся мощной англоцентричной идеей. Тем не менее, лондонские антикварии, нередко демонстративно противопоставлявшие свои методы изучения прошлого континентальным традициям, органично вписывались в общеевропейское увлечение эрудитскими штудиями, начало которому было положено трудами Флавио Бьондо. Более того, изучение ранних периодов истории Британии и, прежде всего, эпохи римского господства, а также событий, связанных с принятием христианства на островах, побуждало к знакомству с сочинениями континентальных гуманистов, посвященными не только непосредственно истории, но, что не менее важно, филологии и критики источников.⁹ Начиная с Кемдена, которого к завершению

⁸ Parry G. The Trophies of time. English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, 2004. P. 6.

⁹ О различном восприятии «антикварного» и «исторического» знания среди континентальных интеллектуалов см.: Cocharne E. Historians and Historiography in the Italian Renaissance. Chicago, 1981. P. 423–437.

«Британии» побудил Якоб Ортелий, знаменитый фламандский географ и картограф, антикварины создают и поддерживают обширную сеть переписки с европейскими интеллектуалами-эрудитами, филологами, юристами, историками, натурфилософами; при этом европейские корреспонденты самых известных участников Общества — Кемдена, Спелмана, Сэлдена, Коттона, Ашера, — были общими.

Тем не менее, и Елизавета, и впоследствии Яков Стюарт с опасением отнеслись если не к самой деятельности антиквариев, то по крайней мере к попыткам участников собрания придать Обществу статус официальной корпорации. В 1589 г., как сообщает Генри Спелман, сам Кемден подал прошение Елизавете о даровании Обществу королевской хартии. В этом документе антикварины пообещали упомянуть имя государыни в названии Общества, сделать собрания открытыми для визитаций короны и избрать президента. Спелман умалчивает о том, как именно отреагировала Елизавета, сообщая только то, что прошение не было удовлетворено. Следующая попытка официально инкорпорировать Общество — на этот раз в форме «Национальной Академии и Библиотеки Древностей» — была сделана уже при Якове I в 1614 г. Кемден и Спелман разработали устав Общества, который предполагал также создание особой библиотеки, и попытались уверить монарха в том, что собрания антиквариев, посвященные обсуждению «древностей», никогда не станут конкурировать с университетами. (Заметим, что в 1622 году именно Уильям Кемден учредил в Оксфорде место лектора по истории. Его содержание обеспечивалось собственными доходами Кемдена с поместья Бексли. Кемденовская кафедра истории, существующая по сей день, — старейшая кафедра изучения истории в Англии. Первым Кемденовским профессором стал Дигори Уэр (1622–1647).

Антикварины заверяли монарха в том, что в их намерение не входит обсуждение каких-либо политических или религиозных предметов, ибо, как впоследствии неоднократно будет повторено в вышедших из-под их пера сочинениях, политика и религия — прерогативные области действия и контроля короны. Как оказалось, Яков I был столь же мало расположен к антиквариям, как и Елизавета. Кажется совершенно очевидным, что люди, тесно связанные с деятельностью двора, парламента, судов и церкви, несмотря на любые декларации не смогут остаться в стороне от обсуждения явлений и процессов, связанных с современной им действительностью. В определенной степени интуиция не подвела обоих монархов: антикварины действительно публиковали трактаты на темы, связанные как с политикой, так и с церковной жизнью, а в правление Карла I часть участников Лондонского общества регулярно оказывается в лагере парламентской оппозиции.

После неудачных попыток инкорпорирования встречи участников Общества постепенно теряют регулярный характер. При этом выработан-

ные лондонскими антиквариями критические методы работы с источниками, предлагаемые социальные и правовые концепции, а также сам спектр обсуждавшихся тем сформировали основание для развития специфической формы историописания. Эти методы были восприняты не только в самой Англии, но и в Шотландии и Ирландии, где антикварное движение, сохраняя методологическую и тематическую преемственность, приобретает отчетливую национальную специфику при раскрытии ключевых для антикварного направления концепций.¹⁰

Расцвет антикварного движения в Британии приходится на начало и середину XVIII столетия. В 1707 г. было заново учреждено существующее и по сей день Английское антикварное общество, получившее в 1751 г. королевскую хартию. Однако, помимо названия, между двумя собраниями не существует сколь-нибудь органичной преемственности.

ЛОНДОНСКИЕ АНТИКВАРИИ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Сэр Роберт Брюс Коттон и его библиотека

В любой компании, общине или официальной организации неизменно находится человек, который обаянием собственной личности объединяет остальных, создает возможности для общения и диалога, примиряет конкурентов и налаживает новые контакты. В Антикварном обществе это достойное всяческого уважения место принадлежало одному из самых младших учеников Кемдена, сэру Роберту Брюсу Коттону (1571–1631). Как никто другой среди антиквариев, Коттон мог гордиться древним и славным происхождением. Коттоны, рыцарский род из Хантингтоншира, обогатились во время Реформации через покупку монастырских земель и состояли в родстве с семейством Монтагю (графы Манчестеры), но, что более важно, — в отдаленном родстве с шотландским королем Робертом Брюсом.

Страсть Роберта Коттона к истории проявилась весьма рано: еще до поступления в Кембридж (1581) он обучается у Уильяма Кемдена в школе Вестминстера, где окончательно и бесповоротно увлекается изучением древностей. (Нужно упомянуть, что в Вестминстерской школе соучениками Коттона были Бен Джонсон и Хью Холланд, дружбу с которыми он сохранял долгие годы. Впоследствии Джонсон не только сам обращался к книгам из Коттонианской библиотеки, стремясь соблюдать точность в деталях античной истории, но и с той же целью советовал отправиться туда Иниго Джонсу). После недолгого пребывания в Кембридже Коттон

¹⁰ Ford A. James Ussher: Theology, History and Politics in Early Modern Ireland and England. Oxford, 2007.

поступает в Миддл Темпл, где знакомится с тем лондонским интеллектуальным кругом, которому останется верен всю жизнь. Речь идет о Генри Спелмане, Джоне Дэвисе и Джоне Сэлдене. Бен Джонсон вводит Коттона в литературную среду, знакомит его с Майклом Дрейтоном, Джоном Донном и Сэмюэлом Дениэлом, а также — что немаловажно — представляет Люси Гаррингтон, герцогине Бедфорд, покровительнице поэтов и, по счастью, дальней родственнице самого Коттона. В последующие годы Коттон делает поразительные успехи, обретая многочисленных патронов, в числе которых Джордж Кэри, лорд Хансдон, лорд-чемберлен; Генри Говард, граф Нортгемптон, Томас Говард, граф Эрандел. Но полный успех, о котором можно было мечтать, приходит к Коттону после коронации Якова I. Искренне радуясь восшествию на престол далекого родственника, Коттон преподнес монарху «Трактат о происхождении Его Королевского Величества от саксонских королей», выгодно отличавшийся от остальных панегириков минимумом восторженной риторики и максимальной долей исторических фактов. Яков был настолько очарован Коттоном, что не только возвел его в 1603 г. в рыцарское достоинство, но в память об общем славном предке Роберте Брюсе впредь обращался к антикварию «наш дорогой кузен».

Параллельно Коттон продолжает общаться с Кемденом и принимает самое деятельное участие во встречах Антикварного общества. Кемден, Спелман, Коттон и остальные «отцы-основатели» были согласны во мнении, что собственная библиотека должна была стать тем центром, вокруг которого развивалась бы вся деятельность Общества. Коллекция книг и рукописей Коттона, которую он начал собирать еще в юности, в итоге стала именно таким местом и главным детищем антиквария. К началу XVII в. интеллектуалы Лондона находились в весьма затруднительном положении, поскольку из-за отсутствовавшего в городе университета не было и сколь-нибудь внушительного и доступного книжного собрания. Библиотеки судебных иннов открывали свои двери только для членов корпорации, книжное собрание коллегии герольдов переживало не лучшие времена и содержало главным образом тематическую подборку, архивы центральных судов были разбросаны по разным зданиям, равно как и архивы, относящиеся к главным государственным должностям. (Сложности в поиске необходимых документов побудили Томаса Пауэлла в 1622 г. опубликовать «Наставления о поиске в архивах»¹¹ — пособие для тех, кто желал столкнуться с жестокой реальностью хранилищ книг и манускриптов. Многие современные исследователи могут представить себе, насколько захватывающим может оказаться общение с хранителями книжных сокровищ; в раннестюартовской Англии оно было еще и весьма затратным предпрятием. Необходимо было вознаградить не только

¹¹ *Powell Th.* Direction for search of records remaining in the Chancerie, Tower, Exchequer, with the limnes thereof... L., 1622.

клерка, который находил нужный документ в коробках или корзинах, не только переписчика, который делал копию (копия одной строки документа на англо-саксонском языке стоила в четыре раза дороже, чем строка на латыни), но даже дворецкого, который отпирал посетителю дверь в хранилище). Поэтому неудивительно, что Коттон, охотно предоставлявший свободный доступ к своему систематизированному собранию тем, кто был заинтересован в исторических разысканиях, пользовался огромным уважением у современников.

Как отмечает Кевин Шарп в биографии Коттона, коллекция формировалась прежде всего не как собрание книг, а как собрание рукописей. Сначала, в 1580-х гг. в коллекции были манускрипты, относившиеся к церковной истории средневековой Англии — документы, касающиеся собственности церкви и монастырей, жития святых, хроники, богослужебные книги — то есть все, что чудом уцелело после Реформации и роспуска монастырей. Особенный интерес у всех антиквариев без исключения вызвали рукописи, относившиеся к англо-саксонскому периоду. И сам Коттон, и многие его коллеги неоднократно совершали вылазки в провинцию и возвращались с «добычей», терпеливо ожидавшей их на очередном заброшенном церковном чердаке. Среди самых знаменитых приобретений Коттона — линдисфарнские Евангелия, два аутентичных экземпляра Великой хартии вольностей и уникальная рукопись «Беовульфа». Библиотека пополнялась не только за счет покупок и экспедиций. Многие антикварины дарили книги из собственных собраний или отписывали по завещанию целые коллекции. Сам Коттон обменивался ценными экземплярами с королевским библиотекарем Патриком Янгом, а также был щедрым дарителем книг. Дар Коттона получил сэр Томас Бодли, создатель Бодлеянской библиотеки, еще один дар должен был отправиться в Ирландию, в Тринити колледж, которому покровительствовал архиепископ Ашер. Наконец, Коттон имел обыкновение посылать книги своим друзьям и патронам в качестве новогоднего подарка. В результате Роберт Сесил, например, оказался обладателем целого собрания генеалогий, хроник и даже трактата о шифровании, подаренных Коттоном.¹²

Помимо собирания книг, интерес Коттона неизменно вызывало коллекционирование монет, затем перешедшее в коллекционирование более крупных предетов — печатей, алтарей и надгробных плит, всевозможных античных и англо-саксонских артефактов. Возможно, именно из-за увлечения Коттона нумизматикой и «экономической историей» он оказался в роли

¹² Подробно история библиотеки Коттона и политическое влияние собиравшегося в ней общества рассматривается в книге: *Sharpe K. Sir Robert Cotton, 1586–1631: History and Politics in Early Modern England*. Oxford, 1979. — Также см.: *Sir Robert Cotton as collector: essays on an early Stuart courtier and his legacy* / Ed. By C. J. Wright. L., 1997; *Tite C. G. Early records of Sir Robert Cotton Library: formation, cataloging, use*. L., 2003.

финансового консультанта короля Якова. В 1608 г. Коттон по поручению короля расследует злоупотребления на флоте, изыскивает способы к увеличению доходов казны и в качестве финансового эксперта присутствует на заседаниях Тайного совета. По-видимому, именно Коттону принадлежит и идея создать для увеличения доходов короны новое знатное достоинство баронета.

Как ни парадоксально, единственное созданное Коттоном собственно историческое произведение — «Жизнь и царствование Генриха III» — навлекло на всеобщего любимца сэра Роберта неприятности. Впервые опубликованная анонимно в 1627 г. и, по-видимому, без разрешения автора, «Жизнь Генриха III» сразу же вызвала раздражение Карла I, усмотревшего в тексте аналогии с царствованием своего отца и критику его увлечения фаворитами. Коттона заподозрили в авторстве и подвергли допросу, в ходе которого обнаружились две любопытные вещи. Во-первых, Коттон действительно не давал согласия на публикацию, а во-вторых, еще в 1614 г. экземпляр сочинения был преподнесен автором Якову I и, вполне вероятно, лично для него трактат и был написан. Тем не менее, объяснения, удовлетворившие короля, не удовлетворили Бэкингема, воспринявшего некоторые рассуждения Коттона о губительности фаворитизма как личное оскорбление. В итоге в 1628 г. Коттон вместе с Сэлденом, Коком и Пимом присоединился к парламентской оппозиции, за что в 1629 г. поплатился закрытием библиотеки, своего любимого детища, под прямым давлением Бэкингема.

Дальнейшая судьба коттоновского собрания была такова: коллекцию продолжали пополнять сын сэра Роберта сэр Томас Коттон (ум. 1662) и его внук — сэр Джон Коттон (ум. 1702). Последний намеревался завещать библиотеку короне при условии «дальнейшего публичного использования», что и было подтверждено парламентским актом 1701 г. В 1731 г. в Ашбернем-хаус, где на тот момент помещалось собрание, случился пожар, который чуть было не положил конец существованию библиотеки. Однако, как сообщается в отчете парламентской комиссии, созданной для оценки состояния Ашбернем-хауса и хранившейся там коллекции, «мы были весьма удивлены тем, насколько мало рукописей и предметов было повреждено или уничтожено огнем».¹³

Неясно, произошло ли это благодаря простой удаче, передавшей от основателя его коллекции, или благодаря ее хранителю Дэвиду Кесли, сначала пытавшемуся потушить огонь, потом выбрасывавшему книги на улицу из окон, и в последний момент выбежавшему из горящего здания с александрийской рукописью под мышкой. После пожара комиссия палат общин опубликовала перечень потерь и обращение к «джентльменам, кото-

¹³ A Report from the Committee appointed to view the Cottonian Library... L., 1732. P. 4.

рые обладают копиями ценных рукописей, способствовать восполнению потерь и представить эти копии в распоряжение вице-хранителя библиотеки мистера Кесли». ¹⁴ В том же отчете для тех, кто желал оказать помощь в реставрации поврежденных книг, содержались инструкции о том, как правильно разделять склеившиеся листы книг и высушивать манускрипты. В результате из 958 томов, хранившихся в Коттоновской библиотеке до пожара, полностью утрачены были 140, а еще около сотни поврежденных и подмоченных кодексов, множество разорвавшихся на части листов и разрозненных писем были успешно реставрированы.

В 1753 г. Георг II утвердил парламентский акт о создании Британского музея, в основу которого легли три собрания — кабинет редкостей, гербарий и библиотека сэра Ханса Слоана (1660–1753), Харлеянского собрание и Коттонианская библиотека. В 1757 г. к ним добавилось собрание Королевской библиотеки — коллекции, собранные английскими монархами. Совокупно эти четыре коллекции содержат все наиболее ценные книги и документы по истории Британии.

Что же касается литературного наследия самого сэра Роберта Коттона, то в 1657 г. Джеймс Хауэлл собрал 14 его небольших по объему трактатов и опубликовал их под заглавием «Посмертно изданные сочинения Коттона: избранные труды, затрагивающие разнообразные важные вопросы... изложенные сэром Робертом Коттоном» («*Cottoni posthuma: divers choice pieces wherein are discussed several important questions ... by the renowned antiquary Sir Robert Cotton*»).

В литературе устоялось справедливое мнение, что Коттон не оставил по себе труда, в полной мере отражавшего его эрудицию и талант историка и правоведа. Можно предположить, что в окружении своих товарищей по перу Коттон воспринимал себя скорее как организатор и защитник интересов остальных участников Общества. Многие опубликованные Хауэллом его сочинения на деле являются выступлениями, произнесенными в парламенте и Антикварном обществе, следовательно, несут в себе все достоинства и недостатки этого стиля. Коттон излагает — нередко в виде пронумерованных тезисов — суть своей позиции; его язык достаточно ярок, чтобы убедить слушателей в споре, но используемые формулировки зачастую слишком резки, чтобы смутить историка.

Джон Сэлден и правовая история

Умирая, Сэлден попросил своих душеприказчиков выбить на его надгробии только небольшую надпись: «*John Selden JC*», что означало: «Джон Сэлден, юрисконсульт». Обычно биографы видят в этой просьбе проявление природной скромности достопочтенного мужа. Однако более при-

¹⁴ Ibid. P. 4.

влекательным видится другое объяснение. Как умудренный многолетним опытом антикварий и великий скептик, Сэлден считал безусловными два обстоятельства. Во-первых, роскошные надгробия с пространными надписями по прошествии трех-четырех столетий начинают привлекать не только кладбищенских вандалов, но и куда более странных молодых людей, одержимых нездоровым интересом к изучению древностей. Во-вторых, поэмы, оды и эпитафии — пусть даже увековеченные в камне — суть не подтвержденная доказательствами риторика, а не «факты», да и людская молва открывает слишком большой простор для ее интерпретаций.

Имя Джона Сэлдена (1584–1654) занимает почетное место сразу в нескольких интеллектуальных традициях. Уже современники — юристы ставили один его в ряд с корифеями права — Бэконом и Коком, ориенталисты считали величайшим со времени изгнания иудеев из Англии знатоком талмудической традиции и называли «главным раввином Англии», лидеры парламентской оппозиции превозносили его как неизменного защитника основ английской конституции. Для развития антикварного движения в Британии Сэлден сыграл столь же важную роль, как и основатель Лондонского общества Уильям Кемден. Однако, характеризуя себя как юрисконсульт, Сэлден был прав: и доскональное знание конституционных документов, и владение несколькими классическими и современными языками, и активная публичная деятельность, и умение свободно оперировать историческими фактами — все это было необходимо для успешной карьеры английского юриста общего права.

Сэлден родился около 1684 г. в семье зажиточного йомена в Сассексе. После двух лет, проведенных в Оксфорде, 18-летний Сэлден поступает в Клиффордз Инн, а в 1603 г. переходит в Иннер Темпл, где и начинается его будущая карьера. В стенах инна он знакомится с Робертом Коттоном и вскоре становится его личным копиистом, но главное — перед ним открываются двери котноновской библиотеки, а значит — путь к собственным научным изысканиям. В это же время проявляются феноменальные способности Сэлдена к изучению языков. К 1614 г., когда был опубликован трактат «О титулах достоинства», он уже имел познания в древнееврейском, халдейском, сирийском, самарийском, арамейском, арабском, эфиопском языках и фарси. Можно лишь строить предположения, где и как ему удалось приобрести столь обширные познания, тем более в Лондоне, вдали от университетских колледжей, где основы восточных языков прививали будущим теологам. Можно предположить, что Сэлден входил в кружок архиепископа Ланселота Эндрюса, библеиста, поощрявшего изучение арабского, древнееврейского и других семитских языков для более глубокого понимания текстов Писания и Отцов Церкви. В этом же кругу он мог познакомиться с Уильямом Бидуэлом, на тот момент лучшим арабистом Англии.

В 1615 г. Сэлден, завершив более чем десятилетнее образование в инне, приступает к собственной юридической практике. К этому моменту он является известным и уважаемым автором пяти антикварных трактатов, четыре из которых связаны с правовой историей Британии (1610 — «England's Epinomis и Janis Anglorum Facies Altera»; 1614 — «О титулах достоинства»; 1615 — «Analecton Anglobritannicon»). Среди них особого внимания заслуживает сочинение «О титулах достоинства» — первый действительно масштабный труд, в котором реализованы все специфические особенности антикварного метода. Достаточно традиционная структура и «узнаваемая» задача — описание титулов европейской знати — «перерастает» сама себя, становясь историей складывания британского (и, шире, европейского) общества, историей взаимодействия права и власти, проиллюстрированной через поражающее воображение современного читателя количество цитат на всех известных языках и прецедентов. Этот труд сразу же приобрел огромную популярность у современников и по сей день остается одним из авторитетных сочинений, посвященных европейской знати; однако кажется, что его роль в развитии собственно «социальной» истории остается недооцененной, а сам этот трактат оказывается в тени сэлденовской же «Истории церковной десятины» (1618).

Как уже было сказано выше, одной из главных целей, постулировавшихся членами Антикварного общества, было разыскание, восстановление и издание документов, проливающих свет на славное прошлое Британии. Здесь Сэлден действует как достойный участник сего предприятия, направляя усилия в область неизменно близкой ему правовой истории. Антикварию сыграли важную роль в так называемом «повторном открытии» для английского общества Великой хартии вольностей, которую Генри Спелман назвал «самым прославленным документом и священным якорем всех английских свобод». Еще в 1571 г. была опубликована хроника Матвея Парижского, в которой подробно излагались события баронского мятежа при Иоанне Безземельном, а также был опубликован текст хартии 1225 г. Сэлден предпринимает издание оригинального текста хартии 1215 г., анализирует разночтения между хартиями короля Иоанна и Генриха III, а впоследствии занимается публикацией так называемых «Законов Вильгельма I».¹⁵

В 1616 г. в свет выходит критическое издание «О похвале английским законам» Фортеस्कью с источниковедческим и юридическим комментарием Сэлдена. Учитывая, какую роль играла для английского общества знаковая фигура Фортеस्कью и его наследие, и насколько востребован был текст трактата, пространственный сэлденовский комментарий не мог остаться без внимания. Для современного исследователя он интересен не только

¹⁵ Turner R. V. Magna Charta through the ages. P. 146–147.

с содержательной точки зрения, но и как иллюстрация техники комментария и интерпретации конституционных идей юристами-практиками XVII в. Сам же Сэлден позднее признавался, что к составлению комментария к Фортескому его подтолкнуло желание понять соотношение и взаимовлияние гражданского и общего права в английской юридической традиции, а именно — мысль о том, что «некоторые английские монархи, не удовлетворившись законами своей собственной земли, попытались привнести элементы гражданского права в управление и тем самым дискредитировать английское право».¹⁶ Не следует забывать, что это объяснение было дано Сэлденом в 1647 г., когда его радикализм в отношении английской конституции достиг максимального накала: однако вопрос преемственности между гражданским правом — или ее отсутствия — действительно занимал умы раннеюэтовских юристов. После публикации Фортексю издательская деятельность Сэйдена продолжилась не менее громкими работами: изданием «*Summa magna et parva*» Ральфа из Хенгама, а впоследствии — текста «Флеты» с обширным комментарием. Задуманная как комментарий к средневековому юридическому тексту, «*Ad Fletam dissertatio*» в итоге выросла в пространственный самостоятельный трактат о проблемах правового континуитета в Британии.

Несмотря на очевидную эволюцию своих политических взглядов от умеренных до радикальных, Сэлден и в раннем комментарии к Фортескому, и в позднейшем комментарии к «Флете» вполне последовательно высказывается о самобытности общего и гражданского права в Англии. Отвергая наличие в Англии живой непрерывной традиции развития римского права, он полагает, что его использование британскими теоретиками, начиная с архиепископа Кентерберийского Теобальда Бекского (1090–1161), неизбежно носило специфическую островную окраску. Римское право в Англии даже в период его наибольшего распространения в XIII столетии никогда не было правом реально действующим, но носило, скорее, вспомогательный характер по отношению к праву обычному и прецедентному. Максимум античных юристов могли быть полезны в ситуациях, когда в отсутствие прецедента необходимо было все же найти рациональное решение. Сэлден указывает, что Бракстон, Фортексю, Торнтон и автор «Флеты» не чуждаются использования *Corpus Juris Civilis* и других авторитетных текстов, но прибегают к ним только в случаях, когда в английских законах отсутствует соответствующая норма.¹⁷

К поддержанию репутации Сэйдена как тонкого эксперта в области права (в данном случае полностью заслуженной) активно прикладывают руку его коллеги по Антикварному обществу, прежде всего Коттон и Бен

¹⁶ Ioannis Seldeni Ad Fletam dissertatio. L., 1647. P. 171.

¹⁷ Ziskind M. A. John Selden: Criticism and Affirmation of the Common Law Tradition // The American Journal of Legal History. Vol. 19. No. 1 (Jan. 1975). P. 22–39.

Джонсон. Возможно, благодаря этому молодой барристер время от времени выступает на судебных заседаниях, предпочитая оказывать услуги консультанта. Вскоре Сэлден обретает клиента, о котором любой практикующий юрист мог только мечтать — им стал сам король Яков Стюарт.

Сочинение Сэлдена по сути продолжало развернувшуюся в первой половине XVII в. полемику о проблемах международного права, точнее — о статусе морского пространства и границах суверенитета над ним морских держав. В Британии данная тема впервые была поднята шотландским эрудитом, юристом и математиком Уильямом Уэлвудом (1578–1622), в 1590 г. опубликовавшим сочинение «О морском праве Шотландии», в 1613 г. — трактат «Сокращение морского права», а в 1615 г. — его латинский вариант «*De dominio maris*». В 1604–1605 гг. юрист, философ и по совместительству историограф Гуго Гроций (1583–1645) по заказу голландской Ост-Индской компании начал составлять обширный труд, часть которого была опубликована в 1609 г. под названием «*Mare Liberum*». Доказывая равные права государств на использование морского пространства, Гроций опирается на принципы естественного права. Параллельно с Гроцием проблему применения международного права на море изучал Альберико Джентиле (1552–1608), протестантский эмигрант из Италии, с 1580 г. профессор гражданского права в Оксфорде, судья Адмиралтейского суда и адвокат посольства Испании в Лондоне, автор трактатов «*De Legationibus Libri Tres*» (1582) и «*De Jure Belli Commentationes Tres*» (1589). В заметках Джентиле, опубликованных посмертно в 1613 г. под заглавием «*Hispanicae advocacionis*», доказательства в пользу свободного использования моря строятся на основе римского права в согласовании с правом естественным. Однако Джентиле, защищавший претензии Испании в международном споре, отмечает разницу, существующую между практикой и теорией, между *dominium* (властью) и *jurisdictio* (правом), то есть между контролем над прибрежными водами и правом находиться в них. Хотя в литературе небезосновательно принято мнение, что сочинение Сэлдена является прежде всего ответом Гуго Гроцию, очевидно, что ему были известны все перечисленные труды предшественников, а его работа является полемической отчасти по отношению ко всем ним.

По-видимому, в 1618–1619 гг. он завершает написание трактата «*Mare Clausum*». Яков I, который еще в бытность королем Шотландии явственным образом одобрил концепцию Уэлвуда о преимущественных правах страны на использование прибрежных вод (и, следовательно, взиманию налогов), был заинтересован в том, чтобы применить ее к английским реалиям, подтвердить ее солидными правовыми аргументами и сохранить славу подлинного британского Соломона, защищающего своих подданных не силой, но справедливостью. Кандидатура Сэлдена как нельзя лучше подходила для решения этой задачи: особенности анткварного метода и огромный

кругозор автора позволяли собрать в одном сочинении всевозможные очень разнородные правовые, исторические и логические аргументы, подтверждавшие суверенные права Англии над прилегающими водами, а опыт практики общего права позволял изящно интерпретировать английскую традицию, начиная с Брактона весьма неоднозначно высказывавшуюся о вопросах морского права. В результате Сэлден представляет на суд короля радикальное решение проблемы. Отстаивая *dominium* Англии на море, он доказывает, что ограничение на мореплавание и торговлю не противоречит естественному праву, оправдывается римской правовой традицией и имеет основанием множество прецедентов. Открытое море не всегда является «общим», его пространство может становиться предметом аннексии, законной или незаконной, что иллюстрируется историческими фактами. Наконец, он доказывает несостоятельность притязаний на *dominium* над рядом морских территорий со стороны Испании, Португалии, Дании и Соединенных провинций. С одной стороны, такой результат не мог не удовлетворить монарха, однако осторожный Яков в 1619 г. предпочел отложить публикацию трактата до того момента, когда отношения Англии с Голландией и Данией станут более определенными. Этот момент наступил в 1635 г., когда осмотрительного британского Соломона сменил на престоле его сын Карл I, склонявшийся к более агрессивной (однако оттого не более успешной) морской политике. Сэлден не только с лихвой был вознагражден за предпринятый труд: по сравнению с вариантом 1618 г., к тексту «*Mare Clausum*» были сделаны обширные добавления — ответ на опубликованный Гроцием в 1625 г. трактат «*De jure belli ac pacis*».

С 1621 г. Сэлден, энергия которого отнюдь не иссякала на научных изысканиях и юридической практике, оказывается в водовороте политической жизни. В итоге Сэлдена заключают в Тауэр, однако вскоре переводят в менее суровое заключение под охрану будущего лорда-мэра, а тогда шерифа города Лондона Роберта Дьюси. Этот эпизод примечателен тем, что суровый тюремщик (или, лучше сказать, гостеприимный хозяин) снабдил гостя хранившейся у него рукописью хроники Эдмера, которую Сэлден в результате подготовил к изданию. К слову, когда наш герой оказался в Тауэре во второй раз в 1629 г., он написал письмо Коттону с просьбой найти и доставить ему полную версию Талмуда на иврите. Сэр Роберт, разумеется, просьбу выполнил, и в результате английское общество увидело серию работ Сэлдена-гебраиста («*De successionibus in bona defuncti secundum leges Ebraeorum and De successionem in pontificatum Ebraeorum*», 1631; «*De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum*», 1640; «*Dissertatio de anno civili et calendario reipublicae Judaicae*», 1644; «*Uxor Ebraica*», 1646; «*De synedriis et prefecturis juridicis veterum Ebraeorum*», 1650–1653).

Помимо чисто антикварного содержания — реконструкции «экзотических» иудейских древностей и обычаев, — перечисленные работы имели

иной, гораздо более богатый контекст, обеспечивший этим, на первый взгляд, сугубо академичным сочинениям популярность среди политической и интеллектуальной элиты. Во-первых, в своих гербраистских штудиях Сэлден продолжал использовать метод правовой истории, уже опробованный им на английском материале, и особое внимание уделял именно тем правовым вопросам, которые вышли на первый план с началом каролинского конституционного кризиса и продолжали оставаться актуальными до конца гражданской войны и протектората. Общество древней Иудеи становилось моделью, с помощью которой Сэлден демонстрировал роль божественного, естественного и позитивного права в формировании общества, определял соотношение прерогативы и представительства (сочинение о синедрионе публиковалось в трех частях с 1650 по 1653 годы). Во-вторых, обращение к ветхозаветной истории и извлечение из нее необходимых прецедентов оказывалось востребованным в полемике как с церковными радикалами, так и в спорах внутри пуританского лагеря. Идея же Сэлдена заключалась в том, что прецеденты, особенно те, что являются основанием протяженной во времени традиции, в зависимости от географических и временных условий неизбежно могут и должны подвергаться интерпретации в зависимости от условий развития той или иной социально-правовой общности.

Парадоксальным образом Сэлден, в религиозном отношении весьма индифферентный, склонявшийся к эрастианскому видению церкви и государства, через свои гебраистские тексты оказался вовлеченным в религиозную полемику. В 1643 г., будучи членом Долгого парламента от Оксфордского университета, он участвовал в Вестминстерской ассамблее, вместе с Балстром Уайтлоком и Томасом Коулманом отстаивая необходимость епископального устройства Церкви Англии, аргументируя это «государственным интересом» и сохранением оправдывавшей себя веками традиции. Вопреки неоднозначному отношению Сэлдена к церковной иерархии и институту епископата как таковому, принцип исторического континуитета в данной ситуации определил политическую позицию антиквария — члена парламента. Тем не менее, в 1646 г. он подписывает Торжественную лигу и Ковенант, однако фактически покидает политическую сцену.

Генри Спелман и церковные древности

Генри Спелман (ок. 1554–1641) родился в Норфолке во влиятельном провинциальном семействе, по традиции предназначившего его к юридической карьере (дед Спелмана, сэр Джон Спелман, был судьей Королевской скамьи). После двух лет в Кембридже он изучал право в Линкольнз Инне, а затем вернулся в родной Норфолк, где активно участвовал в жизни местного сообщества сначала как мировой судья, а затем как главный шериф Норфолка. Дважды Спелман избирался в нижнюю палату парламента, был юридическим консультантом Совета Новой Англии, участвовал

в нескольких комиссиях Якова I в Ирландии и в конце концов был посвящен в рыцари. Очевидно, уже во время обучения в инне Спелман заинтересовался изучением древних законов, а в 1580-е годы стал одним из главных организаторов встреч Антикварного общества. Спелман не только составил прошение об утверждении Общества монархом, но и оставил воспоминания обо всей истории неудавшегося инкорпорирования. Примечательно, что в течение самого яркого периода совместной деятельности лондонских антиквариев Спелмен, по видимому, ни разу не выступал с публичным докладом. Единственное сочинение, подготовленное им до 1614 г., «О происхождении четырех периодов судебных сессий», Спелман отложил до лучших времен, дабы текст был «исправлен чьей-нибудь более умелой рукой».¹⁸

В отличие от Сэлдена, Спелману не удастся сочетать юридическую практику и антикварные штудии, и до пятидесяти лет он постигал тонкости права на практике. Только отойдя от дел, продав поместье и перебравшись с семейством в Лондон, он всерьез погружается в изучение занимавшей его истории церковного права, статуса церковной собственности, а также оснований феодального права. Если верить словам самого сэра Генри, к обращению *ad fontes* его косвенным образом подтолкнула позиция Эдварда Кока, которому «после того, как он обогатил наше право столь многими соцветиями древностей и иностранных законов, не стоило покидать эту область, откуда происходят и произрастают разветвленные корни нашего права. Мне хотелось, чтобы некий прилежный юрист прочел бы их прилежно и показал, откуда именно берут начало наши законы».¹⁹ Среди большинства антиквариев Спелман изначально выделяется своим интересом именно к феодальному праву, истоки которого представлялись ему связанными с континентальной историей, и преимущественно с историей северной Европы. Англия видится ему не столько продуцирующей, сколько принимающей стороной, адаптирующей внешние влияния.

Спелман проявляет оригинальность и в выработке метода исследований, с одной стороны, во многом повторяя общие для антикварной школы положения, с другой стороны — адаптируя к правовой истории уже существующую лексикографическую традицию. Составленный Спелманом «*Glossarium archaeologicum*» демонстрирует развитие данного метода. Как поясняет сам автор, при чтении документов — английских и континентальных, церковных и светских — он осознал, что ряд терминов используется юридическим сообществом так, «как если бы покупали их на рынке, не интересуясь, откуда привезли этот товар». Более того, точное и четкое значение терминов, общих для феодального и канонического права

¹⁸ *Sir Henry Spelman. The Original of the Four Law Terms of the Year. Preface // Reliquiae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman. L., 1698.*

¹⁹ *The English Works of Sir Henry Spelman. Vol. 1. L., 1723. Preface.*

в Англии и на континенте, нередко оставалось неясным, равно как и эволюция этих значений. Очевидно, что для Спелмана ключ к упорядочению не только правовой истории, но и действующего права виделся в упорядочении правовой терминологии. Это объясняет и выбранное автором название: как поясняет он в предисловии, обычный «глоссарий», или «лексикон», содержит лишь собрание слов, в то время как жанр «археологии» указывает не на сами слова, а на явления, за ними стоящие, «повествует не о словах, но о вещах».

Судьба спелмановского «Археологического глоссария» оказалась непростой. Сначала было отпечатано лишь два экземпляра первой части (литеры A–L): одну из них Спелман отдал для прочтения Сэлдену, Ашеру и Коттону, вторую, при посредничестве Коттона, незаменимого в подобных делах, отослал за границу. Полученные отзывы оказались хвалебными, но вот прогнозы издателей не внушали оптимизма. Действительно, объемный «археологический словарь» мог быть востребован лишь очень ограниченным кругом интеллектуалов — собственно, самими антиквариями и избранными практикующими юристами. В 1626 г. Спелману пришлось опубликовать словарь за свой счет, при этом публикация второй части была отложена.

Только через десять лет, в 1637 г., Уильям Дагдейл убедил Спелмана завершить и подготовить к публикации оставшийся материал. Очевидно, Дагдейл сам был заинтересован в использовании текста Спелмана, что показали дальнейшие события. Публикация второй части затягивалась, сначала из-за смерти Спелмана, затем из-за вовлеченности Дагдейла в события Великого мятежа и других менее существенных обстоятельств. Уже после реставрации Карл II, очевидно, с подачи главы коллегии герольдов, проявил интерес к «*Glossarium archaeologicum*», и здесь внезапно обнаружилось, что текст второй части существует в двух вариантах. Первый хранился у наследников Спелмана, второй — у Дагдейла. Этот последний вариант текста оказался существенно дополненным и «политизированным», в отличие от первоначального авторского замысла. Началась дискуссия: кто был автором этих дополнений: сам Спелман, его внук Уильям Спелман или же Дагдейл?

«Новые» разделы при этом касались таких значимых сюжетов, как расширение королевской прерогативы, ограничения прав подданных, статуса палаты общин и ее относительной «молодости» в системе английской монархии. В результате после представленных Дагдейлом доказательств было решено, что внесенные дополнения все же принадлежат к автору: громкое разбирательство и ставший очевидным обществу оттенок актуального монархизма обеспечили второй части «Глоссария» популярность, не сравнимую с прежней.

Концептуальное завершение лексикографических штудий Спелман сформулировал отдельно, в небольшой работе «О происхождении, развитии, распространении и условиях феодалов и рыцарских держаний в Англии»,

опубликованной в 1641 г., но, по-видимому, написанной гораздо ранее и циркулировавшей внутри антикварного круга. Исходя из своих филологических наблюдений, Спелман приходит к выводу не только о наличии в английской истории нескольких «разрывов», но и о внешней обусловленности изменений, происходивших с английскими административными и правовыми институтами. В частности, возникновение феодального права Спелман возводит лишь к моменту нормандского завоевания, подчеркивая, что институты современной английской монархии имеют континентальные истоки и были перенесены на английскую почву во вполне сформированном виде.

Концепция правового дисконтинуитета в большой мере выделялась на фоне воззрений большинства участников Антикварного общества. Однако Спелман, как кажется, был склонен к независимым суждениям, о чем свидетельствует вторая его крупная работа, посвященная истории Церкви Англии.

Еще во время своей деятельности в провинциальном Норфолке Спелман неоднократно сталкивался с тем, какие проблемы порождал не всегда четко определенный статус земель и имущества, до Реформации принадлежавших Церкви и монастырям. С точки зрения Спелмана, привилегии Церкви в Англии нарушались, а ее достоинство умалялось. В 1613 г. он опубликовал пространное сочинение «*De non Temerandis Ecclesiis*», призванное доказать неотчуждаемость церковных земель в частные руки. Что гораздо более важно, текст Спелмана подразумевал незаконность проведенной Генрихом Тюдором секуляризации церковного имущества.

Второй работой Спелмана по церковной истории стала первая систематизированная публикация документов по церковной истории Англии, озаглавленная «*Concilia, Decreta, Leges, Constitutiones, in Re Ecclesiarum Orbis Britannici*». Идею создания подобного собрания Спелману, по его словам, подали и поддержали капеллан принца Уэльского (будущий епископ Норича) Мэтью Рен, влиятельные прелаты — Ланселот Эндрюс, Лод и, разумеется, Джеймс Ашер. Собранные документы должны были стать основанием своего рода «национальной историей церковного строительства»: на континенте «немцы, французы, итальянцы и другие народы уже опубликовали документы своих соборов, в то время как англичане, которые обладают неизмеримо большим количеством свидетельств, относящихся как к светским, так и к церковным делам, до сей поры не озаботились чем-то подобным».²⁰ Материала и впрямь оказалось более чем достаточно: на подготовку, комментирование источников и публикацию в 1639 г. первого тома, охватывавшего период с момента появления первых христиан в Британии до нормандского завоевания, у Спелмана ушло семь лет. Второй

²⁰ The English Works of Sir Henry Spelman. L., 1723. Vol. 1. Preface.

том, посвященный событиям вплоть до тюдоровской Реформации, был опубликован уже после смерти автора в 1664 г.

Церковная история в «антикварном прочтении» Спелмана заметно отличалась от существовавших протестантских образцов, концептуализировавших национальное церковное развитие, завершившееся Реформацией. Не только «Книга мучеников» Фокса, но и такие «национальные реформационные истории», как сочинения шотландцев Дж. Споттисвуда и У. Калдервуда, и даже самого Дж. Ашера, помимо «исторического» и «политического» тела Церкви раскрывали также и мистический аспект существования церковной общины. Церковь же Спелмана сугубо «материальна», ограничена теми письменными свидетельствами, появление которых обусловлено становлением ее институтов.

Архиепископ Джеймс Ашер

Говоря об архиепископе Ашере, невозможно решить, следует ли называть его политиком, религиозным деятелем, историком или теологом.²¹ В каждом из этих случаев он мог бы остаться фигурой провинциального ирландского масштаба, значимой лишь для локальной истории. Однако судьба распорядилась иначе, подарив Европе одного из самых ярких интеллектуалов эпохи.²²

На рубеже XVI–XVII вв. — впрочем, не в первый и не в последний раз — ирландское общество находилось в поиске собственной национальной, культурной и конфессиональной идентичности. Помимо политической борьбы и религиозных столкновений, этот поиск породил в Ирландии настоящий ренессанс исторического знания. Типичное для гуманистического метода возвращение к истокам — бережно сохраняемым хроникам, генеалогиям, житиям ирландских святых, фольклору, литературе — накладывалось на опасения, что очередная волна английской колонизации и протестантской реформации (с точки зрения католического ирландского лагеря) или, напротив, радикального национализма и папизма (с точки зрения англо-ирландского и протестантского лагеря) уничтожит то культурное наследие, которое на протяжении веков служило залогом самобытности ирландской нации. При этом и католическое, и протестантское направление в ирландском историописании стремилось опровергнуть прочно

²¹ Подробнее об Ашере см.: *Ford A. James Ussher. Theology, History and Politics in Early Modern Ireland and England. Oxford, 2007; Cunningham J. James Ussher and John Bramhall. The Theology and Politics of two Irish Ecclesiastics of the Seventeenth Century. Ashgate, 2007; Fincham K. Prelate and Pastor. The Episcopate of James I. Oxford, 1990; Milton A. Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600–1640. Cambridge, 1994.*

²² Полное издание сочинений Ашера: *The Whole Works of the Most Rev. James Ussher D. D. / Ed. by Ch. R. Elrington. In 17 vols. Dublin, 1847.*

укорененную в сознании британцев концепцию, выраженную еще в XII в. Гиральдом Камбрийским. С его точки зрения ирландцы по природе своей дики, жестоки и нецивилизованны, а историческое предназначение их земли — быть колонией англичан.

Католическое направление обращалось к историко-конфессиональной идее, согласно которой святой Патрик, без сомнений, находившийся в единстве с апостольским престолом, принес в Ирландию ту веру, которую жители острова с неизменным мужеством отстаивали в противоборстве с язычниками, данами, нормандцами, еретиками и пуританами. Подтверждения тому были найдены не только в оригинальных источниках, но и — что примечательно — у современных английских авторов, и не в последнюю очередь в сочинениях Кемдена.

Питер Ломбард, епископ Дэвид Рот, Джон Колган, Филипп О'Салливан Биаре, заново открывая сокровища ирландской агиографической литературы, в первой половине XVII в. через публикации средневековых источников утверждали представления о том, что ирландский народ оставался хранителем подлинной католической веры, сохранял преемственность не только подлинной католической традиции, но и — среди всех народов, населяющих Британские острова — подлинной кельтской культуры. Немало усилий было потрачено на разоблачение штудий Томаса Демпстера (1579–1625), «похитителя святых», доказывавшего, что большинство средневековых ирландских святых на самом деле происходило из Шотландии.²³ В деле «реабилитации» ирландских святых участвовали не только местные интеллектуалы и антиквари, но и континентальные ученые, в частности, болландисты и ирландские францисканцы, обосновавшиеся в Лувене.

Именно тогда утвердилось и по сей день существующее в исторической науке представление о том, что на пороге европейских «темных веков» именно ирландцы сохранили цивилизацию в Европе. Кроме того, «папистская» сторона всячески подчеркивала, с одной стороны, древность и устойчивость католической традиции и связанных с ней институтов, с другой — новизну протестантизма («Где была ваша Церковь, пока не появился Лютер?») и его оторванность от национальных культурных корней.²⁴ Текстом, популяризовавшим идеи ирландской католической историографии, стала «История Ирландии» («*Foras feasta ar Éirinn*»)²⁵ Джеффри Китинга.

В ответ на это протестантское историописание могло либо придерживаться прежней позиции и утверждать, что средневековая церковь Ирландии вовсе не была истинной церковью, а подлинный свет Реформации,

²³ Thomae Dempsteri *Historia ecclesiastica gentis Scotarum*. Bologna, 1627.

²⁴ Barnett S. J. «Where was your Church before Luther?» Claims for the antiquity of Protestantism examined // *Church History*. March 1999. P. 14–41.

²⁵ Keating G. *Foras feasa ar Éirinn The history of Ireland* / Ed. by D. Comyn and P. S. Dinneen. In 4 vols. L., 1902–1914.

способный дать жизнь кельтскому наследию, был принесен на остров английскими и шотландскими протестантами.

Очевидно, что и первый, и второй вариант не представлял достойной альтернативы для последовательной и яркой католической концепции. Протестантского лагерю, при всей его неоднородности, требовалась не просто переоценка отдельных эпизодов истории Ирландии, но и разработка такой концепции исторического пути ирландского народа, из которой логично вытекала бы конфессиональная идентичность живущих на острове протестантов; концепции, утверждавшей, что протестантизм — отнюдь не чужеродный элемент, принесенный на кельтскую почву колонизаторами, а логичное завершение культурного пути ирландской нации; концепции, подкрепленной не только фактическим и источниковым материалом, но и имеющей серьезное богословское основание. Следовательно, автор, задавшийся целью разрешить столь непростую задачу, должен был сочетать в себе качества историка, способного выстраивать непротиворечивую картину причинно-следственных связей, антиквария, владеющего всем богатством ирландского исторического наследия, теолога, могущего продемонстрировать духовное измерение истории, и политика, которому удалось бы сохранить голову, свободу и положение в обществе после публикации подобного труда. Джеймс Ашер, архиепископ Армага и примас Ирландии, в полной мере сочетал в себе все эти качества.

Ашер родился в 1581 г. в Дублине, в семействе, разделенном конфессиональными противоречиями. Его мать и дядя, Ричард Станихерст, были католиками; последний, автор сочинения по ранней истории христианства в Ирландии, эмигрировал в испанские Нидерланды и приобрел репутацию видного полемиста; дед и другой дядя Ашера, архиепископ Генри Ашер (1550–1613) стояли у истоков создания Тринити колледжа, «кальвинистского университета» в Ирландии; Джеймс был в числе первых студентов этого учебного заведения, призванного готовить, прежде всего, богословов — защитников кальвинистского вероучения. Поэтому первоначальная интеллектуальная формация будущего архиепископа была формацией богослова-полемиста. Уже в Тринити проявляются главные интеллектуальные страсти Ашера: увлечение древними языками, хронологией и коллекционированием книг. В 1601 г. колледж отправляет Ашера в Англию для пополнения книжного собрания университета, и в Лондоне он знакомится сначала с сэром Томасом Бодли, также занятым собиранием коллекции для Оксфорда, а затем, очевидно, с лондонскими антиквариями — Кемденом и Коттоном. В 1606 г., во время своего второго визита в Лондон Ашер уже общается с Лондонским обществом более тесно, знакомится с Коттоном и Сэлденом; с последним, несмотря на абсолютное несходство характеров и взглядов, они останутся близкими друзьями, и именно Ашер будет проповедовать на похоронах известного своим скептическим отношением

к религии Сэлдена. Как можно предположить, либо Кемден, либо Спелмен подают ему идею проекта, органично дополнившего бы изучение английских церковных древностей англичанами — написать историю церкви Британии, которая демонстрировала бы изначальную ее независимость от Римского престола. Эта идея уже активно эксплуатировалась английскими антиквариями, но лишь как один из дополнительных аргументов к тезису об имперской природе английской монархии. Кроме того, Кемден попросил прислать ему из Ирландии материалы для нового переиздания «Британии», в частности касавшиеся миссии св. Патрика и основания Дублина. Первая самостоятельная историческая работа Ашера, касавшаяся древних форм земельных держаний в Ирландии, по всей вероятности, была зачитана на собрании Общества, а впоследствии включена в «*Glossarium Arachaeologicum*» Генри Спелмана.

Следующие несколько лет Ашер посвящает антикатолической полемике в Ирландии, но при этом регулярно приезжает в Лондон, где становится не только признанным интеллектуалом, но и востребованным проповедником.²⁶ Ашер проповедует лично перед королем Яковом, в 1619 г. — в церкви Святого Мартина в Полях, которую обычно посещали придворные и знать, в 1620 г. — в палате общин. Содержание лондонских проповедей отразилось в небольшом «Рассуждении о религии, в древности исповедуемой ирландцами и британцами». По мысли Ашера, принесенное в Ирландию святым Патриком и другими миссионерами христианство содержало в себе неповрежденное учение апостолов, подлинную догматику и ексклезиологию. Эта вера, изначально общая для всех народов Европы, и есть подлинное католичество, и именно к нему вернулись те, кого ныне принято называть «протестантами». Те же, кто со времен средневековья претендовал на имя католиков, на самом деле пали перед искушениями светской власти и распространили ересь папизма как на континенте, так и на Британских островах. Опровержение их заблуждений и возвращение к первоначальному универсальному христианству и есть задача ведомой монархом Церкви Англии и Ирландии. Такая точка зрения, разумеется, была исключительно близка Якову I, в 1621 г. отдавшему Ашеру епископскую кафедру Мита, а в 1625 г. сделавшему его примасом Ирландии, епископом Армага.

То, что пытался осуществить в своих работах Ашер, означало переведение конфессиональной полемики в интеллектуальную сферу, с зыбкой почвы богословской риторики на твердую почву исторических фактов и источников. Протестанты и католики бесконечное число раз могли возносить на знамена имя святого Патрика или обычаи кельтской Церкви

²⁶ *Boran E. An Early friendship network of James Ussher, archbishop of Armagh, 1626–1656 // European Universities in the Age of Reformation and Counter-Reformation / Ed. by H. Robinson-Hammerstein. Dublin, 1998. P. 116–134.*

и порождать лишь новую волну взаимного неприятия; в то время как обращение к реальным письмам апостола Ирландии и к конкретным литургическим памятникам открывало, по мнению Ашера, возможности для предметного диалога с папистами, не столько с папсткой, сколько с образованной частью папсткой. Поэтому в 1632 г. он издает обширное собрание документов по ранней истории Церкви в Ирландии — «*Veterum Epistolarum Hibernicarum Sylloge*», включающее пресловутые послания святого Патрика, ранние жития и другие свидетельства о его миссии, фрагменты раннесредневековых хроник, материалы, касающиеся споров об исчислении даты Пасхи между кельтской и Римской Церквями. В 1639 г. с посвящением Карлу I выходит в свет «*Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates*» — церковная история Ирландии, ориентированная не только на британскую, но и на континентальную аудиторию; следовательно, антикатолический пафос трактата был существенно смягчен. Выдающуюся роль ирландской Церкви следовало продемонстрировать всей Европе.

С 1630-х годов деятельность Ашера-епископа осложняется возвышением на политическом небосклоне Британии архиепископа Лода и арминиаинства при молчаливом одобрении Карла I, который, впрочем, питал искреннее почтение к ученому ирландскому архиепископу. Ашер, всегда считавший арминиаинство современным вариантом пелагианской ереси, но при этом не желавший разжигать открытый конфликт с монархом и его фаворитом, был вынужден надолго перебраться в Ирландию и погрузиться в изучение темы, интересовавшей его уже давно: хронологии. Отдавая должное истории истинной Церкви, историк; восстанавливает подлинную хронологию, очищает для людей картину Творения и делает ее живой и динамичной, демонстрирует, как замысел Творца реализован в параллельном движении народов и царств к единой конечной цели.

На Ашера произвело большое впечатление опубликованное Сэлденом в 1628 г. сочинение «*Marmora Arundeliana*» и внесенные им уточнения в хронологию греческой истории: после прочтения он написал Сэлдену письмо о том, как хорошо было бы соотнести события истории древней Греции с фактами истории Избранного народа. Впрочем, Ашера не устраивали частные задачи, и вскоре он перешел к реализации гораздо более масштабного проекта, потребовавшего почти двадцать лет работы. В 1650 г. выходит в свет первая часть латинских «*Анналов Ветхого и Нового завета*», охватывающая хронологию от сотворения мира до событий, описанных в книгах Маккавейских; в 1654 г. — вторая часть, охватывающая события до разрушения иерусалимского Храма в 70 г. н. э. В 1658 г. был издан английский перевод сочинения — «*Анналы Ветхого и Нового Завета, или Мировые анналы от начала времен*». Этот труд, пожалуй, самый известный из сочинений Ашера, продолжал традицию, определенную для христианского Запада в IV в. Евсевием Кесарийским.

Видение в истории единого божественного замысла, яснее всего реализованного с начала времен через историю народа Божьего Ветхого Завета, а после Воплощения — через историю Церкви, приводило к мысли о необходимости синхронизации событий мировой истории вокруг этого стержня. Евсевий же сталкивается и с проблемами, продолжавшими волновать его последователей вплоть до эпохи Возрождения, а именно: как адекватно соотнести между собой разные системы летоисчисления (основывающиеся на олимпиаде — в Греции, годах консульства и эры императоров — в Риме, датировке от Рождества Христова — для христиан); какое событие может быть с точностью датировано как самое древнее; наконец, возможно ли вообще создание универсальной сквозной хронологии для всего разнообразия мировых культур.

Среди современников архиепископ Армага был отнюдь не одинок в своем интересе к хронологии: в 1598 г. Иосиф Юст Скалигер опубликовал трактат «*De Emendatione Temporum*», где излагал принципы хронологических исследований и вытекающие из них проблемы, в 1606 г. — «*Thesaurus Temporum*», содержащий сравнительные хронологии Древнего мира. В 1627 г. сочинения Скалигера были дополнены и переработаны французским иезуитом Дионисием Петавием и изданы под заглавием «*De Doctrina Temporum*». Отчасти работа Ашера была вызвана реакцией на труды Скалигера и желанием исправить мнения и вычисления, казавшиеся Ашеру ошибочными.

Представляется, что перед Ашером-теологом хронологические штудии в какой-то мере всегда ставили извечный вопрос о соотношении веры и разума: насколько информация и смысл, заложенный в Священном Писании, могли подлинно открываться перед исследователем, применявшим к изучению текста все доступные ему критические методы, данные смежных дисциплин и дополнительные источники. По убеждению Ашера, разум, бесспорно, оказывался достоин того, чтобы получить необходимые ему ответы. Сам Бог, открывающий Себя через Писание, представал подлинным историком и говорил не метафорами и иносказаниями, а точными фактами, на которые и читателю следовало смотреть глазами историка, а не поэта.

При написании «Анналов» Ашеру, разумеется, в полной мере пришлось использовать свои познания в древних и восточных языках, увлечение которыми так сближало его с другим выдающимся ориенталистом и гебраистом Сэлденом. Архиепископ активно собирал коллекцию восточных редкостей, прежде всего религиозных текстов, и содержал нескольких агентов, добывавших для него новые экземпляры на Востоке. Ашер не только пользовался коллекцией сам, но и щедро делился собранным не только с ирландскими, но и с английскими коллегами. Время от времени экземпляры из библиотеки Коттона оказывались в Дублине, а манускрипты из собрания Ашера — в Лондоне; часть собрания он одолжил для подготовки издания «*Biblia Polyglota*» руководившему проектом Брайану Уолтону, несмотря

на лаудианские и арминианские симпатии последнего. Впрочем, к самому Лоду Ашер сохранял уважение не в последней степени из-за того, что тот также собрал значительную ориенталистскую коллекцию.

В конце 1630-х — начале 1640-х годов архиепископ Ашер, как и многие его современники, оказался перед нелегкой перспективой выбора сторон в конфликте английского монарха и парламента. Долгое время ему удавалось уклоняться от конфликта: в глазах короля Карла и его окружения он был последовательным защитником епископата, в глазах парламента и пресвитерианской партии — столпом протестантизма и обличителем папистских заблуждений, в связи с чем он избежал негативного отношения, которое вызывало у тех же пресвитериан большинство духовных пэров — членов палаты лордов. Обе конфликтующие стороны старались заполучить влиятельного примаса Ирландии в свой лагерь как путем убеждений, так и всевозможными подарками. Однако 12 июля 1642 г. Ашер, в проповеди обычно придерживавшийся строгих рамок библейской экзегезы, на воскресном богослужении в Ковент Гарден озвучил свою позицию относительно противостояния монарха и подданных. Слова архиепископа не понравились никому: он утверждал, что люди, наущаемые дьяволом, есть по обе стороны баррикад, а их соперничество принесет стране лишь бедствия. Скорее в силу обстоятельств, чем в результате свободного выбора? вскоре Ашер оказался в ставке роялистов — Оксфорде, но и там не стал полностью своим. Вернувшись в 1646 г. в Лондон, он, теперь уже запятанный «роялизмом», оказался мишенью парламентариев и только по ходатайству Сэлдена избежал судебного разбирательства. Казнь короля, которую Ашер наблюдал с крыши одного из близлежащих домов, он воспринял как знак окончания своей публичной деятельности и вплоть до смерти, последовавшей в 1656 г., в уединении предавался изучению библейских текстов.

ДРУГИЕ АНТИКВАРИИ КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Фрэнсис Маркэм (1565—1627)

Пример Фрэнсиса Маркэма показывает, что даже среди писателей антикварного круга можно встретить персонажей, склонных к авантюризму и непостоянству в занятиях. Маркэм родился в семье мелкого дворянина в Ноттингемшире, воспитывался в доме графа Пемброка. В 1582 г. поступил в Тринити колледж, но вскоре забросил учебу, и без согласия родственников отправился служить волонтером в армию в Нидерланды, где продвинулся в чине и служил под началом сэра Уильяма Пелама, отличившись в осаде Слейса. После смерти Пелама Маркэм возвращается в Англию и в 1588 г.

приступает к изучению права в Грейз Инне. 1601 г. датируется его рукопись «Генеалогия семейства Маркэма», снабженная глоссарием англо-саксонских терминов и имен. Очередной порыв Маркэма к наукам оказался недолговечным, и вскоре он снова оказывается на военной службе, сначала при Филиппе Сидни, затем в войске герцога Ангальтского и, наконец, под началом Эссекса во время его предприятий во Франции и Ирландии. Мимоходом он, что едва ли удивительно, успел прослушать лекции по праву в Гейдельберге. Закончились странствия Маркэма с пожалованием ему должности распорядителя парадов в родном Ноттингеме. На досуге он предавался сочинительству, и в 1622 г. опубликовал «Пятьдесят писем о войнах», а в 1626-м — «Книгу о достоинствах». Названный труд, пожалуй, самый литературно вычурный среди антикварных трактатов. Внимание автора приковано не столько к знати, сколько к королевскому достоинству, и если у большинства антиквариев рассуждения строятся как анализ отношений знати с монархом (и интересы знати оказываются на первом месте), то у Маркэма представлены отношения монарха и знати, а фигура самодержца явно затмевает все прочие составляющие общества. В «Книге о достоинствах» мало исторических деталей, однако используются все традиционные для антиквариев элементы риторики королевской власти, щедро расцвеченные авторским красноречием. Использование некоторых сюжетов и образов более всего роднитopus Маркэма с геральдическим трактатом Джона Гвиллима. Как источник, «Книга о достоинствах» доносит представление, прежде всего, о возможных способах и путях повествования о королевской власти и ее репрезентации.

Джон Гвиллим (1565—1621)

Биографические сведения о Джоне Гвиллиме, авторе сочинения «Обозрение геральдики», крайне скудны. Он родился в 1565 г. в Херфорде, в семействе, имевшем валлийские корни; образование получил в Оксфорде. После окончания университета он отправился в Лондон, где вошел в состав коллегии герольдов в качестве «последователя» Красного Креста. Более подробных сведений о жизни Гвиллима не сохранилось, несмотря на то, что его сочинение, впервые опубликованное в 1610 г. — «Обозрение геральдики, обнаруживающее более простой путь к ее познанию»,²⁷ без преувеличения, стало одним из самых авторитетных и читаемых произведений о геральдике, сохраняло свою популярность и значимость на протяжении нескольких столетий.

Уже первое издание с раскрашенными гравюрами, посвященное королю Якову I, сопровождалось хвалебными одами Джона Дэвиса

²⁷ *Guillim J. A Display of Heraldrie: manifesting a more easie accesse to the knowledge thereof than hath beene hitherto published by any...* L., 1610.

и Уильяма Сегара в адрес Гвиллима; издания 1611 и 1612 гг. повторяли первое; трактат переиздавался в 1632, 1638, 1660, 1662 и 1668 гг.; в 1672 г. свет увидело самое роскошное издание «Обозрения», посвященное Карлу II и украшенное сотнями гравюр, изображающих гербы, и портретами, выполненными с оригинала Ван Дейка.

При жизни Гвиллима высказывалось мнение, что подлинное авторство его сочинения принадлежит Джону Баркэму, который якобы отдал Гвиллиму готовую рукопись и позволил опубликовать ее с небольшими изменениями. Впрочем, в коллегии герольдов каждый из ее членов рано или поздно сталкивался с подобными обвинениями со стороны менее успешных коллег. По-видимому, перу Баркэма принадлежали лишь несколько замечаний к тексту Гвиллима.

Трактат Гвиллима — не только ценный и чрезвычайно оригинальный источник для изучения представлений антиквариев о дворянской знатности. Сочинение Гвиллима дает шанс понять, как выработанные Антикварным обществом методы воздействовали на развитие собственно геральдической рефлексии. Оригинальность его состоит в том, что авторская концепция знатности преподносится читателю не в виде словесных сентенций, а через демонстрацию галереи зрительных образов (геральдических фигур). Сам текст сводится к беспристрастному изложению правил составления герба и к истолкованию символического значения его составных частей — прием, вполне традиционный для введений в геральдическое искусство и повторенных последователями Гвиллима. Однако пояснения к фигурам лишены категоричности и почти всегда неоднозначны. Если по какому-либо вопросу существует несколько мнений одинаково авторитетных авторов, Гвиллим излагает все известные ему суждения, предоставляя читателю делать окончательные выводы самому. Подобная манера подачи материала, когда автор умышленно старается не заявлять открыто своего личного мнения, демонстрирует характерное для всех антиквариев стремление к объективности, беспристрастности в исследовании.

Чтобы понять смысл, вкладываемый Гвиллимом в свое творение, читателю следовало вопрошать свой собственный разум, логику и воображение, чтобы прийти к выводам и заключениям, которые автор умышленно оставил ненаписанными. Создавая книгу-мозаику геральдических символов, Гвиллим приглашает каждого, кто ее открывает, к соавторству, к совместному поиску решения.

«Обозрение геральдики» состоит из двух смысловых частей. Первая часть книги - теоретическая: в ней показано, чем может быть заполнено пространство щита, а также приведены толкования геральдических фигур. Каждый раздел предваряется авторскими замечаниями, помогающими соотнести ту или иную группу фигур с компонентами знатности. Вторая часть книги демонстрирует конкретные гербы, соответствующие каждому

дворянскому титулу, и приводит образцы их блазонирования, и, главное, рассуждения автора о знати и знатности. Объем «теоретического» текста — то есть не связанного непосредственно с толкованием геральдических тонкостей — невелик, но в кратких формулировках Гвиллиму удается выразить свою нетрадиционную концепцию знати, где важным фактором, определяющим положение дворянина, становятся его личные дарования и способности, а также избранный для карьеры путь.

Мэтью Картер (? — ?1660)

Сведения об этом авторе также не слишком обширны. Во время гражданской войны 1648 г. Картер — состоятельный и влиятельный джентльмен в графстве Кент; присоединившись к делу короля, он получает должность генерал-квартирмейстера королевских сил в Кенте; участвует в обороне Колчестера, после чего попадает в заключение по приказу парламента. Вынужденный досуг позволяет Картеру предаваться литературному творчеству, результатом чего стали его воспоминания о недавних военных событиях, изложенные в мемуарах «*A most true and exact relation of that as Honourable as Unfortunate Expedition of Kent, Essex and Colchester*» (Достовернейшая и точная реляция о сколь доблестной, столь и несчастливой экспедиции в Кент, Эссекс и Колчестер) (1648). Второе принадлежащее ему сочинение — рассматриваемый ниже трактат «*Honor Redivivus*, или рассмотрение гербов и геральдики». Первое издание вышло в свет в Лондоне в 1655 г.; второе — в 1660 г., в настоящей работе использовалось третье издание 1673 г.

Трудно предположить, был ли Картер вхож непосредственно в круг лондонских антиквариев, но, безусловно, их творения были ему прекрасно знакомы. «*Honor Redivivus*» — самый поздний из рассмотренных источников и едва ли не самый краткий по объему; он представляет собой компиляцию из более ранних антикварных трактатов. Однако при этом сочинение Картера представляется одним из самых важных источников при рассмотрении концепций антикварной школы, и вот почему. Во-первых, тщательно составленный библиографический аппарат позволяет определить круг посвященных знатному обществу работ, оставшихся авторитетными при трактовке положения знати и в 1650-е годы. Спектр этих сочинений не слишком велик и полностью повторяет перечень антикварных трактатов, проанализированных в настоящем исследовании. Основными источниками для Картера служили трактаты Сегара, Гвиллима и Сэлдена; повторяются цитируемые ими античные (Аристотель, Сенека), средневековые (Бартоло, Аптон) авторы, а также сочинения герольдов. Причем очевидно, что, скорее всего, цитировались не оригинальные издания, а приводились цитаты, уже включенные в сочинения антиквариев-предшественников Картера.

Во-вторых, нужно заметить, что, несмотря на изменения, оформившиеся в английском обществе при первых двух Стюартах, и потрясения

гражданской войны, сочинения лондонских эрудитов оставались актуальными и несколько десятилетий спустя, а это позволяет предположить, что отраженные ими социальные концепции адекватно отражали состояние и умонастроение английской знати как для первой, так и для второй половины XVII столетия.

В-третьих, Картер оказался не просто добросовестным компилятором, но автором, мыслившим творчески и концептуально. Ему удастся не только следовать методу, общепринятому среди антиквариев, то есть обосновывать свои суждения с помощью прецедентов, но и сделать ясной авторскую точку зрения, которая в большинстве случаев оказывается логическим завершением намеченных предшественниками требований (в частности, речь идет о критериях дворянской знатности). Картеру, ориентировавшемуся на широкую аудиторию читателей, свойственно давать яркие сжатые формулировки и последовательно излагать самые существенные детали.

Томас Миллз (?1550—1627)

Томас Миллз выделяется среди остальных антиквариев как родом своей профессиональной деятельности, так и оригинальными историческими воззрениями. Сын Ричарда Миллза из Ашфорда от его первого брака с Джоанной, дочерью Томаса Глауэра из Ашфорда и сестрой Роберта Глауэра (герольда Сомерсета, члена Антикварного общества), родился в Кенте, около 1550 г. Он получил образование в Грейз Инне и поступил на службу примерно в 1570 г. В течение последующих 15 лет он участвовал в дипломатических миссиях во Францию, Фландрию и Шотландию. В 1570 г. Миллз был назначен бэйлифом Сэндвича. В 1585 г. Уолсингем использует его в качестве агента в переговорах с Шотландией. В 1586 г. он сопровождал посольство Рэндолфа в Эдинбург, где участвовал в заключении Бервикского договора (1586). По возвращении Миллз получил выгодную должность главы таможи г. Сэндвич. Кроме материальных преимуществ, этот пост давал большие возможности для знакомства с отечественными и иностранными документами, перепиской, сведениями, полученными от приезжавших иностранцев и т. п. Для королевы и ее правительства преданные и информированные люди на таких должностях были просто необходимы: так, Миллз фактически служил правительственным информатором и помог в раскрытии многочисленных заговоров той эпохи. В 1591 г. Миллза рекомендовали для поездки в Нормандию для наблюдения за действиями четырехтысячного контингента под командованием Эссекса, который был послан Елизаветой на помощь Генриху Наваррскому против Католической Лиги. После участия в экспедиции в Кадис (1596) Миллз на протяжении двух лет занимает должность контролера цен в Плимуте, затем — коменданта Рочестерского замка; в 1602 г. ему было предложено стать советником в государственном совете Нидерландов, но в итоге назна-

чение не состоялось. Миллз, однако, предпочел довольствоваться постом бэйлифа в Сэндвиче (1623) и посвятить остаток жизни написанию работ по экономике, в которых защищал систему откупов.

Сочинение Миллза «О знати политической, или гражданской» увидело свет в двух изданиях — сокращенном латинском («*Nobilitas politica vel civilis*», 1608 г.) и расширенном авторском переводе на английский, получившем название «Каталог достоинств...» («*The Cathalogue of Honor, or, Treasury of true Nobility peculiar and proper to the Isle of Great Britaine...*», датируемое 1610 г.). Это издание было выпущено крайне ограниченным тиражом — не более 10 экземпляров (два из которых хранятся в библиотеке Британского музея, один — в Отделе редкой книги БАН). Фолиант насчитывает более 1100 страниц, на большей части которых помещены раскрашенные вручную гравюры.

Сэр Уильям Сегар (?–1633)

Сэр Уильям Сегар, о происхождении и образовании которого не сохранилось точных данных, начал карьеру с должности нотариуса при сэре Томасе Хинидже, вице-чемберлене королевы Елизаветы. Благодаря его покровительству Сегар был включен в коллегия герольдов в качестве «последователя» Королевская Решетка. (Введение в должность состоялось в Дерби-хаузе и осуществлялось Джорджем Толботом, графом Шресбери 10 июня 1585 г.). В этой должности Сегар присутствует на празднике, устроенном графом Лейстером в день св. Георга (23 апреля 1586 г.) в Утрехте. Вскоре последовало повышение по службе: 4 января 1588 г. Сегар стал герольдом Сомерсет, а в 1593-м — королевским герольдом Норрой, хотя его патент на эту должность был утвержден только 2 июня 1602 г. В 1603 г. вышел билль, скрепленный Малой государственной печатью, о назначении Сегара старшим в коллегии герольдов, то есть Королевским герольдом Подвязки вместо сэра Уильяма Дэтика. На основании этого билля и авторитета «*Rex Armorum Ordinis*», и не дожидаясь скрепления патента Большой королевской печатью, Сегар счел свои полномочия достаточными, чтобы вручить инсигнии ордена Подвязки королю Дании Кристиану IV. Однако Дэтик вскоре был возвращен на свою прежнюю должность и включен в состав английского посольства по случаю инвеституры герцога Вюртембергского. Поведение Королевского герольда во время этой церемонии вновь навлекло на него немилость, и Дэтик опять был смещен. Сегар не преминул воспользоваться ситуацией и представил новый, на сей раз скрепленный Большой королевской печатью, билль о своем назначении герольдом Подвязки.

В 1612 г. Сегару было поручено доставить инсигнии Ордена принцу Морицу Оранскому; после успешного окончания этой миссии 5 ноября 1616 г. в Уайтхолле Сегар был посвящен в рыцари. В декабре 1616 г.,

однако, в коллегии начались новые интриги, повлекшие сначала заключение Сегара в тюрьму, но закончившиеся его полным оправданием и освобождением. После этого он продолжал свою деятельность в коллегии, исполняя различные почетные поручения, например, такие как инспектирование Линкольнз Инна или вручение орденских инсигний.

Уильям Сегар является автором нескольких работ, тематика которых определяется его деятельностью в коллегии герольдов. Наиболее примечательные из них: «Описание праздника в день св. Георга, данного в Утрехте графом Лейстером» (1586); «Книга о достоинстве и гербах» (1590); «Гербы и родословные всех английских королей от Эгберта до королевы Елизаветы» (не датировано); «Гербы рыцарей благородного Ордена Подвязки» (1591).²⁸

Наиболее значительное сочинение Сегара — «О достоинстве, военном и гражданском» (1602). Сочинение объединяет четыре совершенно независимых друг от друга, но связанных тематически раздела («Военная юрисдикция и правосудие»; «Общие и частные замечания касательно рыцарства»; «О поединках и триумфах»; «О порядке следования титулов и достоинств»). Этот трактат интересен, прежде всего, с точки зрения используемых в нем риторических приемов и заметного этического компонента, включенного в достаточно консервативные для антикварного направления построения о знати и знатности.

---

²⁸ Подробнее см.: *Dallaway J. Inquiries into the Origin and progress of the science of Heraldry. Gloucester, 1793.*

Глава II

АНТИКВАРНЫЙ ДИСКУРС: ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

КРИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНТИКВАРИЕВ

Благодаря неизменному интересу современных исследователей к наследию английских антиквариев XVI–XVII вв., их значительный вклад в развитие исторической мысли раннего Нового времени не вызывает сомнения.²⁹ Сказанное относится в равной степени как к дальнейшему развитию в рамках антикварных студий основных жанровых особенностей историописания, масштабу выполненных ими исследований, методам критики исторических источников, так и к интеллектуально-психологическим установкам и ценностям антикварного дискурса в целом. Подмеченные специалистами особенности антикварного сознания сполна демонстрируют характерное для английских ученых этого круга стремление придать структуре исторического повествования определенные черты, индивидуализирующие вплетенные в него судьбы людей, конкретные факты и события. Нарочито прописанные курьезы в жизни мифических и реальных персонажей, развенчание сложившихся стереотипов в отношении регионального, и более широко — национального прошлого, обескураживающее прочтение этимологии слов, терминов и понятий, лексикографические опыты — все это подчинялось у антиквариев вполне определенной задаче.

---

²⁹ English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956; *Helgersson R.* Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of England. Chicago, 1992; *Parry G.* The Trophies of Time: English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, New York, 1995; *Shapiro B. J.* A Culture of Fact. England, 1550–1720. Cambridge, 2003; *Зверева В. В.* Представление прошлого в трудах английских антикваров // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 223–242; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннегуманитарной Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–198; *Федоров С. Е.* Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии. СПб., 2007.

Историческое явление складывалось из своеобразия и неповторимости составлявших его элементов, значение отдельных слов и понятий — из множества определявших их постепенную эволюцию смыслов, обновленная национальная история — из составлявших ее богатую палитру региональных оттенков.

Создаваемые антиквариями тексты также были преисполнены авторской индивидуальности, отличались особой вовлеченностью повествователя в описываемые события. Опиравшиеся по-прежнему на авторитет предшественников, эти тексты уже не походили на традиционные, характерные для средневековой традиции компиляции. Используемый антиквариями материал из сочинений предшественников либо свободно излагался в характерной для заимствовавшего манере, либо там, где этого требовал принцип изложения, оформлялся в виде выделенной особым шрифтом цитаты с указанием автора или даже заключался в кавычки. При этом перелагаемый или включаемый без изменений отрывок сопровождался необходимыми пояснениями и замечаниями рассказчика. Созданный таким образом текст был всегда узнаваем и неповторим: антикварии были обречены на индивидуальную славу или поругание, каждый из них нес персональную ответственность за созданное ими сочинение.

Индивидуальная неповторимость антикварных текстов, тем не менее, не исключала присутствие легко распознаваемых в них общих черт, объединявших их создателей в единое интеллектуальное целое. Точность исторической реконструкции зависела не только от критического прочтения письменных свидетельств прошлого, объективного отношения к его материальным артефактам, но и от организации подчиненного задачам подобного рода исследования стилистического, лексического и даже грамматического пространства исторического повествования. Антикварное сознание требовало в интересах историописания первоначально «свернуть» реконструированные факты и события в текст со всеми присущими ему особенностями с тем, чтобы затем при каждом прочтении вербально организованная действительность могла «разворачиваться» самим читателем и тем самым приобретать необходимые черты реальной действительности.

«Сворачивание» и повторное «разворачивание»³⁰ действительности в свою очередь подчинялось в сознании антиквариев вполне определенной цели. Ее исходным концептом, как представляется, оказывалось присущее организованным таким образом студиям неизменное стремление использовать характерные для общества раннего нового времени «процедуры»

³⁰ Федоров С. Е. 1) Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петербурга. Ун-та. Сер. 2. Вып. 4. 1998. С. 16–25; 2) О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средневековья и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2000. С. 160–179.

поддержания и воспроизведения исторической памяти.³¹ Опираясь в своей реконструкции и изложении фактов на древние, средневековые, а также введенные в оборот их современниками исторические ресурсы, антикварианты ориентировались не только на запросы их влиятельных патронов, но и интеллектуальные и политические потребности образованной элиты британского общества раннего Нового времени. Провозглашаемый каждым из них объективный подход к свидетельствам прошлого, при всей его несомненной значимости, все-таки определялся потребностями времени. В этом смысле доминирующие общественные идеалы определяли как стратегию «сворачивания» действительности в антикварных текстах, так и допустимые механизмы ее «разворачивания» уже за пределами их вербального пространства.

Динамика такого «развертывания» подразумевала, что созданный антикварием текст первоначально воскрешает в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, далее — определенные переживания, и только потом — возможные умозаключения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антикварианты тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых ими текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, ограничивалась господствующими стереотипами. Целостность образов и предопределенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и — что самое главное — предопределяла потенциальные ракурсы умозаключений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием элиты и контролировавшими ее историческую память.

Процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти, содержащиеся в антикварных текстах, при всей их нормативности, опять-таки не исключали индивидуальных решений. В этом смысле корпоративность антикварного сознания на деле оказывалась достаточно гибкой, и если предлагаемая новация не нарушала культивируемой этим сообществом нормы, ее охотно принимали и даже заимствовали.

Среди подобного рода новаций существует ряд предложенных антиквариями решений, потенциальное значение которых для развития исто-

³¹ Используемое нами понятие восходит к термину «процедуры признания исторической памяти», впервые введенному английской исследовательницей С. Рэдстоун: *Radstone S. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. No. 1. P. 134–135.* — О перспективности наблюдений Рэдстоун см.: *Репина Л. П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 27–28.*

риописательных стратегий и самого антикварного дискурса в целом было достаточно велико. Именно подобного рода решения вызывали у читателей и интересующейся историческим прошлым британских островов публики весьма определенные ассоциации. Их смысловые рамки не только выстраивали в сознании современников необходимые с точки зрения автора причинно-следственные связи, но и определяли контекст конечного восприятия собирательных образов, метафор, а также излагаемой вереницы событий и фактов. Такое «подталкивание» читателя к желательному итогу, провоцируемое отдельными антикварными текстами или группой связанных между собою текстов, обеспечивало поддержание определенного типа исторической памяти и его регулярное воспроизведение.

Наиболее характерными для англичан конца XVI — первой половины XVII в. были три типа исторической памяти,³² механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо, наконец, на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся ассоциации и параллели с римской историей не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также демонстрировали преемственность в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв.

Если романизирующий тип исторического сознания относился к числу повсеместно признаваемого, то два последующих типа исторической памяти, характеризовавших антикварный дискурс тех лет, весьма избирательно оценивались как интеллектуальным сообществом той поры, так и определявшей его основные вкусы политической элитой. Повторно германизирующий национальную историю подход вызывал наибольшее недовольство среди облеченных властью патронов, поскольку нарочито подчеркиваемая национальная специфика не всегда могла конкурировать со значительно романизированными континентальными примерами.

³² Авторы сознательно пошли на подобную схематизацию типов исторической памяти, руководствуясь интересами обсуждаемой проблематики, но не отрицая при этом других более дробных, бытующих в литературе классификаций: *English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries* / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956; *Levy F. Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967; *Shapiro B. J. A Culture of Fact. England, 1550–1720*. Cambridge, 2003.

Очевидно, комбинированный подход при всей его эклектичности был более приемлемым, хотя и уступал романизирующему подходу в яркости и емкости конечных формулировок.

Каждый из указанных подходов с характерной для него картиной исторического прошлого и механизмами ее поддержания либо, как романизирующий вариант, уже упрочивал собственные позиции, либо, как германизирующий или комбинирующий оба концепта, — усиленно пробивал себе дорогу к интеллектуальному пространству английского общества раннего нового времени. И там, где речь шла о завоевании позиций, акцент на новаторском характере самих репрезентирующих прошлое технологий оказывался особенно очевидным.

Технологии, конечно, понятие условное, но именно оно, с присущей такого рода обобщениям суммарностью, вполне удачно отражает и схематизирует процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти. Антикварию, заинтересованные в укоренении менее популярных взглядов на прошлое, весьма широко использовали интеллектуальные и ментальные ресурсы англичан с тем, чтобы предлагаемые в их сочинениях варианты «распознавания» прошлого аккумулировали если не широко распространенные приемы его репрезентации, то, во всяком случае, «запускали» в сознании современников своеобразные, без отказа работающие механизмы.

К таким безотказно работающим механизмам могли относиться смысловые параллели, уравнивавшие, к примеру, ремесло историка с ремеслом популярных и более известных профессий, а также уподобление историописания другим более доступным занятиям или даже развлечениям.

Одним из общих мест в историографических очерках, как правило, является указание на важную роль, которую стюартовские антикварию сыграла в развитии источниковедения и критики источников. С деятельностью антиквариев связывается открытие значительного пласта источников, прежде всего относящихся к средневековой истории Британии. С одной стороны, их заслугой является формирование обширных и разнообразных коллекций (таких как собрания Коттона и Сэлдена),³³ включавших книги и рукописи самого разнообразного характера; с другой — понимание важности критического подхода к источнику, внимание к вопросам подлинности документа, времени его создания, авторства, происхождения, филологический интерес к языку источника и др.

Представляется, что едва ли не самую важную причину, повлиявшую на формирование подобного подхода к источникам и, шире — к фактам вообще, следует искать в социопрофессиональной принадлежности боль-

³³ Подробнее об антикварных коллекциях см.: *Peck L. L. Consuming splendor: Society and Culture in Seventeenth-Century England. L., 2005*; *Sir Robert Cotton as collector: essays on an early Stuart courtier and his legacy / Ed. by C. J. Wright. L., 1997*.

шинства антиквариев, конкретно — в их юридическом образовании и юридической профессии. Практики и ценности, выработанные на протяжении нескольких столетий юристами общего права и воспринятые антиквариями, переносятся в область исторических исследований и в конце концов во многом определяют подход к видению прошлого и настоящего³⁴.

Первое, что необходимо заметить, это очевидная аналогия между прецедентной основой общего права и построением всего антикварного движения³⁵ на тщательном поиске, собирании и анализе разнообразных «осколков прошлого», если воспользоваться метафорой Ф. Бэкона.³⁶ Как в основе общего права лежит прецедент, так и в основе антикварного поиска находится «факт» — будь то документ, объемный трактат или фрагмент утраченной рукописи, или надгробная плита, или монета, печать или герб — любое осязаемое свидетельство свершившегося события.

Параллель «прецедент-факт» может быть развернута и в иной плоскости. Юрист должен всегда искать необходимый прецедент так же, как антикварий — «факт»; только найденный прецедент может стать основой для официального суждения. В той же мере отобранный факт — основа для суждения историка.

Если же необходимого прецедента не существует, то судья создает его сам, и новый прецедент в свою очередь становится основой для всех последующих суждений. При этом созданный прецедент все равно опирается на традицию. Отсутствие знания или факта заставляет антиквария трудиться над его созданием, но создается он с учетом традиции. Так, языковые реалии прошлого помогают создавать для антиквариев факты настоящего.

Умение юриста оперировать большими объемами зачастую разноплановых материалов сыграло свою роль в том, насколько насыщенными всевозможными цитатами оказались лучшие творения антикварной школы. Нередко мысль автора трудно проследить попросту из-за большого количества приводимых источников, относящихся к значительно отстоящим друг от друга эпохам и областям знания. Одновременно обращение юристов как к уже опубликованным, так и хранящимся в архивах статутам и юридическим «ежегодникам» формировало отношение к средневековому прошлому не как к абсолютно прошедшему и не связанному с реальностью периода, а как к эпохе, актуально и осязаемо влияющей на разрешение насущных теоретических и практических вопросов.

В глазах современников общее право, многочисленные похвалы которому оставили на страницах своих исторических сочинений в том числе и антиквариин, предоставляло кратчайший по сравнению с другими

³⁴ *Sommerville J. Politics and Ideology in England 1603–1640. L., 1995. P. 90–95.*

³⁵ *Shapiro B. J. A Culture of Fact: England 1550–1720. Cambridge, 2003. P. 120–124.*

³⁶ *Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1971. С. 170.*

правовыми системами (прежде всего с правом римским) путь к постижению истины именно потому, что основывалось на фактах, а не на суждениях. Доказательство должно было строиться в первую очередь на поиске аналогичных явлений и решений в прошлом, и только потом — на логике, вызывавшей обнаруженные факты друг с другом.

Без сомнения, в глазах антиквариев-юристов огромной ценностью английской правовой системы являлось существование суда присяжных, роль которых состояла не в составлении комментариев или выдвижении догадок, а в процедуре вынесения вердикта на основе представленных их взором фактов и свидетельских показаний. Дабы уберечь присяжных от возможных заблуждений, юридическая традиция выработала сложные правила, позволявшие определить степень доверия к свидетелю и исключить возможность некомпетентных, двусмысленных или заинтересованных показаний. В случае серьезных преступлений, когда невозможно было получить показания двух надежных свидетелей, необходимых для «полного» доказательства вины, а признания самого обвиняемого не было, судье было достаточно показаний одного или нескольких менее надежных свидетелей. Для определения степени доверия к свидетелям использовались критерии, восходящие к античной риторической традиции (пол, возраст, социальный статус, образование и т. д.).

Те же принципы озвучиваются антиквариями и в их суждениях о ремесле историка. По господствовавшему среди членов Общества убеждению, историк-антикварий должен стремиться не столько к завещанному древними морализаторству («история — наставница жизни»), а к установлению истины, и, следовательно, очищать свой труд от всевозможных мифов и невероятных историй, «поэтических выдумок», «гимнов древних бардов» и «мифических рассказней», по выражению Сэлдена. Мнение предшественников могло оказаться предвзятым, а их информация — ошибочной. Если следовать рассуждениям Дж. Сэлдена, извращение истории происходит потому, что недобросовестные авторы склонны бездумно повторять мнения других историков, причем если обращение к Плутарху или Полибию оправдано древностью и авторитетом их сочинений, то цитировать «современного голландского автора — все равно что обращаться к поваренку с кухни».³⁷ Иными словами, для антиквариев чужое мнение не должно было становиться основой для собственных выводов. Разбирая каждый конкретный исторический прецедент, следовало обращаться к «фактам», то есть к оригинальным письменным (или даже материальным) источникам. Информация, почерпнутая из документов, приравнивалась к показаниям, а сами источники уподоблялись присутствующим на про-

³⁷ *Selden J. Table talk, being the discourse of John Selden. L., 1899. P. 21.*

пессе свидетелям. (Так, Сэлден писал: «Когда я цитирую [документ], я будто бы вызываю свидетеля».³⁸) Показания «свидетельствующих» документов с необходимостью выносились на суд публики, то есть включались в текст сочинения.

Действительно, прецедентный подход к изучению истории требовал представить все доступные свидетельства, но нельзя забывать, что сам по себе этот принцип не служил гарантией объективности автора по отношению к той или иной концепции знатности или нюансов понимания королевских прерогатив: историк-адвокат был волен трактовать найденные улики по своему усмотрению, подбирая их так, чтобы подтвердить собственную точку зрения. «Беспристрастность» в понимании эрудитов XVII в. означала прежде всего неприятие сторонних необоснованных суждений. Даже тексты таких знаковых для истории английской правовой мысли авторов, как Г. Брактон и Дж. Фортескью, — влияние которых на антиквариев очевидно, — присутствуют в антикварных реконструкциях наряду с прочими источниками. Лишь в считанных местах цитируются концептуально значимые фрагменты средневековых теоретиков.

Что же касается достоверности и степени авторитетности источников, то, безусловно, наибольшей степенью авторитетности обладают документы, исходящие от монарха, — вне зависимости от того, к какой именно сфере они относятся: это могут быть документы о пожаловании титулов и земель, тексты коронационных клятв, финансовые документы королевского двора и т. п. Разумеется, антикварию активно используют документы Канцелярии, Казначейства, «ежегодники» судов общего права и прерогативных судов, документы церковной администрации. Разумеется, свидетельства, заимствованные из текстов, не относящихся к собственно документальным источникам, обладают в глазах антиквариев несколько меньшим весом, зато активно привлекаются в тех случаях, когда авторитетных документов, способных проиллюстрировать ту или иную концепцию, не существует. Более того, использование недокументальных источников позволяет «удревнить» область поиска доказательств, включив в область «актуального» прошлого не только англосаксонский период истории Британии, но и в концептуальных целях эпизоды истории Древнего мира.

Данные, почерпнутые антиквариями из привлекаемых ими документов и текстов, подвергаются тщательной проверке — тем более критической и внимательной была работа, если речь шла о публикации знаковых текстов, как, например, в случае «Диссертации к Флету», предпосланной Дж. Сэлденом публикации средневекового юридического трактата.³⁹

³⁸ Ibid. P. 21.

³⁹ Selden J. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771.

«Некие книгопродавцы с помощью нанятого библиотекаря, либо попросту неумелого, либо не прилежного, подготовили издание рукописи в том виде, в каком она находится в Коттониянской библиотеке», негодует Сэлден.⁴⁰ Далее антикварий сетует, что если бы он участвовал в подготовке издания с самого начала, то разве позволил бы сократить столько слов из древнего манускрипта по образцу современных юридических писаний, позволил бы пренебречь маргиналиями и разнообразными пометами на полях, позволил бы включить в текст французский трактат, не относящийся к оригинальной рукописи? Впрочем, Сэлден успел вмешаться вовремя и не только исправил очевидные его глазу недочеты, но и, опять же по его словам «на досуге» составил комментарий, одновременно — апологию общего права в противовес праву цивильному.

Проиллюстрировать дальнейшую работу антиквария с источником можно, обратившись к одному из фрагментов «Диссертации», где Сэлден определяет время написания текста публикуемой рукописи. Позволю себе вкратце воспроизвести его рассуждения.⁴¹

Для начала он выбирает отправную точку — упоминание о некоей провизии монарха перед всеми христианскими властями относительно выплаты королевских долгов.⁴² Вторым моментом является фраза «сколь доблестен наш король Эдуард в военное время». Очевидно, пишет Сэлден, что текст относится к правлению одного из трех королей, носивших это имя — остается определить, был ли это Эдуард I, II или III. Находится подсказка — фраза «Е., отец короля», указывающая, что текст по крайней мере не был закончен в правление Эдуарда I, сына Генриха.

Писал ли автор «Флеты» при Эдуарде III? Очевидно, что нет, поскольку средневековый юрист с большой точностью воспроизводит вопросы, содержащиеся в парламентских актах царствования Эдуарда I (например, относительно кораблекрушения и вдовьей доли), а также многие документы правления Генриха III, но не упоминает о конституциях Эдуарда III — а ведь живи автор при этом государе, сослаться на его законы можно было бы из одного только уважения и почтения к монарху, даже без какой-либо другой необходимости.

Например, при Эдуарде III был издан закон, регулировавший процедуру признания обвиняемого виновным — точнее, королевской волей был существенно изменен практиковавшийся ранее обычай. И если бы автор «Флеты» знал об этом обстоятельстве, объясняет Сэлден, — он наверняка не оставил бы его без внимания; напротив, не называя деталей, он пишет

⁴⁰ Ibid. P. 1.

⁴¹ Ibid. P. 250–257.

⁴² Подробнее см.: *Lyon B. D. Medieval finance: comparison of financial institution in northwestern Europe. L., 1967; Harriss J. L. King Parliament and public finance in medieval England. Oxford, 1996.*

о процедуре признания виновным как о древнем обычае, действующем по сей день. Также, замечает антикварий, средневековый автор цитирует закон на латинском языке, а указ Эдуарда III был написан по-французски. Далее, первая сессия парламента, на которой, как известно, был принят обсуждаемый закон, открылась в самый день коронации Эдуарда III, то есть перед праздником Пресвятой Богородицы 3 февраля, но по крайней мере через 10 дней после 25 января, когда этот государь взошел на трон. То есть автор попросту не имел времени закончить текст в царствование Эдуарда III, но до принятия пресловутого закона.

Значит, остается царствование Эдуарда II. Но, как ни странно, автор не упоминает и парламентский акт «*De Affinctis*», опубликованный на тринадцатом году правления Эдуарда II⁴³ и также касающийся виновных. Отсюда ясно, что нет причин относить текст «Флеты» к периоду после 1320 г., поскольку ни о каких позднейших актах Эдуарда II также нет упоминаний.

Но если тогда написание средневековой рукописи не соотносится с царствованием ни одного из королей, чей отец носил имя Эдуард, как же быть с фразой «*de E. Patre Regis*»? Если ответа не найти в содержании текста, указывает Сэлден, нужно посмотреть на саму рукопись, найти и сравнить сохранившиеся варианты, восстановить их историю.

Существующий самый старый вариант по внешним признакам вышел из-под пера переписчика при Эдуарде II или III. В манускрипте очень много грамматических ошибок, а также следов исправлений, сохранившихся на множестве строк. Кажется, что переписчик не мог правильно прочесть и тем более понять многие фрагменты, а сам автор, очевидно, никогда не видел и не просматривал эту копию. Очень похоже, предполагает Сэлден, что вместо литеры «E» должна была стоять латинская «N», обозначавшая «Генрих», отец Эдуарда I.

Тогда все становится на свои места: и описания судебных практик, и статут о выплате долгов Эдуарда I и его отца, и стиль провизии, совпадающий со стилем написания других документов правления Эдуарда I, приводимых Сэлденом в подкрепление своих слов.⁴⁴

Нужно заметить, что при кажущейся сухости проблемы приведенного отдельного сюжета чтение сэлденовского опуса не утомляет, несмотря на достаточную нагруженность текста цитатами и самыми разнообразными отступлениями. Даже академичному Сэлдену далеко не всегда удастся рассказать о работе над источником о детективной истории. Построение текста таково, что читатель помимо воли оказывается если не «соучаст-

⁴³ *Raban S. England under Edward I and II: 1259-1327 (History of Medieval Britain). Cambridge, 2000.*

⁴⁴ *Plucknett T. F. T. The Legislation of Edward I. Oxford, 1949.*

ником», то по крайней мере активным заинтересованным наблюдателем разворачивающегося на страницах книги дознания.

«Диссертация к Флете» — красноречивый пример того, как реализуется в историко-правовом исследовании представления о сходстве антикварного разыскания и судебного процесса.

ВЛИЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

Со времен средневековья английские юристы общего права играли совершенно особую роль в истории страны, находились в особом положении ко всем составляющим того сложного явления, которое современники именовали «английской конституцией». По отношению к самому общему праву, которое воспринималось ими как совокупность позитивных юридических норм, судебных прецедентов и неписаной традиции, юристы выступали одновременно в роли творцов, интерпретаторов и хранителей права; они были теми, в чьем сознании общее право приобретало системность и определенную концептуальность. В глазах современников не подвергалось сомнению, что отправляемое в стране правосудие, в конечном счете, проистекало от персоны монарха, однако само право подлинно и полноценно творилось — и тем более подвергалось изменениям — только в том случае, когда монарх действовал как истинная глава «политического тела» королевства, то есть в совете и в согласии с подданными, представленными прежде всего парламентом. Юристы полагали себя хранителями права, и их интерпретации были призваны оберегать «конституцию» страны от любого рода «злоупотреблений» (возникающих, с точки зрения самих юристов, в первую очередь вследствие неверных прочтений и толкований существующих статутот и неписаных обычаев) как со стороны короны, так и со стороны подданных.

Пrestиж юридической профессии в средневековой Англии был традиционно высок, а в правление Тюдоров юридическая карьера становится одним из наиболее эффективных и популярных способов продвижения по социальной лестнице. Юристы общего права образуют особую социопрофессиональную группу, формирующую собственный этос и стиль мышления. Это становится возможным благодаря совершенной системе юридического образования.

В XVI — начале XVII в. эволюция общего права и логика развития юридической профессии определила несколько ключевых моментов подготовки юристов. Образование, получаемое будущими юристами, требовало не только знакомства и владения обширным и разнородным документальным материалом, который при необходимости привлекался при ведении процесса, но и определенной концептуализации этого материала. В контексте, связывающем юридическую образованность с антикварным

движением, важными оказывались следующие концептуальные положения, которые разделяли как теоретики, так практикующие юристы: историческая динамика общего права и включение прецедентов прошлого в опыт и практику настоящего; осмысление феномена судебного прецедента; наконец, осмысление воздействия общего права на систему административных и социальных институтов Англии. И хотя в доступных исследователям источниках — как в отчетах судей о процессах, так и в появляющихся в начале XVII в. масштабных сочинениях, отражающих стремление осмыслить и систематизировать принципы и основания общего права (трактаты Э. Кока, Г. Финча и др.), — разрабатываемые юристами концепции не обретали полного завершения, потенциал заложенных общим правом идей был столь велик, что эти идеи и принципы оказывали заметное влияние на различные области английской культуры и не в последнюю очередь повлияли на формирование национальной идентичности англичан.

Образование юристы общего права в Англии получали в четырех судебных иннах или подворьях: Линкольнз Инн, Грейз Инн, Миддл Темпл и Иннер Темпл.

Точные даты возникновения судебных иннов неизвестны. Начало их существования восходит ко второй четверти XIII в., когда единство юридического образования, предполагавшего изучение как канонического, так и общего права, распалось. В 1234 г. Генрих III издал запрет на существование каких бы то ни было юридических школ в пределах лондонского Сити; за королевским запретом последовала папская булла, согласно которой клирикам запрещалось преподавать общее право и предписывалось ограничиться совершенствованием в праве каноническом.⁴⁵ Юристам и судьям общего права пришлось покинуть Сити и обосноваться в Холборне — ближайшем от судов Вестминстера районе за пределами Сити.

Хотя в литературе судебные инны часто именуются «юридическим университетом», ни один из них так и не приобрел официального статуса корпорации, несмотря на все признаки таковой. Существовая как бы в согласии с некодифицированным характером того права, которое изучалось в стенах этих учебных заведений, судебные инны достаточно поздно начинают составлять официальные протоколы своей деятельности: реестры Линкольнз Инна — так называемые «черные книги» — были начаты в 1422 г., реестры Миддл Темпла — в 1501 г., Грейз Инна — в 1569 г. При этом источники свидетельствуют, что Миддл и Иннер Темплы активно функционировали уже в 1388 г., а Линкольнз Инн возникает лишь в начале XV в.⁴⁶

⁴⁵ Watt W., Plunket D., Benham Ch.. *The Story of the Inns of Court*. Boston, 1928. P. 133. — См. также: Turner R. V. *Judges, Administrators and the Common Law in Angevin England*. L., 1994.

⁴⁶ Baker J. H. *The Inns of Court in 1388 // The Legal Profession and the Common Law: Historical Essays (History series)*. L., 1986. P. 4.

Как и в любой средневековой корпорации, внутри судебных иннов существовала устойчивая образовательная иерархия. С некоторыми незначительными расхождениями в традициях иннов эта иерархия была трехступенчатой. Низшую ступень занимали так называемые «внутренние барристеры» — начинающие обучение студенты, на учебных процессах занимавшие места внутри стойки (*bar*). Такой статус они сохраняли на протяжении трех лет, после чего их начинали именовать «действительными» (*utter*) барристерами и отводили место за пределами судебной стойки. Действительные барристеры, считавшиеся уже членами инна, все еще были обязаны присутствовать на некоторых занятиях и сохраняли свой статус до того момента, пока не переходили в ранг лекторов (*readers*). Лекторами называли старших действительных барристеров, получивших право проводить чтения — цикл занятий, заключающихся в комментировании и обсуждении статутов. По завершении первого цикла чтений лекторы становились бенчерами, однако перед тем, как получить статус сержанта и покинуть инн, требовалось подготовить цикл из двух или трех чтений.

Действительными барристерами становились студенты, сумевшие завоевать, прежде всего, достойную репутацию среди старших членов инна; лекторами же назначались те, кто достигал определенного уровня знаний. До 1520-х годов процесс продвижения внутри иннов никак не фиксировался, и только в 1518-м (Линкольнз Инн) и в 1523 г. (Грейз Инн) фиксируются первые «вызовы к стойке» — момент, в дальнейшем необходимый для построения карьеры в центральных судах. Действительным барристером инна можно было стать за два-три года обучения, однако до получения ранга лектора могло пройти пятнадцать-двадцать лет, и еще около десятка лет можно было ожидать получения статуса сержанта.

Обучение в иннах основывалось на двух формах занятий: это были чтения и учебные судебные процессы. Учебные процессы предназначались для внешних барристеров и младших действительных барристеров и были призваны привить, прежде всего, практические навыки работы суда. Чтения, или лекции, считались более высокой ступенью обучения. Во время чтений лектор не просто комментировал избранный им статут или фрагмент трактата, но также формулировал и пояснял те неписанные принципы общего права, о которых лишь мельком упоминалось в судебных ежегодниках. Лектор также озвучивал аргументы и комментарии к статуту своих предшественников и побуждал аудиторию формулировать возможные вопросы. Предполагалось ведение живой дискуссии. Каждый лектор мог выбрать акт или статут для комментария по собственному усмотрению, однако неписаная традиция предполагала, что за несколько семестров прочитывался цикл старейших конституционных документов, от Великой хартии вольностей до статутов Эдуарда II. В XVI в., и особенно в начале XVII столетия «классический» набор статутов резко пополнился большим количеством

чение не состоялось. Миллз, однако, предпочел довольствоваться постом бэйлифа в Сэндвиче (1623) и посвятить остаток жизни написанию работ по экономике, в которых защищал систему откупов.

Сочинение Миллза «О знати политической, или гражданской» увидело свет в двух изданиях — сокращенном латинском («*Nobilitas politica vel civilis*», 1608 г.) и расширенном авторском переводе на английский, получившем название «Каталог достоинств...» («*The Cathalogue of Honor, or, Treasury of true Nobility peculiar and proper to the Isle of Great Britaine...*», датируемое 1610 г.). Это издание было выпущено крайне ограниченным тиражом — не более 10 экземпляров (два из которых хранятся в библиотеке Британского музея, один — в Отделе редкой книги БАН). Фолиант насчитывает более 1100 страниц, на большей части которых помещены раскрашенные вручную гравюры.

Сэр Уильям Сегар (?–1633)

Сэр Уильям Сегар, о происхождении и образовании которого не сохранилось точных данных, начал карьеру с должности нотариуса при сэре Томасе Хинидже, вице-чемберлене королевы Елизаветы. Благодаря его покровительству Сегар был включен в коллегия герольдов в качестве «последователя» Королевская Решетка. (Введение в должность состоялось в Дерби-хаузе и осуществлялось Джорджем Толботом, графом Шресбери 10 июня 1585 г.). В этой должности Сегар присутствует на празднике, устроенном графом Лейстером в день св. Георга (23 апреля 1586 г.) в Утрехте. Вскоре последовало повышение по службе: 4 января 1588 г. Сегар стал герольдом Сомерсет, а в 1593-м — королевским герольдом Норрой, хотя его патент на эту должность был утвержден только 2 июня 1602 г. В 1603 г. вышел билль, скрепленный Малой государственной печатью, о назначении Сегара старшим в коллегии герольдов, то есть Королевским герольдом Подвязки вместо сэра Уильяма Дэтика. На основании этого билля и авторитета «*Rex Armorum Ordinis*», и не дожидаясь скрепления патента Большой королевской печатью, Сегар счел свои полномочия достаточными, чтобы вручить инсигнии ордена Подвязки королю Дании Кристиану IV. Однако Дэтик вскоре был возвращен на свою прежнюю должность и включен в состав английского посольства по случаю инвеституры герцога Вюртембергского. Поведение Королевского герольда во время этой церемонии вновь навлекло на него немилость, и Дэтик опять был смещен. Сегар не преминул воспользоваться ситуацией и представил новый, на сей раз скрепленный Большой королевской печатью, билль о своем назначении герольдом Подвязки.

В 1612 г. Сегару было поручено доставить инсигнии Ордена принцу Морицу Оранскому; после успешного окончания этой миссии 5 ноября 1616 г. в Уайтхолле Сегар был посвящен в рыцари. В декабре 1616 г.,

1634), один из самых блестящих юристов и теоретиков права в английской истории. Сын состоятельного джентльмена из Норфолка, получивший образование в Кембридже, Клиффордз Инне и в Иннер Темпле, Кок стал в 1578 г. действительным барристером, членом палаты лбщин в 1589 г. и спикером палаты общин в 1593 г.; с 1582 по 1594 гг. он — генеральный солиситор, а с 1594 по 1606 г. — генеральный атторней. В 1606 г. Яков I назначает его главным судьей суда Общих тяжб, а в 1613 г. — Королевской скамьи. На протяжении всей своей карьеры, будучи вовлеченным во все громкие процессы эпохи, Кок сохраняет преданность прежде всего самой идее общего права. «Если прецедент таков, каков он есть, я буду поступать так, как следует поступать судье», — заявил он на аудиенции Якову I, и вполне закономерно отправился в опалу. Однако уже в следующем 1617 г. Кок вернул себе расположение монарха и стал членом Тайного совета. В последующие годы он еще неоднократно избирался в парламент, а в 1628 г. инспирировал представление Карлу I петиции о праве.

В научном наследии Кока главное место нужно отвести тринадцатитомным «Отчетам», представляющим собой собрание и анализ судебных прецедентов, а также «Институциям» — сочинению, в котором предпринята масштабная попытка систематизации судебных прецедентов. Формально Кок не принадлежал к Антикварному обществу, но был близок с Сэлденом и Спелманом, несмотря на видимые расхождения в воззрениях на некоторые аспекты правовой истории, о чем пойдет речь далее.

И сам Кок, и современные ему юристы осознавали тесную связь между правом и историей, и точнее — историческую и динамическую природу общего права.⁴⁷ События и документы, положившие основу английской правовой системы, принадлежали далекому прошлому. Система судебных учреждений прошла длительный путь становления и «развертывания». Разумеется, задача юристов не ограничивалась реконструкцией и изучением средневековых статутов как самоценных явлений: они были заинтересованы в точной интерпретации текстов, которая в немалой степени зависела от аутентичности источника и его правильного прочтения. Дж. Сэлден, испытавший огромное влияние со стороны Кока во время своего профессионального взросления, настаивал на необходимости «критического» издания юридических памятников, об их очищении от ошибок и выявлении позднейших вставок. Гуманистический принцип возвращения *ad fontes* был в каком-то отношении всегда актуален для английской юридической мысли, но при этом для Кока сам *fons* имел ценность только в его связи с настоящим.

⁴⁷ Berman H. J. The Origins of Historic Jurisprudence: Coke, Seden, Hale // Yale Law Journal. Vol. 103. No. 7. 1994. P. 1651–1738; A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 8: Lobban M. A History of the Philosophy of Law in the Common Law World, 1600–1900. Dordrecht, 2007.

ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕГИИ ГЕРОЛЬДОВ

Значительное влияние на возникновение лондонского Антикварного общества оказала деятельность герольдов. К коллегии герольдов принадлежал Уильям Кемден, герольдами были многие члены общества — Уильям Сегар, Джон Додридж, Уильям Дэтик, Джон Гвиллим, а позднее — Элиас Эшмол.

Коллегия герольдов (*Herald's College, College of Arms*) получила права корпорации при Ричарде III в 1483 г., хотя сами должности герольдов старше, чем сама коллегия в целом. В 1556 г. Мария Тюдор и Филипп Испанский пожаловали коллегии новую хартию, которая была еще раз обновлена в царствование Елизаветы I. При Стюартах во главе коллегии стоял граф-маршал, одновременно возглавлявший Маршалльский суд (*Court of the Marshalsea*). За ним следовали три королевских герольда: старший из них по званию и фактический глава коллегии — королевский герольд Подвязка (*Garter King of Arms*).

Должность этого герольда как старшего в королевстве была учреждена Генрихом V и сочетала в себе две функции. Первая была связана с орденом Подвязки, другая — с коллегией герольдов. Поэтому во время своей геральдической коронации ему приходилось приносить присягу и перед капитулом Ордена, и перед граф-маршалом. Устав коллегии требовал, чтобы Подвязка был рожден в Англии, принадлежал к благородной фамилии, носящей герб, но при этом не был бы рыцарем, иностранцем или клириком. Однако уже при Генрихе VII встречаются королевские герольды, посвященные в рыцари как до, так и после гербовой коронации. Подвязка исполнял в королевстве роль, близкую к тому, что можно было бы назвать корректирующей юстицией: он обладал привилегией от имени короля исправлять любые геральдические ошибки и пресекать ношение гербов теми, кто не имел на это права. Он же обладал инициативой по пожалованию гербового щита отпрыскам достойных фамилий, представлял палате лордов генеалогию каждого нового пэра и определял его место в палате. В процессиях Подвязка занимал место сразу за королевским мечом, если только в процессии не участвовал граф-маршал. Подвязка принимал присягу у остальных членов коллегии. Как член одноименного ордена он доставлял его инсигнии иностранцам, которых государь решал удостоить высокой чести избрания.

Далее по старшинству следовали королевские герольды провинций — королевский герольд Кларенсо (*Clarenceux King of Arms*) и королевский герольд Норрой (*Norroy King of Arms*). Начало существования этих геральдических должностей всходит к царствованию Эдуарда III, разделившего сферу ответственности между двумя своими герольдами по реке Трент. Один из них, отвечавший за север, получил имя Норрой (*Northroy*),

второй, отвечавший за территорию к югу от Трента, имя Саррой (*Surroy, Southroy*). На практике сохранилось только первое имя — Норрой. Позднее предпринимались попытки разделить территорию Англии на четыре геральдических провинции, не только с севера на юг, но и с запада на восток: от этого разделения потомкам осталось лишь имя Кларенсо. В обязанности королевских герольдов входило проведение визитаций знати, написание генеалогий, составление гербов и организация похоронных процессий пэров.

Королевским герольдам подчинялись еще шесть герольдов, среди которых герольды Винзор (*Windsor Herald*), Честер (*Chester Herald*), Йорк (*York Herald*), Ричмонд (*Richmond Herald*) и Ланкастер (*Lancaster Herald*). Нижнюю ступень в коллегии занимали так называемые «последователи» (*Pursuivants at Arms*): Красный крест (*Rouge Croix*: имеется в виду красный крест св. Георга), Голубая мантия (*Bluemantle*, названный так в напоминание о голубой орденской мантии Эдуарда III), Красный дракон (*Rouge Dragon*: от красного дракона-щитодержателя на гербе Генриха VII), и наконец, Королевская решетка (*Portcullis*: деталь герба Генриха VIII).

На первый взгляд, на рубеже XVI–XVII вв. коллегия герольдов обладала всеми возможностями для того, чтобы стать тем институтом, где будут развиваться исследования не только британского прошлого, но и основы того, что можно было бы назвать изучением социального. Известно, что в Англии в эпоху средневековья авторами трактатов о геральдике и знатности были преимущественно герольды, следовательно, именно их устами артикулировались существующие критерии стратификации общественной элиты, определялись стратегии социальной мобильности. Собранная в единое целое рефлексия о знати и знатности неизбежно затрагивала и проблематику властных отношений. Герольдам передавалось такое средство социального контроля, как визитации провинциальной знати,⁴⁸ целью которых была не только проверка правомочности использования знатыми семействами своих инсигний, достоинств и титулов, но и исчерпывающая картина распределения манориальных владений и генеалогических связей нобилитета. Особое значение здесь приобретали визитации, проводимые английскими герольдами в отношении не только английской, но и ирландской знати. Адекватная репрезентация знатного сообщества, создаваемая коллегией герольдов, в конечном счете, была важной частью образа позднетюдоровской и раннеюэртонской монархии.

⁴⁸ Очень показательны в этом плане издания визитаций Кемдена: *The Visitation of the County of Rutland in the year 1618–1619. Taken by William Camden, Clarenceaux King of Arms. In 3 vols. L., 1870*; *The Visitation of the County of Warwick in the year 1619. Taken by Willam Camden, Clarenceaux King of Arms. L., 1877*; *The Visitation of the County of Leicester in the year 1618–1619. Taken by William Camden, Clarenceaux King of Arms. In 2 vols. L., 1870.*

В сознании герольдов постепенно складывалось понимание того, что их занятия не ограничиваются исключительно «практической» деятельностью (визитациями, подготовкой церемоний креации, разработкой придворного церемониала, дипломатическим представительством), но и подразумевают интеллектуальную составляющую, сближавшую служение герольда с миссией историка и антиквара. Джон Додридж в трактате «Рассуждение о должности и обязанностях герольдов»⁴⁹ писал: «[герольдам] в своих книгах и записях следует сохранять для вечного воспоминания любые факты и выдающиеся приметы знатности и гербы». Это означало, что обязанности герольда предполагали обширные знания по генеалогии; при должном тщании в ходе визитаций приходилось оценивать историческую подлинность представляемых доказательств древности или знатности семейства, часто весьма разнообразных; полагаться не только на документальные источники, но и на «древности», «вещи». Как гласила инструкция, данная Кемдену после его коронации, герольду следовало «проникать в любые церкви, замки, дома и прочие места по его усмотрению, чтобы отыскивать, опознавать, рассматривать и описывать всевозможные геральдические знаки... и другие интересные вещи».⁵⁰ Необходимая в геральдике визуализация понятий и необходимость во многих случаях опираться на материальные, не запечатленные в текстах данные, вела к осознанию того, что не только слово, но и «вещь» могла стать основой для верного доказательства или объяснения.

Знатное общество, изображаемое герольдами в отчетах о визитациях, не имело почти ничего общего со средневековыми «рассказами о деяниях»: это было общество, представленное через титулы, статусы и их взаимозависимость. При составлении картины знатного общества того или иного графства герольды прибегали к использованию одновременно нескольких критериев при описании одной и той же персоны или семейства: старшинство и древность титула или достоинства, должность, родственные связи, наконец, герб. В конце концов, все производимые герольдами изыскания отсылали их к событиям отдаленного прошлого, к древности, которая в большинстве случаев оказывалась синонимом благородства, надежности и лояльности.

Корона неизменно проявляла заинтересованность в работе коллегии герольдов, в немалой степени ответственной за собирательный образ монархии. В рамках такой корпорации изыскания, связанные с природой,

⁴⁹ *Doderidge J. A consideration of the office and duty of the Heraudes... / Hearne Th. A collection of curious discourses, written by eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities: and now first published by Thomas Hearne, M. A. Printed at the Theater, Oxford, 1771. P. 163.*

⁵⁰ *British Library. MS. Faust. E. I. fol. 190. — Цит. по: Herendeen W. H. William Camden: Historian, Herald and Antiquary // Studies in Philology. Vol. 85. No. 2 (Spring 1988). P. 207.*

историей и современностью королевской власти, казалось бы, выглядели вполне естественными и не должны были вызывать у коронованных особ тех подозрений, которые пробудили в свое время участники Антикварного общества. Коллегия герольдов, действительно, была официальной корпорацией, не просто утвержденной королевской хартией, но и действующей от имени короны: суждения о знати и знатности, исходящие от герольдов, должны были восприниматься как официальная позиция монарха или монархини. Однако начиная с 1530-х годов коллегия раздирали почти не прекращавшиеся споры как между самими герольдами, так и между коллегией и теми, кто по разным причинам оказывался недовольными их действиями. Герольды нередко брали взятки, завышали размеры причитавшегося им вознаграждения и, что еще хуже, были очевидны допускаемые в ходе визитаций ошибки и злоупотребления. Генеалогии составлялись вне единообразной системы и с ошибками; право на ношение герба и сопряженного с ним знатного статуса закреплялось за теми, кто такого права не имел; во время визитаций требования герольдов предоставить им родословное древо многими просто игнорировались, те же, кому было отказано в использовании родового герба, продолжали использовать его вопреки запретам.⁵¹ В 1614 г. Ральф Брук, герольд Йорк (1593–1624), жаловался Роберту Коттону на то, что якобы Роберт Кук, королевский герольд Кларенсо (1566–1593), разрешил использование гербов пятистам персонам, а сэр Гилберт Дэтик, королевский герольд Подвязка (1550–1584) и его сын Уильям, сменивший отца на этом посту (1586–1606), даже превысили это число. Несомненно, слова Брука, известного разгигателя усобиц внутри коллегии, могли быть преувеличением, однако его мнение подтверждал и антикварий Уильям Сегар (королевский герольд Подвязка в 1606–1633 гг.), свидетельствуя, что Кук на самом деле жаловал гербы недостойным персонам, не уведомляя об этом граф-маршала.

Представляется, что в основе не прекращавшегося конфликта стоял не только вопрос о добросовестности или недобросовестности отдельных герольдов, и даже не вопрос о внутрикорпоративном соперничестве. Многочисленные обвинения, как правило, в том, что право на ношение герба было даровано «недостойным» или «низким» персонам, означали, что критерии «достоинства» были не вполне ясны самим «экспертам» в области

⁵¹ Случались и совершенно курьезные истории. В царствование Якова I лорд Эрандел обвинил семейство Спенсеров в том, что те не по праву претендуют на благородное происхождение. Лорд Спенсер ответил, что когда его предки пасли овец, предки Эрандела уже были заняты составлением заговора против короля. С точки зрения историка, ответ Спенсера был более честным чем официальная версия, данная Ричардом Ли, королевским герольдом Кларенсо, и выводившая род Спенсеров от старинного клана Деспенсеров на совершенно неправдоподобных основаниях. См.: *Day J.E.R. Primers of Honor: Heraldry, Heraldry Books, and English Renaissance Literature // The Sixteenth Century Journal. Vol. 21. No.1 (Spring 1990). P. 93–103.*

знатности. Было очевидно, что найти ответы на вопросы, которые ставила перед герольдами меняющаяся социальная реальность, было возможно только при внимательном анализе реалий прошлого и их последующем соотношении с происходящими изменениями, что требовало использования иных методов исследования источников и иной организации геральдического нарратива, нежели те, что применялись ранее. Иными словами, чтобы отвечать на запросы власти, геральдической науке требовалось сближение с историческим знанием.

Назначение Кемдена королевским герольдом Кларенсо оказалось поворотным моментом для всей коллегии. Оно продемонстрировало желание монархии получить со стороны герольдии достойную и плодотворную работу. Кемден, остававшийся чужаком в сплоченной корпорации, получил знаковую должность не столько благодаря подлинно геральдическим заслугам, сколько благодаря славе историка и личному покровительству Елизаветы. Не менее существенным было давление со стороны Фалька Гревилла, лорда Бэрли и его племянника сэра Эдварда Хоби. Еще в начале своего царствования Елизавета продемонстрировала намерение извлечь пользу из наследия ушедших веков, издав в 1560 г. прокламацию против разрушения памятников прошлого (*Proclamation Against Breaking Monuments of Antiquitie*), а публикация Кемденом «Британии» показала королеве, насколько полезным может оказаться правильным образом организованное историческое знание для контроля за знатью.⁵²

Одновременно с назначением нового герольда Кларенсо была создана комиссия для расследования злоупотреблений в коллегии герольдов, в которую вошел известный своими познаниями в геральдике Эдвард Хоби. В феврале 1596 г., то есть спустя месяц после геральдической коронации Кемдена, он же вместе с сэром Джорджем Кэрю председателем находился на капитуле герольдии, собранном для того, чтобы пересмотреть и реформировать порядок визитаций и саму процедуру пожалования гербов. В ходе собрания, помимо прочего, Кемден предложил собрать проект, удивительно напоминающий то, о чем говорилось в петиции об учреждении Антикварного общества: «по нашему всеобщему мнению и взаимному согласию, общие собрания службы Герольдов, в последнее время прерванные, должны возобновиться и продолжиться, но только в назначенном месте, то есть в Дерби хаузе... [и следует] покупать книги, свитки и манускрипты... ради блага и процветания указанной Службы Ее Величества».⁵³

⁵² Подробнее о кемденовской «Британии» и проблемах елизаветинской знати см.: *Rockett W. Britannia, Ralph Brooke, and the Representation of Privilege in Elizabethan England // Renaissance Quarterly*. 2000. No. 53. P. 474–499.

⁵³ BL, MS. Faust. E. I fol. 190. — Цит. по: *Herendeen W. H. William Camden: Historian, Herald and Antiquary // Studies in Philology*. Vol. 85. No. 2 (Spring 1988). P. 207.

Несмотря на очевидное улучшение обстановки в коллегии, окончательно внутренние раздоры утихли только после Реставрации, благодаря деятельности антиквара сэра Уильяма Дагдейла (1605–1686). Дагдейл, вошедший в коллегия герольдов за несколько лет до начала гражданского войны, разделил с роялистской стороной все перипетии разразившегося конфликта, а во время протектората Кромвеля посвятил себя традиционному антикварному занятию — сбору документов и материалов. Результатом этой работы считается труд, озаглавленный «Древности Уорикшира» (1656), ставший во многих отношениях «образцовым» уже для следующего поколения британских антиквариев, сосредоточившихся на «локальной» истории отдельных графств и местностей и таким образом избегавших построений, способных претендовать на политическую значимость.

МЕСТО РИТОРИКИ В АНТИКВАРНЫХ ТРАКТАТАХ

Даже при самом беглом знакомстве с наследием антикварной школы нетрудно заметить, что помимо насыщенных фактами исторических реконструкций и экскурсов в историю английской и европейской знати, в трактатах антиквариев присутствует заметный риторический элемент. Далее в настоящем исследовании многие выводы, касающиеся представлений антиквариев об английском государстве, праве и обществе основываются именно на анализе риторических фрагментов, включенных в трактаты о знати. Принимая во внимание все перечисленные выше особенности антикварного дискурса, связанные с вниманием к качеству, достоверности и авторитетности источников, внимательное отношение к их подбору и цитированию, уместно задать вопрос, насколько заслуживают доверия заключения, сделанные антиквариями в риторических главах, и в каком качестве эти выводы принимались самими авторами XVII в.

Доля риторических фрагментов в антикварных сочинениях значительна.⁵⁴ Более того, у разных авторов риторические отступления строятся более или менее по схожей схеме и по сходным принципам, так что можно говорить о существовании устойчивой традиции построения нарратива среди антиквариев. Одни авторы прибегают к открытому цитированию, ссылаясь на предшественников с указанием конкретных мест; другие повторяют устоявшиеся риторические фигуры, не прибегая к указанию источника, представляя те или иные метафоры или сравнения общими местами, не требующими какого-либо внешнего обоснования. Как ни парадоксально, использование риторики для выражения наиболее оригинальных

⁵⁴ О месте риторики в антикварных сочинениях см.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннеюэртонской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 173–175.*

идей исключительным образом отвечало декларируемому антиквариями принципу невмешательства в «фундаментальные проблемы государства». Риторическая аргументация, так же как и аргументация через подбор precedентов, практически не открывала возможности для сторонней критики или полемики, основанной на рациональных основаниях.

Риторические аргументы побуждали читателя принимать утверждения, основанные не столько на силе строгих логических доказательств, сколько на взаимоувязке эмоциональных моментов с требованиями времени и практическими стимулами. Сведение к риторике исторических, философских и других форм аргументации представляется большим достижением и необходимым благоразумием, способом избежать столкновений с догматизированием и нетерпимостью. В этом смысле риторика понимается как искусство убеждения, искусство сообразовываться с историческими, психологическими и биологическими обстоятельствами человеческого восприятия.⁵⁵

Нужно отметить еще одно противоречие риторики: с одной стороны, она включает такие рассуждения и фигуры, которые новым, оригинальным способом должны убедить читателя в том, что ему еще неизвестно; с другой — риторика добивается этого, исходя из того, что уже каким-то образом слушателю известно и даже желательно, пытаясь доказать ему, что предлагаемое решение необходимо следует из этого знания и желания.

Риторика выступает как совокупность уже апробированных и принятых в обществе приемов убеждения. Она оказывается совокупностью, набором отработанных способов убеждения, используя которые, она подтверждает свои собственные послышки.⁵⁶

Риторика использует только те приемы, которые способна воспринять и адекватно интерпретировать целевая аудитория. Она никогда не ставит вопросов, ответы на которые не были бы очевидны для читателя. Риторические высказывания строятся на основе устоявшихся оборотов речи и расхожих суждений, привычных образов, а действительно новаторское пытается представить под видом традиции.

Приведем здесь пока только один пример, связанный с тем, каким образом антикварии преподносят читателю материал, в котором затрагиваются проблемы монархической власти. История английского общества неотделима от истории монархии, и избежать обзора ее истории было бы невозможно: поэтому, при стремлении избежать резких формулировок и не провоцировать «политическую» дискуссию, наиболее уместной формой рассуждения оказывалась риторика.

Возможно и другое объяснение. С точки зрения историков рубежа XVI–XVII вв. ни одно определение, данное в тех же терминах, что

⁵⁵ Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 2004. С. 125.

⁵⁶ Там же. С. 128.

использовались при описании всех прочих категорий общества, не отражало адекватно самые важные черты и особенности монархии. В рамках антикварного дискурса монархическую власть невозможно до конца (а лишь отчасти) представить через «светские» политические определения. Даже в историческом трактате, посвященном переменам в жизни знатного общества, для характеристики монархии требуются те образы и символы (чаще всего заимствованные из средневековой традиции и истолкованные в выгодном антикварию ключе), которые переводят рассуждения в область сакрального.

Таким образом, риторика служит не для того, чтобы сокрушить все привычное и известное, но для того, чтобы спровоцировать частичный пересмотр уже известного и тем самым убедить в своей правоте. Что в полной мере справедливо в отношении антикварного дискурса в целом.

АУДИТОРИЯ АНТИКВАРНЫХ ТРАКТАТОВ

В самом общем приближении антикварные штудии были ориентированы на ту часть общества, о которой они и были написаны — на знать. Причем можно допустить, что различные акценты, приемы изложения и риторические фигуры ориентировались на различные группы читателей.

Сразу же обращают на себя внимание посвящения, предпосылаемые к трактату в целом и к отдельным его частям. Как свидетельствует Сэлден, «книгам предпосылается посвящение с троякой целью: когда труд предназначен для обучения... или же представлен для цензуры, чтобы определить, могут ли высказанные в нем суждения быть представлены публике или нет; ... или же лишь из любви и вящей славы их адресатов».⁵⁷

Посвящение коронованной особе (сочинения Сегара, Гвиллима) преследовало несколько целей. Подобное посвящение — королевское имя на первых страницах — должно было означать высшую санкцию, оправдание и подтверждение изложенных на страницах книги идей, тем более что рассуждения о монархии неизменно являются одной из центральных тем антикварных опусов. Восприятие монарха как источника порядка и нормы реализуется и в том, что на его персону в определенном смысле ориентировано и каждое конкретное сочинение.

Антикварию не только отображали в своих исследованиях реальные перемены, произошедшие в раннеюэртонском обществе по сравнению с более ранними периодами; более или менее систематически изложенные и осмысленные факты, представленные широкой публике на страницах, написанных признанными экспертами, сами должны были положить начало созиданию новой традиции и, следовательно, новому пониманию нормы.

⁵⁷ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672.*

Антикварный метод подразумевал особенное отношение к письменному источнику: через само существование документов, через запечатленную на бумаге реальность можно было построить требующиеся доказательства. Поэтому написание сочинений, фиксирующих то или иное положение вещей в обществе, означало создание прецедентов, необходимых для построения идеологии монархии. Очевидно, что сами антикварии воспринимали свои начинания не как тенденциозную защиту одной из многих существующих концепций, а именно как содействие формированию и укреплению уже сформировавшейся в отношениях монархии и знати традиции.

У. Сегар в четырех посвящениях (по одному к каждой главе трактата «О достоинствах военных и гражданских») говорит о том, какие дидактические и пропагандистские задачи в современном обществе можно решить в том числе и благодаря тому, что лучшая часть общества познакомится с древними обычаями и кодексами благородного поведения: знать должна неизменно осознавать свое предназначение в государстве (разделять бремя власти и поддержания внутреннего и внешнего мира) и быть достойной традиций славного прошлого. «Обязанность каждого подданного, — пишет он, — не просто повиноваться, но и в меру своих способностей, сил и положения умножать славу и честь своего государя и страны».⁵⁸ Сочинение Сегара, по его же словам, «рассказывает всем джентльменам и воинам не только о славе и наградах, сопровождающих доблестные дела, но также и о наказаниях, накладываемых за измену и опозоренное оружие».⁵⁹

Наконец, посвящение влиятельной особе всегда подразумевало возможность для автора получить вполне осязаемые личные выгоды и преимущества — ценную награду или продвижение в должности. «Об одном я смиренно молю Ваше Величество, чтобы наградой за все щиты, представленные мною здесь, в Вашем королевском присутствии, Вы милостиво предоставили бы мне щит государевой милости и покровительства».⁶⁰

Несомненно, обширные цитаты документов, иллюстративный материал, система перекрестных ссылок, библиографический аппарат — особенно в трудах Гвиллима, Спелмана и Сэлдена, — представляли интерес и практическую ценность для герольдов, студентов, юристов и парламентариев.

Приблизительный портрет такого адресата можно найти в посвящении, которое предпослано Дж. Сэлденом к своим «Титулам достоинств», где он обращается к своему другу Эдуарду Хэйуорду: это человек, с «которым мы разделяли наисладчайшую общность... изучения наук» и сохраняющий «постоянство в преданности добрым Искусствам».

⁵⁸ Segar W. Of Honor, Military and Civil. L., 1602. s. p.

⁵⁹ Ibid, n. p.

⁶⁰ Guillim J. A Display of Heraldry. Preface. L., 1612.

К какой социальной категории ни принадлежал бы адресат антикварных писаний, для наиболее полного восприятия предложенного материала он должен был быть человеком весьма подготовленным в свободных искусствах и проницательным.

Образцовый читатель антикварных трактатов, во-первых, должен был внимательно относиться к предлагаемым фактам, интересоваться конкретными событиями, относящимися к истории английского общества, знать предысторию и следствия тех эпизодов, которые изложены вкратце. Взамен от автора следовало ожидать обоснованности и доказательности суждений, подтверждения главных мыслей прецедентами. Читатель должен был разбираться не только в истории, но и в литературе, философии, геральдике, генеалогии, и мог не только по достоинству оценить четко разработанный аппарат ссылок на источники, но и впоследствии воспользоваться ими. Во-вторых, ему приходилось проявлять и собственную творческую активность там, где автор умышленно или неумышленно допускал недосказанность или там, где его мысль казалась неоднозначной. Зачастую важно было анализировать внешние детали, например, особенности построения книги, ее разбиение на главы и разделы, последовательность изложения материала. Иногда требовалось интерпретировать геральдические фигуры или изображения инсигний, краткие комментарии, которые подсказывали лишь общее направление мысли. Неоднозначность интерпретации сведений, приводившихся в книге, была допустима, точно так же как допустимой она считалась на судебном процессе, которому антикварии уподобляли процесс исторического исследования: вердикт зависел от умения автора (предстающего в роли адвоката) подвести читателей (присяжных) к нужному умозаключению. Читатель должен был способен воспринимать метафоры, сопоставлять разные «сюжетные линии» трактата, проводить аналогии между историческими персонажами и событиями минувших веков и понимать, как опыт прошлого помогает правильным образом представить и объяснить настоящее, ибо главной целью разысканий антикварной школы было разрешение актуальных проблем настоящего через реконструкцию и обоснование традиции.

Глава III

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В АНТИКВАРНОМ ДИСКУРСЕ

Центральной темой, к которой так или иначе оказываются привязанными исторические и терминологические реконструкции антиквариев, является тема знатного общества, его структуры и места в современной им монархии.

Представляется, что определяемые на страницах антикварных сочинений ценности и приоритеты, проявившиеся, по мнению самих стюартовских историков, в многовековой истории английской знати, в значительной степени отражают систему ценностей и приоритетов, характерных для современной им действительности. Подробная реконструкция истории знатных достоинств — при всей объективной ценности подобных изысканий с точки зрения развития исторической науки — оказывается, таким образом, прежде всего «созиданием» традиции, подтверждающей ситуацию, свойственную современности.

Для подавляющего большинства современников знать виделась наиболее значимой и активной в социальном отношении группой. Если одни авторы (Т. Миллз, М. Картер) вскользь напоминают читателю о том, что английское общество состоит из простонародья и знати (*commonalty and nobility*), впрочем, не претендуя на какую бы то ни было оригинальность и лишь воспроизводя традиционные схемы Т. Смита и Т. Уилсона, то большинство, как правило, полностью ограничивает рамки своих изысканий привилегированной частью общества, подспудно ставя знак равенства между понятиями «общество» и «знатное общество». Те, кто находится в подчиненном положении, не заслуживают внимания и не могут становиться предметом рассуждений или дискуссий, будучи по природе лишены потенциала к созиданию и деятельности.

Так, Картер объясняет причины своей полной сосредоточенности на жизни знати расхожей и традиционной для средневековья риторикой: «Некоторых людей Он [Бог] щедро украсил совершенством, и возвысил их величественными знаками чести, знатности и могущества; других же он

оставил в безвестности, наделив их противоположными качествами: подлостью, безвестностью и бедностью. О последних я скажу только то, что для них выражать презрение к более благородным — поскольку сами они поставлены в подчиненное положение — означает чернить лицо бесконечно справедливого и мудрого Бога нашего Создателя. Поскольку я намереваюсь заниматься первыми, не стану более рассуждать о вторых». ⁶¹

Несколько иначе, впрочем, в столь же традиционном ключе и Т. Миллз поясняет, что иерархия — явление естественное, установленное самой природой для поддержания существования общества, которое он уподобляет человеческому организму: «И подобно тому, как в человеческом теле для его поддержания все члены исполняют различные функции, так и в первом человеческом обществе (и во всех остальных также) необходимо различие между людьми». ⁶²

Какие термины используются антиквариями для обозначения той части общества, проблемы которой их занимают?

Ключевым термином, обозначающим привилегированную часть общества в целом, является понятие *nobilitas*, наиболее адекватно переводимое на русский язык как «знать». Достаточно часто употребляемый в русской-язычной историографической традиции термин «дворянство» не соответствует тем реалиям, которые описывали английские авторы.

Использование слова *nobilitas* для описания знати, разумеется, не было новацией антиквариев и на момент создания лондонскими эрудитами их сочинений имело богатую традицию, сформировавшуюся в период классического средневековья.

В стремлении прояснить понятия «знати» и «знатности» (в латинском варианте охватывавшиеся одним термином *nobilitas*, в свою очередь возводившимся к глаголу *nosco*, означавшему «знать», «быть знаемым»), антикварии пользовались несколькими определениями и классификациями, восходившими, в конечном счете, к Аристотелю и аристотелевской традиции. Во-первых, знатность, понимаемая как благости и красота, наблюдалась не только в человеческом обществе, но и во всем мире, что позволяло современникам выделять: 1) *Nobilitas theologica seu supernaturalis*, понимавшуюся преимущественно как божественная милость, изливаемая на творение по одному Богу ведомым причинам, не зависящую от заслуг и зачастую незаметную и непостижимую для взгляда со стороны. По мнению Сегара, мы не можем с уверенностью сказать, то является ее подлинным обладателем, так как это «род знатности, ведомый одному Богу»; ⁶³ 2) *Nobilitas naturalis* — совершенство форм, в большей или меньшей степени присущее всем населяющим землю созданиям: человеку, животным, пти-

⁶¹ Carter M. Honor Redivivus, or an Analysis of Honor and Armory. L., 1673. P. 2.

⁶² Milles Th. Nobilitas Politica vel Civilis. L., 1608. P. 3.

⁶³ Segar W. Of Honor, Military and Civil. P. 225.

цам, растениям и т. д.; что позволяло говорить о более и менее «благородных» существах. Наконец, выделяли наблюдаемую только в человеческом обществе; 3) *Nobilitas politica* — это понятие обозначало в самом широком смысле известность среди людей, видное положение в обществе; кроме того, словосочетанием *Nobilitas politica* обозначается привилегированная социальная группа, то есть знать.

Две составляющие английской знати обозначаются в антикварной традиции следующими парами терминов: «*nobilitas major* — *nobilitas minor*», «*nobilitas nominata* — *nobilitas innominata*» — знать высшая и низшая, титулованная и нетитулованная. При переводе на русский язык не используется термин «дворянство», поскольку это понятие, сформировавшееся для описания исключительно российских реалий, не соответствует положению и истории формирования британской *nobilitas*. Английский термин «*gentry*» используется редко, и, как правило, для именованной нетитулованной знати, хотя возможны незначительные вариации — например, для обозначения людей, носящих джентельменское достоинство. Достаточно распространенный в отечественной историографии термин «джентри» не кажется подходящим для перевода «*nobilitas minor*», поскольку в историографии, особенно отечественной, он прочно связан с теорией возвышения так называемого «нового дворянства» — «джентри». В сочинениях антиквариев такая коннотация полностью отсутствует. Термин «новое дворянство» в сочинениях современников не встречается вовсе, за исключением частных случаев, когда речь идет об отдельных креациях или учреждениях достоинств, но отнюдь не о значимой социальной группе. Термин «аристократия» не используется для обозначения какой бы то ни было страты внутри знати, а применяется в исконно аристотелевском значении — власть, сосредоточенная в руках меньшинства, особая форма правления и, следовательно, подчеркивает исключительно функцию, выполняемую представителями знатного сообщества.⁶⁴

Авторы, создававшие свои сочинения в XVI–XVII столетиях, так же как и современные исследователи, при описании общества использовали несколько различных схем и различные критерии. Однако среди них без труда можно выделить ту модель, которая оказывалась для современников наиболее предпочтительной и с которой они согласовывали все иные возможности определить статус отдельного человека или группы, и которая служила организующей основой для построения теоретических трактатов о знати.

Знатное общество в трактатах антиквариев предстает как иерархическая структура, основой для которой служат именованная (титулы) достоинства («*titles of honor*»). Что подразумевают историки антикварной школы

⁶⁴ Подробнее см.: Федоров С. Е. Термин «аристократия» в толковании английских лексикографов конца XVI — начала XVII вв.: британский мир и греко-римская традиция // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2000. С. 346–349.

под этим термином? Наиболее полные определения дают Дж. Сэлден и М. Картер.

«Титулы достоинств, — пишет Сэлден, — будучи различными именованиями величия, или известности, то есть наивысшие обозначения гражданского достоинства, делятся на духовные и светские. Светские титулы достоинства (а все духовные мы здесь опускаем) делятся на верховные и подчиненные. Верховным в независимых монархиях обладает один человек: император или король, а в республиках или аристократиях его носят столько человек, сколько составляет правящий орган. Подчиненные достоинства делятся на изначально служилые (берущие начало от названия их службы), достоинства (такие, как вице-король, констебль, канцлер, адмирал и прочие), и достоинства по преимуществу, в которых власть и должность проистекали или были привязаны преимущественно к их держаниям. Таковы наследуемые титулы короля, великого князя и другие, а также остальные светские достоинства вплоть до джентльмена (*nobilis*); а еще такие, которые обозначают исключительно ученую степень, как то: доктор, мастер, лицензиат и прочие».⁶⁵

Таким образом, нетрудно заметить, что существующие достоинства (речь идет, разумеется, о достоинствах подданных, а не суверенов) можно организовать в несколько различных иерархий. Отдельно следует рассматривать достоинства светские и духовные; особый порядок следования существует среди феодальных достоинств и среди служилых должностей; даже ученые степени (и, следовательно, профессии и должности, занимаемые выпускниками различных факультетов и судебных иннов) имеют неравный статус. Кроме того, называется еще достаточное количество почетных прозваний (таких, как, скажем, «защитник веры» или «*princeps juventutis*»), долженствующих сообщать особый смысл достоинству, сопряженному с таким прозванием, или особый статус его носителю лично.

Далее из сочинения Сэлдена становится ясно, что и среди феодальных («*primarily honorary*») достоинств он различает те, что сформировались как феодальные титулы на основе служилых функций и те, генезис которых был связан с особым статусом их территориальных владений. В некоторых случаях — что демонстрируется на примере различных стран и исторических эпох — названные иерархии могут существовать параллельно и независимо друг от друга; с другой стороны, падение или продвижение в одной из этих иерархий может влиять на изменение статуса человека в другой.

Проницательный Сэлден — пожалуй, единственный из антиквариев, который на первых же страницах своего труда не просто воспроизводит традиционную схему деления светских достоинств на высшую и низшую

⁶⁵ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 1–2.

знать («*nobilitas major*» — «*nobilitas minor*»), а указывает на пути формирования современных титулов и остальных достоинств, первоначально возникших как служилые чины (прежде всего военные и судебные), и те достоинства, которые исконно связывались с управлением — либо с управлением территориальными владениями сеньора, либо с осуществлением его судебной или военной власти.

Однако обещание уделять внимание исключительно знатым достоинствам («*Primarily honourable titles*»), не останавливаясь на тех достоинствах, которые до сих пор служат лишь для обозначения должности, он сдерживает.

Характеристики английской *nobilitatis politicae* в сочинениях различных авторов могли варьироваться, однако если суммировать представления современников, то наиболее корректным было бы сказать следующее. Знатыми в Англии XVI–XVII вв. назывались те, кто занимал определенное место в иерархии достоинств, которые формально закрепляли за человеком дворянский статус. Эта иерархия состояла из *nobilitas major* (*nobilitas nominata*), высшего, титулованного дворянства, чаще всего пэрства, и *nobilitas minor* (*nobilitas innominata*), дворянства низшего, нетитулованного.

При этом знатный человек обладал набором других характеристик, которые подтверждали его право на дворянский статус в глазах общества, то есть знатностью. Традиционно считалось, что «знатность» включала в себя такие компоненты, как родовитость (благородство), высокое место на военной службе или в структурах гражданского управления, наконец, личные дарования (рыцарские и христианские добродетели, образованность).

Первое условие (обладание одним из знатных достоинств) всегда оставалось неизменным и обязательным. Иерархия достоинств служит главным стержнем всех трактатов, посвященных дворянству, главным критерием внутригрупповой стратификации, а право на место в этой иерархии подтверждается за счет других ценностей знатного социума. Представления о знатности в XVI столетии несомненно, претерпевают значительные изменения, которые отражают новую расстановку ценностных приоритетов английского дворянства.

НЕТИТУЛОВАННАЯ ЗНАТЬ: ПРОБЛЕМА НИЖНЕЙ ГРАНИЦЫ ЗНАТИ

Иерархию знатных достоинств открывает самая многочисленная категория английской знати — джентльмены. В связи с этим достоинством в антикварных трактатах активно обсуждается проблема проницаемости нижней границы знатного сословия и проблема родовитости как составляющей дворянской знатности.

По определению Джона Сэлдена, формально джентльменом считается тот, кто «благодаря крови своих предков, или благосклонности государя, или вследствие собственных заслуг, или в силу занимаемой должности, или иных причин, по законам и обычаям той страны, о которой идет речь, аноблирован, то есть сделан знатным, возвышен над остальными: его воистину следует считать принадлежащим к знати».⁶⁶ Нельзя не заметить, что такая формулировка расплывчата — более того, в данном случае Сэлден не сосредоточивает внимание на Англии, а говорит об общих признаках низшей группы знати независимо от государства. Оговорка «согласно обычаям и законам той или иной страны» указывает, что эти обычаи могут быть какими угодно — главная роль отводится местной традиции, обычаю.

Правда, обращение к прошлому и настоящему английской знати не упрощало и не проясняло картину. И среди современников, и в современной историографии общепринято утверждение, что нижняя граница английского дворянства была достаточно размытой: фактически, право называться джентльменом и претендовать на низшее знатное достоинство мог получить каждый, кто имел возможность вести соответствующий образ жизни и слыть за человека известного и почитаемого⁶⁷. Кроме того, в Англии (в отличие, например, от Франции, где существовало понятие «личного дворянства») наследник того, кто сумел добиться признания собственной знатности, автоматически также претендовал на благородный статус, становясь, таким образом, благородным уже по рождению.

Джон Сэлден иронично замечает по этому поводу: «В нашей стране трудно определить, кто есть джентльмен. В Вестминстер-холле джентльмен — каждый, кого таковым считают».⁶⁸ Привлекательность благородного состояния в глазах современников была вполне объяснимой, так как принадлежность к знати несла с собой не только ряд правовых привилегий, но и была необходимым условием для продвижения вверх по социальной и служебной лестнице.

При первом прочтении некоторых антикварных трактатов может сложиться впечатление, будто существующие в английском королевстве обычаи и установления в том виде, в каком они излагаются авторами, действительно располагают к быстрому и законному продвижению в состав знати. Общим местом является утверждение, что стать знатным можно, проявив собственные таланты и снискав королевскую милость на любом перспективном поприще (юридическом, военном или придворном). Мэтью Картер подробнее остальных перечисляет звания и должности, дающие человеку право причислить себя к нобилем, прославленным знатым мужам. Статус

⁶⁶ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 705.*

⁶⁷ Практика, однако, допускала понятие знатности *per se*, но теория подобное состояние отрицала. Об этом см.: *Palmer F. Peerage Law in England. N. Y.; L., 1978.*

⁶⁸ *Selden J. Table talk, being the discourses of John Selden... L., 1899. P. 52.*

некоторых чинов так высок, что заставляет автора задуматься о порядке их следования относительно достоинств, стоящих выше «просто» джентльменского. Речь идет о тех, кто получил степень доктора права, богословия и медицины. Картер спрашивает, не следует ли поставить маститых юристов даже выше рыцарей, однако окончательное его решение таково: «Допуская великую пользу и выгоду мира, мы все же должны признать, что этот самый мир, давший начало всем законам, есть результат действия меча; и ни мир сам по себе не способен охранить законы, ни законы — охранить мир без вооруженной силы. И я ни в коей мере не могу умалять достоинство докторов права, поскольку их следует поместить сразу же вслед за рыцарями, то есть перед докторами богословия; следующее место отдается докторам медицины, которая суть вершина натуральной философии. ... Вообще, если любой, законным повелением государя получит любую должность, достоинство или чин, будь он церковный, военный или гражданский... его следует причислить к знати. В церкви таковыми достоинствами являются патриарх, примас, архиепископ, и епископ — все они, по обычаю нашего государства и по королевскому пожалованию считаются баронами и допускаются в высокий суд парламента. Также к знатым причисляются генеральные викарии, деканы, архидьяконы, канцлеры, казначеи регенты при каждой епископской кафедре. В военном командовании таковы суть главный констебль, генерал, маршал, адмирал, майор, квартирмейстер, армейский казначей, полковник, сержант, капитан и пробст... Среди гражданских, или политических достоинств: канцлер, президент казначей, судьи и мировые судьи, главы служб королевского двора, государственные секретари, мэры, проворсты и бэйлифы городов».⁶⁹

Действительно, сперва может сложиться впечатление, что добиться права называть себя знатым, если и не претендуя сразу на должность канцлера или казначея, то, по крайней мере, став судьей или доктором медицины, нетрудно. Однако сразу после перечисления широких перспектив, якобы открытых перед теми, кто желает *«aspire unto honor»*, антикварию открывают истинное положение вещей и указывают, кому именно открываются многочисленные должностные возможности. Постепенно пыл исследователя, надеявшегося было увидеть в лондонских антиквариатах либералов в вопросах определения знатности, заметно ослабевает.

Неопределенность происхождения и сомнительность притязаний, по выражению Мэтью Картера, этого *«irregular and untriable gentry»*, заставляла историков антикварной школы в своих трактатах снова и снова доказывать, что для джентльменов, не обладающих более высокими знатыми достоинствами, основной составляющей знатности должна считаться родовитость. Она подтверждала право человека стремиться к более высо-

⁶⁹ Carter M. Honor Redivivus... L., 1673. P. 15–18.

ким ступеням в иерархии знати. По словам Уильяма Сегара, «сегодня родовитость — это первая ступень, с которой люди восходят к более высоким достоинствам».⁷⁰ Картер же уточняет, что «совершенному по крови джентльмену требуется подтвердить прямое происхождение с отцовской стороны, [и назвать пять поколений предков, каковы] *atavus, abavus, proavus, avus* и *pater*, и столько же с материнской стороны: тогда у этого джентльмена безупречно не только происхождение, но и его предки».⁷¹ Однако в большинстве случаев к желающему подтвердить право называть себя знатым по крови предъявляется требование перечислить трех знатных предков по мужской линии.⁷²

В стремлении обосновать замыкание границ знати следует усматривать желание закрепить доступ благородных англичан к придворным и административным должностям, а также к распределению королевских милостей исключительно знатым обществом. Вопрос о родовитости оказывается единственным моментом, когда антиквари единогласно указывают на ограниченность власти государя: монарх может возвысить любого, одарить его какими угодно титулами и богатством, сделать человека знатым, но одновременно вознаградить его семью поколениями предков он не в силах. Мэтью Картер, ссылаясь в своем трактате на авторитет «Титулов достоинства» Дж. Сэлдена, пишет так: «Однако такое (по воле государя. — С. Ф., А. П.) возведение в знатное достоинство не может сделать человека джентльменом по рождению; как гласит испанская пословица, король не может сотворить идальго; человек может стать знатым (*nobilis*), но не может стать благородным (*generosus*)».⁷³

Наглядной иллюстрацией приоритета родовитых дворян могут служить требования, которые М. Картер предъявляет к обучающимся в судебных иннах (а юридическая карьера была одной из самых перспективных): в списке студентов следовало вносить имена лишь тех, кто мог подтвердить знатное состояние нескольких поколений своих предков. Тех же, кто умышленно вводил начальство в заблуждение, по мнению Картера, следовало исключать.⁷⁴ «К джентльменам *nomine, non re*, [сэр Джон Ферн] причисляет студентов, изучающих право, пажей в королевском дворце, крестьянских сыновей, сделавшихся священниками или канониками, и тех, кто получил степень по окончании учебы или занимает должность в городском управлении».⁷⁵

⁷⁰ Segar W. Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 226.

⁷¹ Carter M. Honor Redivivus... L., 1673. P. 21.

⁷² На практике уже при Карле I даже три поколения знатных предков становятся необязательными.

⁷³ Ibid. P. 11.

⁷⁴ Ibid. P. 21–22.

⁷⁵ Ibid. P. 21.

Томас Миллз прямо выделяет в джентльменском достоинстве три разряда знатности, первый из которых составляют те, кто может похвастаться и знатым происхождением, и унаследованным гербом: они по крови считаются знатыми, или благородными; второй разряд составляют джентльмены, получившие инсигнии лично и, следовательно, имеющие законное право передать статус знатного и благородного человека наследникам; самый низший разряд — те, кто своей ученостью или иными заслугами снискал репутацию знатного, хотя рожден простолюдином, следовательно, его сыновья также должны считаться простолюдинами.⁷⁶

Вторит им и Уильям Сегар. В его трактате достаточно подробно описаны пути обретения «знатности», однако важно помнить: громкие фразы о стяжании репутации знатного человека и здесь помещены после строго сформулированных требований о подтверждении родовитости. «Знатность» здесь понимается автором именно как слава, известность, но прежде всего внутри знатного общества. «Джентльмены, — пишет он, — это люди известные, то есть принадлежащие к той или иной фамилии или роду».⁷⁷ Именно в этом контексте подразумеваемой родовитости нужно рассматривать перечисление путей к дальнейшему аноблированию. Первый и наиболее эффективный путь продвижения — аноблирование через карьеру. Прежде всего называется карьера юридическая, где добродетели мудрости, учености и здравомыслия формально подтверждаются степенью доктора права, должностью судьи или любой другой юридической должностью.⁷⁸ Обладатели ученой степени в области права или других свободных искусств заслуживают причисления к знати, если при этом живут «в свое удовольствие и не занимаются ручным трудом: они заслуживают именования мастер, каковое причисляет эсквайрам и прочим джентльменам. А если кто может доказать, что его предки или он сам имеют право на герб, их можно именовать оруженосцами, или эсквайрами».⁷⁹ Знатность может приобретаться на «любой службе государевой, то есть при занятии любой должности, которой причитаются почет и уважение»,⁸⁰ а также через пожалование государем более высоких титулов. Последними называются аноблирование через брак (разумеется, только в отношении женщин, приобретающих более высокое знатное достоинство своего супруга) и через военную карьеру.

Впрочем, наиболее консервативный из антиквариев (и один из самых старших в поколении последователей Кемдена) У. Сегар с характерным для него трепетным отношением к обычаям «старых добрых времен» в заклю-

⁷⁶ *Milles Th. Nobilitas Politica vel Civilis. L., 1608. P. 146.*

⁷⁷ *Segar W. Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 225.*

⁷⁸ *Ibid. P. 226.*

⁷⁹ *Ibid. P. 228.*

⁸⁰ *Ibid. P. 226.*

чении размышлений о карьерах дворян пишет: «В Англии джентльмены живут частной жизнью и свободно располагают своим временем, так как не считается большой честью заниматься торговлей; равно как в былые времена не ставилась высоко юридическая практика или врачебное дело, но сейчас все иначе. Однако издавна они держали хозяйство в сельской местности, чтобы обеспечивать подобающее гостеприимство».⁸¹ Такая модель поведения представляется ему образцовой по сравнению со стилем жизни знати в других странах: «В Неаполе джентльмены считают более достойным жить грабежом, чем предпринимательством, и скорее поставят под угрозу честь своей дочери, чем выдадут ее за самого богатого купца <...> В Германии они не стыдятся получать доход от разбоя и мародерства. Однако некоторые служат или вступают в свиту князя. В Египте и Ассирии в знатное сословие допустят лишь военного».⁸²

Любопытно, что два момента — пополнение знати из рядов купечества и покупка титулов — которые активно обсуждаются в современной историографии, почти не находят освещения в трудах исследователей начала XVII в. Пожалуй, только Мэтью Картер уделяет несколько строк месту и достоинству тех, кто решил купить патент на знатный титул, и вердикт его однозначен. Покупка патента при отсутствии заслуг обеспечивает владельцу лишь последнее место среди обладателей равного с ним достоинства, а его знатность не выдерживает критики. «Король, по словам сэра Джона Ферна,⁸³ может создать [нового] джентльмена и даровать ему герб, пусть даже он недостойн его носить, однако, если верить тому же Ферну, ... это будет лишь подделка под знатность, и джентльменство принесет владельцу лишь тень положенной чести, чтобы только перестать называться плебеем, и по всей строгости законов чести на таких джентльменов не распространяются привилегии знати».⁸⁴ (Среди таких привилегий знати антиквари перечеисляют, как правило, следующие: в любых преступлениях, за исключением ереси, заговора или открытого неподчинения, то есть всего, что связано с лояльностью государю, благородных людей карают менее сурово, чем простолюдинов; на суде слову джентльмена оказывается больше доверия, а показания у него запрещено исторгать пыткой; при выборах магистратов голоса джентльменов имеют больший вес; а если знатного человека все же приговорили к смертной казни, он может рассчитывать на почетное обезглавливание, и не опасться позорного повешения.⁸⁵)

⁸¹ Ibid. P. 230.

⁸² Ibid. P. 230–231.

⁸³ Речь идет о трактате Джона Ферна «Блазон знати» (*Fern J. The Blazon of Gentry*. L., 1586).

⁸⁴ *Carter M. Honor Redivivus*... L., 1673. P. 18.

⁸⁵ См. *Segar W. Honor, Military and Civil*. L., 1602. P. 229.

Приведенные выше мнения антиквариев ясно указывают, насколько важным представлялось им упорядочить и ограничить возможности пополнения знати. Нетрудно заметить, что процитированные фрагменты содержат теоретические построения авторов или же рисуют современное им положение вещей в обществе. Сосредоточиваясь на современности, большинство авторов признают, что наиболее адекватным критерием доступа в ряды знати служит родовитость претендента. Однако по крайней мере одного из антиквариев, и при этом наиболее влиятельного из них, обращение к истории привело к несколько иным выводам — впрочем, вернее будет сказать, что свое мнение ему удалось обосновать лучше всего через обращение к прошлому.

Речь идет о Джоне Сэлдене, который, стремясь проследить историю достоинств во тьме минувших веков, обращаясь к формированию низшей группы знати, привлекает античный материал, а также древнюю историю германских королевств. Фрагменты, посвященные «истории джентльменского достоинства в античности», риторичны: Сэлден, может быть упорнее других настаивавший на германских корнях современного западноевропейского и, в частности, английского государства, права и общества, тем не менее, использует античный антураж, традиционно привлекаемый в антикварных разысканиях об истоках существующих достоинств, для придания большего веса собственным суждениям, полемический характер которых он прекрасно сознает.⁸⁶ Достаточно насытив рассказ античной историей, Сэлден, в конце концов, все же отстаивает «германскую доминанту», то есть представляет древнегерманское общество непосредственным предком современного. (Заметим в этой связи, что Мэтью Картер, создавая итоговую компиляцию из трудов своих предшественников по антикварной школе, в вопросе о джентльменском достоинстве излагает именно точку зрения Сэлдена, но, разумеется, в сокращенном виде.⁸⁷)

Традиционная точка зрения состояла в том, что термин «джентльмен» возводился к слову «*generosus*», таким образом предполагая только родовитость условием вхождения в знатное общество; родовитость сама собой предполагала наличие в человеке лучших качеств и располагала к их благоприятному развитию. Особенно четко эта мысль прослеживается в трактате Уильяма Сегара.

Сэлден, однако, полагает, что такая гипотеза, кстати, очень тесно связывающая происхождение английской социальной группы с древнеримскими патрициями, принадлежность к которым также определялась в первую очередь родовитостью, ошибочна. Ошибка проистекает из неправильного представления о происхождении терминов, обозначающих знатное

⁸⁶ Кондратьев С. В. Идея права в ранестюартовской Англии. Тюмень, 1996. С. 70.

⁸⁷ Carter M. Honor Redivivus... L., 1673. P. 12.

достоинство. «Филологический» экскурс Сэлдена крайне тенденциозен, и, строго говоря, процитированные им фрагменты источников (главным образом нарративных: традиционно — Цицерон, Тацит, Сенека, Августин) сами по себе ничего, кроме употребления того или иного термина не доказывают. Сэлден начинает свое рассуждение с того, что в современном ему обществе слово *gentleman* используют для обозначения любого дворянина, независимо от того, рожден ли он в дворянском достоинстве или приобрел его при жизни. Это правильно, считает автор, и подобная практика становится объяснимой при внимательном анализе исторических событий. И далее Сэлден предлагает свою версию происхождения понятия «*gentleman*» — не от «*generosus*», а от «*gentiles*».

Слова «*nobilis*» и «*generosus*» употреблялись в Риме издревле, а точнее, со времени возникновения римской Республики. «*Nobilis*» мог называться тот, кто обладал *jure imaginis*, то есть правом выставлять маски своих умерших предков, занимавших высокие должности в государстве — например, должности курульного эдила, консула, цензора и т. д.⁸⁸ То, что дворянин благороден по рождению, определяется наиболее древним значением слов «*nobilis*» и «*generosus*».

Действительно, говорит Сэлден, римляне времен Республики считали знатью обладателей *jure imaginis*. Но для выяснения истоков современного значения понятия «знатный» важен не этот период, а история Рима после распространения христианства и эпоха распада Империи.

В христианской литературе — и прежде всего в Новом Завете — очень часто употребляется слово *gentes, gentilis* с особым оттенком: так христиане обозначали всех не-христиан, то есть в первую очередь римлян, язычников. После христианизации Империи язычниками становятся варвары, и название *gentes, gentilis* переносится на них. Слово «языческий» становится синонимом слова «варварский» и приобретает уничижительный оттенок. В юридических текстах *gentes* именовались лица, не являющиеся римскими гражданами.

Однако, продолжает Сэлден, дикие и необразованные варвары («*northern nations*»), прознав, что сами великие римляне называют их словом *gentiles*, решили сделать это слово знаком отличия «для тех из них, кто отличался наиболее выдающимися качествами».⁸⁹ «Выдающиеся качества» в понимании варваров, однако, это нечто совсем иное, чем «выдающиеся качества» в понимании римлян. По Сэлдену, варвару, чтобы отличиться, нужны были не маски предков, а личные заслуги и подвиги — личные амбиции, стремление выделиться, любовь к свободе и независимости, наконец, военная доблесть и воля к власти. Наследование привилегиро-

⁸⁸ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 708–709.

⁸⁹ Ibid. P. 713.

ванного положения потомками пришло в обычаи германского общества значительно позднее.

Отличившихся (независимо от происхождения) «язычников», *«gentiles»*, составивших элиту варварских племен, римляне, на свой лад и не разобравшись в тонкостях организации варварского общества, стали называть *«nobiles»*. Таким образом происходит смешение двух понятий, первоначально имевших разное значение. Впоследствии от слова *gentilis* произошло слово *gentleman*, которое переводили на латынь как *Nobilis* или *Generosus*.

Из всего приведенного выше объяснения Сэлден делает следующий вывод: ошибаются те, кто, «говоря “дворянин”, подразумевают римского *Generosus* в самом древнем смысле этого слова, то есть так, как если бы это слово означало человека, происходящего из благородной фамилии, или благородного по рождению».⁹⁰ Одной только длинной родословной недостаточно, чтобы стать по-настоящему знатным, поскольку «как плоды растений, так и поколения людей часто отличаются от своих корней. В хорошей семье некоторое время рождаются прекрасные люди, но затем их потомки зачастую деградируют».⁹¹ Сэлден сетует на то, что «те, чьи предки были выделены за их деятельный и беспокойный дух, опускаются до дикости и легкомыслия, или до лености и тупости».⁹² Итак, право именоваться по-настоящему благородным дается за проявление личных дарований. В какой области будут эти качества проявлены — зависит от конкретных условий и от намерений каждого человека.

В заключение этого пространного экскурса в древнегерманскую историю хочется снова пояснить, в чем же все-таки заключается нетрадиционность суждения Джона Сэлдена — казалось бы, он, так же как и остальные, в итоге не отказывается от критерия родовитости при оценке знатности того или иного джентльмена, даже если момент личных заслуг весьма значим. Сэлден больше остальных антиквариев сосредоточен на размежевании античного и германского обществ: не отказываясь от принципа континуитета полностью, он использует его не для демонстрации прямых связей между государственными и социальными институтами, но, скорее, для выявления аналогий между явлениями. Социальные группы, аналогичные английским джентльменам (и другим группам), существовали и прежде; но это значит лишь то, что их возникновение предопределено внутренними законами развития общества, которое, как упоминал Сэлден в предисловии к «Титулам», имитирует устройство Вселенной. Взаимосвязь по аналогии между государствами и обществами разных стран и эпох не подвергается

⁹⁰ Ibid. P. 716.

⁹¹ Ibid. P. 709.

⁹² Ibid.

сомнению; однако при выяснении своих прямых прародителей англичанам следует быть более осмотрительными и не воспринимать слишком близко к сердцу родство с Брутом или Энеем. Критерии принадлежности к знати могут изменяться, точнее, изменяться может соотношение между компонентами понятия «знатность».

Существует еще один аспект репрезентации знатного сословия — аспект знаково-символический.

Зримым знаком принадлежности к знатному роду является ношение фамильного герба. На это указывается в каждом из упомянутых антикварных трактатов, а во многих из них («Обозрение геральдики» Гвиллима, «Возрожденная доблесть» Картера, «Рассуждение об истоках и распространении геральдики» Томаса Фитипота, «Рассуждение и апология гербов и геральдики» Эдуарда Уотерхауза, «Каталог достоинств» Миллза) происхождению гербов, искусству составления и блазонирования гербов посвящены отдельные разделы. Остановимся подробнее на суждениях Джона Гвиллима, авторитет которого признавался не только всеми без исключения антиквариями стюартовского времени, но и более поздними исследователями геральдики. Будучи членом коллегии герольдов, он имел возможность на практике столкнуться с процессом подтверждения прав на ношение герба и с созданием новых гербов, а значит, и с проблемой пополнения состава знати.

Гвиллим склонен воспринимать герб не как достояние многочисленных поколений знатного семейства, а именно как персональную эмблему, зримое изображение отличительных качеств конкретного человека. «Всякий человек, обладающий острым умом, понимает, что его будут оценивать за его собственные заслуги, и не кричит постоянно о подвигах и славе своих предков».⁹³ Использование персонального герба, во-первых, служит чисто практическим целям: помогает соблюдать внутреннюю иерархию знати, различать старшие и младшие ветви дворянских семейств: «Старший в каждом знатном и благородном роду имеет особенный, простой и ясный герб, который он никогда не позволит использовать другому человеку, даже принадлежащему к той же семье, если тот не внесет в изображение каких-либо дополнений. Кроме того, упомянутые дополнения указывают на степень родства между владельцами гербов».⁹⁴

Гвиллим пишет: «Происхождения из древнего рода все же недостаточно, чтобы считать человека благородным, так как все внешние знаки отличия не могут быть справедливо названы нашими. Это, скорее, дары благосклонной Фортуны».⁹⁵

⁹³ *Guillim J. A Display of Heraldry. L., 1612. P. 122.*

⁹⁴ *Ibid. P. 26–27.*

⁹⁵ *Ibid. P. 271.*

Эсквайры

Достоинство эсквайра, неразрывно связанное с достоинством рыцарским, обсуждается антиквариями сравнительно кратко. Несмотря на очевидную связь с рыцарством и многие сходные черты этих двух достоинств с ярко выраженным военно-служилым происхождением, нельзя не заметить, что антикварии стараются продемонстрировать тяготение эсквайров к более низкому достоинству джентльмена, а не к рыцарству.

Сегар пишет, что «эсквайры не считаются особым разрядом в государстве, но относятся к разряду джентльменов. Они не проходят ни креации, ни посвящения, если только не занимают должность по соизволению государя»⁹⁶.

Сэлден также замечает, что в современном обществе именование эсквайром служит, скорее, отличительным именованием, позволяющим человеку занять более высокое положение внутри нетитулованной знати. Он пишет: «Сегодня положение [этого достоинства] таково, что если кого, по праву происхождения, положению на службе или другому выдающемуся признаку считают достойным почтения большего, чем предполагает достоинство джентльмена, и притом этот человек не имеет законного права ни на какой другой титул, обычно именуют эсквайром».⁹⁷

По поводу истории достоинства эсквайра мнения антиквариев расходятся, но кажется, что выяснение истины в этом вопросе их не слишком заботит. Однако на примере эсквайров прекрасно видна трансформация слова «эсквайр» - от обозначения военной функции оруженосца до именованного знатного достоинства. На это, собственно, указывает и само название: «Эсквайр на латыни именуется оруженосцем, а прежде назывался щитоносцем, так как нес щит при особе рыцаря».⁹⁸

По сведениям Картера, впервые эсквайры-британцы в качестве оруженосцев упомянуты Ордериком Виталием. Далее он пишет, что «это именование превратилось в знатное достоинство лишь в царствование Ричарда II, хотя должность [оруженосца] гораздо древнее».⁹⁹ Сэлден же указывает, что в документах термин «эсквайр» в качестве знатного достоинства упоминается позднее, со времени правления Генриха V.

Следуя Картеру, эсквайрами в настоящее время следует считать:

- аноблированных джентльменов, получающих прибавление к родовому гербу и имеющий право передавать достоинство эсквайра по наследству;
- старших сыновей пэров, если они еще не возведены в рыцарское достоинство;

⁹⁶ Segar W. Of Honor, Military and Civil. L., 1603. P. 204.

⁹⁷ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 687.

⁹⁸ Carter M. Honor Redivivus... L., 1673. P. 23.

⁹⁹ Ibid. P. 24.

— тех, кто имеет должность в королевском хаусхолде, но в таком случае достоинство эсквайра не являлось наследуемым. Этот пункт оговаривается несколько раз. Картер в связи с эсквайрами пишет, что «Аноблирование по должности было в употреблении также и у саксов, и вошло у них в обычай».¹⁰⁰ Тем самым он вновь повторяет мысль, уже сформулированную в рассуждении о джентльменах: на службе при королевском дворе следует находиться преимущественно родовитым дворянам.

Рыцарство

Иерархию нетитулованного дворянства замыкает рыцарство. Традиционно носители рыцарского достоинства в Англии подразделялись на четыре группы: это были члены двух светских орденов — ордена Подвязки и ордена Бани, рыцари-баннереты и рыцари-бакалавры. Кроме того, в 1611 г. учреждается новое знатное достоинство — достоинство баронета.

В иерархии знатных достоинств рыцарство оказывается первой группой с достаточно замкнутой нижней границей, и, не оспаривая закрепленную многовековым обычаем принадлежность рыцарства к *nobilitas minor*, авторы трактатов о знати всячески подчеркивают особое положение этой группы, ее отличие от остальной части низшего дворянства. Можно с уверенностью заключить, что первый и осязаемый водораздел внутри знати проводится современниками не между титулованной и нетитулованной знатью, а между рыцарством и остальными низшими достоинствами.

Главы, посвященные рыцарскому достоинству, оказываются почти всегда самыми обширными и многоплановыми: спорных моментов, связанных с историей и современным состоянием английского рыцарства, в антикварных трактатах больше, чем в рассуждениях о всех остальных титулах.

Наметим сразу основные направления, обсуждаемые антиквариями в связи с рыцарским достоинством.

1. История рыцарства. Это первое в иерархии достоинство, прошедшее трансформацию от военной функции к феодальному достоинству. Проблема рыцарского держания.

2. Возведение в рыцари как необходимый шаг к приобретению пэрских титулов.

3. Уникальное положение рыцарства: личное возведение и необходимость доказывать родовитость.

4. Внутренняя иерархия рыцарства, а также порядок следования в соответствии с низшими и высшими достоинствами.

5. Традиции рыцарства в современном обществе: моральный кодекс и церемониал.

---

¹⁰⁰ Ibid. P. 26.

Пожалуй, не вызывает разночтений среди антиквариев только происхождение рыцарства в целом и отдельных групп внутри него. Английское рыцарство составляют (ранги перечислены по возрастающей), во-первых, «рыцари-бакалавры, или рыцари шпоры, которых называют равно *knights*, *milites* и *chivaliers*, а иногда *milites simplices*, дабы в древние времена отличать их от баннеретов.

- во-вторых, рыцари-баннереты
- в-третьих, рыцари Подвязки
- в-четвертых, рыцари Бани».¹⁰¹

Рыцари-бакалавры

Статус рыцаря напрямую связан с военной функцией знати, поэтому некоторым образом подразумевается, что рыцарство существовало едва ли не с первых дней существования привилегированного сословия. По мысли Томаса Миллза, разделение общества на знатных и незнатных произошло в результате войн между первыми общинами, и войны эти велись «сильными мужами».¹⁰² Более серьезная проблема возникает в связи с древнеримским всадническим сословием: следовало ли счесть его прямым прародителем средневекового и современного рыцарства? Казалось бы, аналогия напрашивалась сама собой: очевидны военные истоки формирования, несение службы на коне, не говоря уже о таких внешних атрибутах, как поединки и триумфы, устраивавшиеся победителям в древнем Риме. Нельзя забывать и о традиции средневековых рыцарских романов, сюжеты и герои которых черпались из античной истории и литературы: повествования о рыцарях Александра Великого и Цезаря, о походах против Трои и Фив. Но затем оказывается, что для английских историков внешними чертами сходство и ограничивается, а «филологическое» доказательство, позволяющее обнаружить аналогии между римским *gens* и английским *gentry*, здесь не работает: римский всадник — это, безусловно, конник, «*eques*», человек, располагающий достаточными средствами, чтобы позволить себе передвижение верхом; но средневековый рыцарь прежде всего воин, «*miles*». Таково первое отмечаемое лондонскими эрудитами отличие. Затем, античная римская цивилизация на страницах антикварных трактатов предстает прежде всего воплощением имперского величия, и, вопреки всему, почти полностью лишена милитарного начала. Изображенное антиквариями римское всадничество почти сразу же превращается в социальную страту, критериями для вхождения в нее служат родовитость (предъявление масок известных предков) и имущественный ценз (*donatio annulo aureo*). Если носитель всаднического достоинства разумно обращался со своим капи-

¹⁰¹ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 637.*

¹⁰² *Milles Th. Nobilitas politica vel civilis. L., 1608. P. 3–4.*

талом, то статус без проблем передавался наследникам; однако утратить это достоинство по тем же самым финансовым причинам было столь же легко. Звание всадника не привязывалось к личности носителя. Римские всадники, конечно, обладали внешними атрибутами своего достоинства, среди которых — золотое кольцо и такие же шпоры; однако ни о возведении, ни о феодальных пожалованиях и держаниях речи не идет. Римское всадничество не только утрачивает свои служилые функции: оно изначально существует вне персональных связей с правителем страны, равно в период республики или империи.

Возвести средневековое и современное рыцарство к античному всадничеству антиквариам не позволяет прежде всего тонко прочувствованный ими самобытный характер древнегерманских королевств Европы, ведь именно от германских обычаев берут начало основные государственные и социальные институты современного им общества. «Воинственные народы, мятущиеся по Европе» (выражение, повторенное почти дословно едва ли ни в каждом сочинении от Сэлдена до Картера), формировали свой привилегированный слой из воинов: английских историков не слишком интересует вопрос, добывали ли они славу верхом или пешими — главное, что в военных перипетиях раннего средневековья уже оформляются черты, выделяющие и современное рыцарство среди *nobilitas*.

На первый взгляд кажется, что положение первых «*milites*» не имело ничего общего со «знатностью». Так, Сэлден пишет, что «слово “*knight*”, равно как “*miles*” и “*chivalier*” означает то же самое, что “*eques*”. В саксонском языке слово “*knight*” означает “мальчик”, “слуга” или “сопровожающий”. В то время как выражение “*learning knights*” означало “ученики”. В саксонском переводе св. Павла так назывались “воины”»¹⁰³. Однако рыцарское служение выделялось среди прочих и тем, что являлось служением персональным, связывавшим личными узами военного предводителя, возможно, будущего короля, и его «*attendants*», приближенных воинов, из которых некоторые смогут получить более высокие достоинства и вознаграждение. Здесь выясняется, что связь рыцарства и пэрства восходит к военному социуму, — при том, что особое служение титулованного дворянства выражается в исполнении властных полномочий, общим знаменателем оказывается военное служение. «Отнюдь не малая, но даже большая часть... знати обрела знатность благодаря доблести в военном деле», — утверждает Миллз.¹⁰⁴

Антиквариам демонстрируют, что в основе формирования и рыцарства, и пэрства лежит личная взаимосвязь с государем, зародившаяся как личное военное служение (критерий, который никоим образом не может быть при-

¹⁰³ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 636.

¹⁰⁴ Milles Th. The Catalogue of Honor. L., 1610. P. 16.

менен к джентльменам («просто родовитым») и эсквайрам, служащим тем, кто сам служит королю, то есть нет прямого личного служения). Уильям Сегар, ностальгирующий по рыцарским нравам былых времен, обширные главы посвящает самой идее верного служения государю, и важности этих личных связей для обеих сторон: «Государи считали нужным записать славные дела воинов и пожалованные им привилегии на вечную память, и в таких записях они именовались доблестными мужами, товарищами по оружию, победоносными солдатами и рыцарями».¹⁰⁵

Личная связь рыцаря и сеньора символически воплощалась в акте возведения в рыцари. «Прежде всего, следует помнить, — пишет Сегар, что никто не рождается рыцарем какого бы то ни было ранга, но возводится в рыцари, либо перед боем, ... либо после оно, либо в мирное время за какую-либо примечательную заслугу».¹⁰⁶ Описание церемонии посвящения максимально традиционализировано: Сегар и особенно Сэлден, наиболее подробно останавливающиеся на деталях церемонии, повествуют главным образом о средневековых ритуалах, общих как для английского, так и для континентального рыцарства, и не обнаруживают каких-либо оригинальных идей в трактовке посвящения. Упоминаются привычные традиционные элементы: бдение над оружием, ритуальный удар мечом по плечам, церковное благословение, пожалование герба, щита, шпор и меча. Причем в повествовании о церемониях посвящения в Англии особенно подчеркивается сакральный элемент посвящения, акцентируется почитание святого Георгия как покровителя английского рыцарства. Во Франции же, как полагают английские эрудиты, посвящение в рыцари остается светской церемонией.

Если джентльменам и эсквайрам родословная и (или) должность сама по себе позволяла претендовать на знатное достоинство, то стать рыцарем самостоятельно, без участия (прямого или опосредованного) суверена было невозможно. Конечно, заключает Сэлден, «в древности это достоинство могли даровать как суверенные правители, так и их подданные. Однако позднее стало ясно, что в нашей стране рыцарское достоинство дарует только государь, или другой, но по его приказу или поручению».¹⁰⁷ У. Сегар подчеркивает, что тем, чье возведение состоялось с личным участием или по прямому указанию суверена, следует оказывать предпочтение перед теми, кто получил рыцарское достоинство опосредованно, через его могущественных подданных, а Сэлдену практика участия подданных в акте возведения вообще кажется достойной осуждения. Теоретически Сегар допускает, что положение и репутация государя могут сказаться (исходя из

¹⁰⁵ *Segar W. Of Honor, Military and Civil. L., 1603. P. 52.*

¹⁰⁶ *Ibid. P. 73.*

¹⁰⁷ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 637.*

законов доблести, а не социальной иерархии, разумеется) на репутации его верных рыцарей: «Относительно возведения в рыцари скажем, что каждый суверенный государь имеет власть жаловать это достоинство каждому, кто ему угоден, во время войны равно как и мира. Но здесь стоит заметить, что обладатели рыцарского достоинства пользуются большим или меньшим уважением в зависимости от того, что за государь посвятил их. Ибо тот, кто возведен в рыцари королем, займет место выше рыцаря, возведенного государем, носящим более низкий титул».¹⁰⁸ И хотя приведенные рассуждения следует считать исключительно данью средневековой традиции теоретизирования о рыцарстве, они позволяют показать важность замкнутости этой группы на государя. В даровании или подтверждении рыцарского достоинства, которое не относится собственно к титулам высшей знати, воля монарха реализуется явным образом.

Если в повествовании о достоинстве джентльмена часто повторяется афоризм, гласящий: «государь не может сотворить джентльмена» (а равно и лишить кого-либо права называть себя знатным), то есть желание суверена антикварии ограничивают не зависящими от его воли критериями родовитости и наличия подобающих знатному человеку качеств, то начиная с достоинства рыцарского, монарх в полной мере способен реализовать себя в качестве подателя и распределителя знатных достоинств. Если два низших знатных достоинства оказываются в определенной мере вне регулирующей воли короля, то возможность регулировать число и состав рыцарства, о чем открыто говорит У. Сегар,¹⁰⁹ и, следовательно, всех более высоких достоинств, требующих предварительного персонального посвящения в рыцари, ему открыта.

Тем не менее, видимая свобода государя в пожаловании рыцарских достоинств, с точки зрения антиквариев, ограничивается требованиями традиции. Во-первых, несмотря на то, что для получения рыцарского достоинства действительно было необходимо личное посвящение, отпрыск семейства, глава коего уже был рыцарем, мог быть уверен в подтверждении собственного права на равное достоинство по смерти отца. Поэтому к потенциальным обладателям рыцарского достоинства в полной мере мог применяться критерий родовитости, используемый в отношении двух низших групп знати.

Одним из основных требований, предъявляемых У. Сегаром к «истинным» рыцарям, было происхождение из рыцарского же рода (заметим, что Сегар относит родовитость и законное происхождение рыцаря к разряду «моральных» требований); его снисходительное отношение распространяется на тех, кто был промоциирован из достоинства эскайров (в пользу тако-

¹⁰⁸ Segar W. Of Honour, Military and Civil. L., 1603. P. 53.

¹⁰⁹ Ibid. P. 73.

вых свидетельствует милитантная традиция возведения в рыцари на поле боя); сомнительной представляется уже креация джентльменов и невозможной — креация простолюдинов. Сэлден придерживается более либеральной точки зрения, подчеркивая преимущество воли короля перед действиями «не суверенных» владетелей: «Когда в древности могущественные герцоги и графы сообщали человеку [рыцарское достоинство], существовало, как говорят, различие между теми, которые, не будучи знатными, аноблировались королем, и теми, кто получал рыцарство из рук его влиятельных вассалов. Поскольку возведение, совершенное королем, делает человека рыцарем по закону, неважно, принадлежал ли он прежде к благородным или нет: он становится знатным». ¹¹⁰ Если же креация незнатного человека проводилась одним из подданных, то незаконно аноблированный лишался рыцарского звания, а подателю грозила опала и штраф. (Сэлден приводит случай, когда возведение двух бюргеров, отличившихся в бою, впоследствии было объявлено недействительным).

Сэлден отмечает также, что необходимость личного получения достоинства потомком рыцарского рода — традиция, свято хранимая английским обычаем, но утраченная на континенте, прежде всего во Франции. Рыцарство «у нас имеет то же происхождение, что и в былые времена во Франции; за исключением того, что в Англии не находится случаев креации через патент или превращения рыцарского достоинства в наследуемое; однако же во Франции практикуются оба пути». ¹¹¹

Таким образом, нижняя граница рыцарства оказывается замыкаемой по двум параметрам — с одной стороны, действует фактор родовитости, общий для определения границ всех групп нетитулованной знати, с другой — фактор личного или опосредованного возведения в достоинство государем, распространяющийся на знать титулованную.

Рыцари-баннереты

Дискуссия о статусе рыцаря-баннерета почти во всех рассмотренных антикварных трактатах весьма обширна и развивается по двум основным линиям. Во-первых, именно рыцари-баннереты оказываются достоинством, пограничным (до учреждения баронетского достоинства) между знатью нетитулованной и титулованной, во-вторых, подчеркивается, что его получение связано исключительно с военной деятельностью.

В изложении особенностей положения этой высшей группы в рамках рыцарства четко прослеживается стремление антиквариев смягчить границу, отделяющую титулованную знать от нетитулованной, и по возможности объединить эти две группы. В этой связи можно привести суждение

¹¹⁰ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 457.*

¹¹¹ *Ibid. P. 655.*

Сэлдена относительно «общего и конкретного» употребления рыцарского звания. «Вообще оно применимо ко всем феодальным владетелям, как, например, к графам и баронам, а также сопрягается с ношением высоких должностей». «Конкретное значение связано с различными рангами рыцарства, как то рыцари-баннереты, рыцари-бакалавры и прочие». ¹¹²

О тяготении баннеретского достоинства к высшей знати можно говорить и «учитывая издревле известную близость баннеретов к баронам (ибо прежде, до того, как король учредил рыцарские ордена, между ними не существовало промежуточного достоинства), а также то, что они имели право помещать свой герб на знамя, которым обладали лишь баннереты, бароны, и те, кто стоит выше баронов». ¹¹³

Дж. Гвиллим указывает и на внешние проявления, объединяющие титулованную знать с рыцарством: право использовать в своем гербе шлем и щитодержателей имеют право дворяне с достоинством не ниже рыцарского. ¹¹⁴ Гвиллим вообще склонен относить баннеретов к высшей знати: «...Люди, обладающие суверенной юрисдикцией, и те, которых мы называем *nobiles majores*, среди которых ранг баннерета или (как некоторые его называют) баронета низший. Это название происходит от слова “знамя” (*banner*), так как им даровалось в напоминание об их неоспоримых заслугах на военном поприще даровалось право разворачивать квадратное знамя так, как то подобает баронам; поэтому их называют рыцарями-баннеретами. ...И полагают, что [это достоинство] находится посередине, между *Nobiles Majores* и *Nobiles Minores*». ¹¹⁵

С другой стороны, акцентирование военного характера баннеретского достоинства и, главное, пространные описания посвящения в рыцари-баннереты на поле боя могут быть рассмотрены двояко. Во-первых, напоминания о истоках и славном прошлом рыцарства, о воинских добродетелях позволяют продолжить средневековую традицию, соблюсти священный для антиквариев принцип континуитета, подчеркнуть традиционный характер рыцарского служения и связанного с ним достоинства.

Однако во-вторых, непереносимое условие получения (и демонстрации — развертывания знамени, соби́рание под это знамя банды рыцарей-бакалавров и оруженосцев) этого рыцарского ранга было связано с военными функциями знати, притом что в описываемую эпоху, по сравнению со средневековьем, шансов оказаться на поле боя (по возможности, на одном поле боя с государем-рыцарем) представлялось несравнимо меньше; и, как следствие, военная карьера уже не открывала столь много-

¹¹² Ibid. P. 451.

¹¹³ Ibid. P. 454.

¹¹⁴ *Guillim J. A Display of Heraldry. L., 1612. P. 256.* — Опечатка в тексте книги: должна быть указана с. 271.

¹¹⁵ Ibid. P. 270.

численных путей к обогащению, снисканию материальных или должностных милостей или иному карьерному росту; непривлекательность военной карьеры для молодых дворян раннеэпохальной эпохи отмечается всеми исследователями.

Но существует другой ракурс рассмотрения положения рыцарей-баннеретов. Как уже было сказано, пожалуй, никакое другое из достоинств не преподносится антиквариями во всем традиционном блеске военного рыцарского (в широком смысле слова) служения, возвращая читателей в атмосферу военных авантур и турниров.

Уильям Сегар, пожалуй, единственный из антиквариев, кто воспроизводит в своем трактате обширный кодекс рыцарской этики. Отдельные элементы его риторики рыцарственного поведения воспроизводятся в сильно сокращенной форме Миллзом и Картером; однако если последние распространяют предъявляемые требования на носителей всех знатных достоинств начиная с джентльменского, и помещают их в предварительный риторический раздел, посвященный понятию знатности, то для Сегара описываемые добродетели относятся к рыцарям по преимуществу.¹¹⁶

С точки зрения Сегара, рыцарем по духу обязан быть каждый представитель знати, независимо от его реальных титулов. Достоинства знатного человека делятся на «вторичные» (которые автор разделяет на воинские, гораздо более значимые для знати, и гражданские) и «основные». Первая из «основных» добродетелей — Справедливость, которая поддерживает порядок в обществе и «учит каждого довольствоваться тем, что ему принадлежит и воздавать другим то, что им причитается».¹¹⁷ Затем следует Умеренность, особенно необходимая мудрецам и правителям, поскольку «ни один человек не может правильно судить или управлять поведением других до тех пор, пока не научится повелевать самим собой».¹¹⁸ Твердость помогает дворянам защищать плоды справедливости и умеренности. Но и Справедливости, и Умеренности, и Твердости необходима помощь Благочестия, равного по силе действию всех трех добродетелей. Только обладатель «основных» добродетелей имеет шанс получить посвящение в рыцари, каковое состояние обязывает к исполнению более мелких требований.

Каждый рыцарь и джентльмен «хорошо сложен и обладает силой, достаточной для того, чтобы переносить тяготы войны».¹¹⁹ Он должен быть красивым — так как красота (*Nobilitas Naturalia*) отличает тех, кто изначально определен «Богом и Природой» повелевать и командовать. Естественно, что рыцарь не может обойтись без храбрости, осторожности

¹¹⁶ О рыцарском поведении и кодексе см.: Кин М. Рыцарство. М., 2000. С. 257–292.

¹¹⁷ Segar W. Of Honour, Military and Civil. L., 1603. P. 208.

¹¹⁸ Ibid. P. 208.

¹¹⁹ Ibid. P. 49.

и суровости; он умеет быть рассудительным, постоянным; он полностью предан своему государю и полностью повинуетсЯ ему. Кроме того, истинному рыцарю — что и отличает избранного от недостойного — всегда сопутствует удача, *«Fortune the Lady of Armes»*.¹²⁰

Кроме военных доблестей рыцарское поведение предполагает наличие благородных качеств, необходимых для повседневной мирной жизни, поскольку, как бы ни были почитаемы воинские достоинства, в настоящее время осталось совсем немного возможностей для их демонстрации. Поэтому знатному человеку рекомендуется быть добрым христианином, «бояться Бога и изо всех сил поддерживать и защищать христианскую веру»;¹²¹ быть верным и послушным подданным. Ему также следует: «ценить правду и беспристрастно защищать ее»; «проводить время в честных и достойных занятиях»; «действовать справедливо и защищать права обиженных»; «общаться с достойными людьми».¹²² Настоящий дворянин превосходно воспитан: он чурается бесчестных удовольствий, ведет себя скромно, не сплетничает о других и не хвалит себя, не пьянствует, не затевает беспорядков и драк, в компании умеет остроумно поддерживать беседу, не задевая самолюбия товарищей. Если же наступают трудные времена, рыцарь и джентльмен терпеливо переносит все неприятности.¹²³

Обширная глава посвящена Сегаром тому, в какие «авантюры» следует пускаться рыцарю: однако придя к выводу, что отправляться в крестовые походы или разезжать по стране, разыскивая угнетенных вдов, сирот и прекрасных дам для сегодняшних рыцарей весьма затруднительно, он ограничивается рекомендацией участвовать в придворных турнирах, а в качестве образца для подражания напоминает о рыцарственном поведении короля Генриха в турнире на Поле золотой парчи.

На самом деле Сегару удастся добиться удивительного эффекта при изложении этических правил рыцарства. После полного погружения читателя в подробности воинских триумфов при Александре и Цезаре, посвящений в рыцари при короле Артуре, наказания рыцарей за недостойные поступки в средневековой Англии он излагает этические установки, которые, помимо узнаваемых, но не всегда осуществимых «рыцарских» добродетелей включают актуальные и для современников требования христианского благочестия, и нормы элементарного этикета; Сегар называет свое рассуждение правилами поведения «каждого рыцаря и джентльмена». Здесь возможна двоякая трактовка: во-первых, именованное человека «рыцарем» приобретает более широкий смысл; именно рыцарское достоинство (а не какие-либо другие низшие или высшие ранги) сосредоточивает в себе

¹²⁰ Ibid. P. 49–50.

¹²¹ Ibid. P. 60.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid.

те качества, которые характеризуют знатного человека, *nobilis*. Во-вторых, расширяется и смысл понятия «джентльмен»: в данном случае это уже не просто страта внутри низшего дворянства, а обозначение воспитанного и достойно ведущего себя человека. То есть именование «рыцарь» используется для обозначения принадлежности человека к знати (его личную креацию, необходимую родословную и личное служение), а «джентльмен» характеризует его соответствие поведенческим требованиям. (Заметим, что к подобной трактовке слова «джентльмен» склоняется отчасти и Гвиллим.)

Таким образом, рассуждения о баннеретском достоинстве дают возможность, с одной стороны, теоретически обосновать единство рыцарства с титулованной знатью, с другой — подчеркивают трудность получения этого звания; кроме того, связанные с этим рангом восходящие к средневековой рыцарственным ценностям и формы репрезентации представляли собой необходимую традицию, которая могла бы сгладить противоречия между более и менее родовитыми представителями рыцарства.

Получение рыцарского достоинства служит моментом, объединяющим рыцарство со всеми вышестоящими титулами: в этом смысле вся титулованная знать также принадлежит к рыцарству королевства: «Получающие рыцарское достоинство принадлежат ко всем рангам. Сыновья короля, равно как и его подданные, восходят к знатым достоинствам через него».¹²⁴

Сущность рыцарского служения, объединяющего непосредственно рыцарство и титулованную знать, как нельзя выгоднее подчеркивает значимость понятия личных уз верности между подданным и монархом: «Это именование, которое использовалось для обозначения воина, или того, кто исполнял военное служение, стало обозначать также клиента, вассала, или того, чьим долгом было служить другому как своему господину и покровителю».¹²⁵

Баронеты

Особое положение в иерархии достоинств занимает баронетское достоинство, которое еще более явственно, чем достоинства рыцаря-бакалавра и рыцаря-баннерета иллюстрирует сближение рыцарства с высшей знатью.

Из рассмотренных источников об учрежденном Яковом I достоинстве баронета упоминают лишь Сэлден в «Титулах достоинства», Картер в «Возрожденной доблести» и Гвиллим в «Обозрении геральдики». Как уже неоднократно говорилось, заподозрить их в некомпетентности или

¹²⁴ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 457.*

¹²⁵ *Ibid. P. 458.*

неинформированности о деталях построения иерархии современного общества невозможно; однако по прочтении текстов — в частности, Сэлдена, Картера и Гвиллима — складывается впечатление, будто они и вправду теряются в деталях, отличающих баннеретов, баронетов и баронов. Само достоинство характеризуется как «особый разряд рыцарства», однако происхождение самого слова «баронет» указывает на связь с высшей знатью и трактуется как «*lesser baron*», низший ранг баронства. Гвиллим вообще смешивает два достоинства в уже цитированном выше пассаже, относя баннеретов и баронетов к высшей знати: «...те, которых мы называем *nobiles majores*, среди которых ранг баннерета или (как некоторые его называют) баронета низший».¹²⁶ Скорее всего, подобная иллюзия создавалась авторами намеренно. Примечательно, что Сэлден в вопросе о положении баронетов выглядит как никогда лаконичным; Картер, удостоив баронетов отдельной главы, подчеркивает «рыцарственный» характер этого достоинства. Из его характеристики можно сделать вывод, что учреждение баронетства — в некотором роде возвращение к традиционному рыцарскому служению в самом прямом милитантном смысле слова — баронеты призваны с оружием в руках защищать королевские владения от варваров-ирландцев. Для него баронетское достоинство примыкает, скорее, к рыцарству, а не к высшему дворянству.

Представляется, что нежелание чрезмерно акцентировать внимание читателей на положении баронетов можно объяснить и тем, что хотя привнесение в иерархию нового наследуемого достоинства и демонстрировало наилучшим образом креативную функцию королевской власти, в данном случае полностью проявившую себя в качестве творца и источника знатных достоинств, изменение многовековой традиции не лучшим образом сочеталось с идеями антиквариев. Особенно, как кажется, это задевало Сэлдена, полагавшего, что созидательная деятельность монарха в отношении дворянской иерархии должна согласовываться с установлениями обычаев и, в идеале, лишь корректировать и упорядочивать «законы королевства», но не произвольно творить новые. Можно даже предположить, что авторы, чьи сочинения были опубликованы или переиздавались в момент учреждения баронетского достоинства, рассматривали эту институцию как временную меру. Роберт Коттон называет учреждение новых должностей и достоинств среди главных способов пополнения государственной казны,¹²⁷ при этом никаких иных соображений, которые могли бы оправдать нововведение, Коттон не приводит. По легенде, именно ему приписывается мысль о создании нового ранга внутри знати: во всяком случае, он активно

¹²⁶ *Guillim J. A Display of Heraldry. L., 1612. P. 270.*

¹²⁷ *Cotton R. The Manner and Means how the Kings of England have supported and improved their States // Cottoni Posthuma... L., 1679.*

защищал эту идею, будучи приглашенным в качестве финансового эксперта в Тайный совет короля Якова.

Таким образом, иерархия получает дополнительную внутреннюю границу, разделяющую эсквайров и рыцарство. Баронеты, с точки зрения антиквариев, составляют искусственно сформированную промежуточную группу, замыкающую, в их понимании, границу низшей знати, и сближающую рыцарство, прежде всего рыцарей-баннеретов, с представителями титулованного дворянства.

ТИТУЛОВАННАЯ ЗНАТЬ

Завершает иерархию английского дворянства титулованная знать, *nobilitas major*, или пэрство, которое охватывает пять достоинств: титулы барона, виконта, графа, маркиза и, наконец, герцога.

Авторы антикварной школы неизменно отмечали, что титул — это явление, или состояние, характерное только для европейского дворянства, а организация и статус английской титулованной знати (впрочем, как и нетитулованной) должны служить образцом для других европейских государств. Бесспорно, обычно они изображают титулованную знать как корпорацию внутри корпорации, как особую группу в составе нобилитета. Основной характеристикой пэрства является ношение титула, который передается по наследству. Сам титул имеет безусловную ценность; но, кроме того, обладание им сопряжено с получением земельных владений и высоких должностей.

Если в предыдущем разделе, где были рассмотрены проблемы, ставившиеся антиквариями в связи с обладателями знатных достоинств низшего дворянства, дискуссия разворачивалась вокруг критериев определения знатности человека, вопросов верхней и нижней границы нетитулованной знати, возможностей преодоления этих границ, то при анализе положения знати высшей круг проблем существенно меняется.

В некотором отношении спектр возможностей, открывающихся при анализе истории *nobilitas major*, уже, чем для *nobilitas minor*; например, совершенно понятно, что критерии, по которым антикварии ориентируются при определении достойных кандидатов на снисkanie знатного достоинства или должность, распространяются и на титулованных, и на нетитулованных особ.

В этой связи любопытно отметить, что высшая знать, независимо от того, помещены ли посвященные пэрам главы антикварных трактатов до или после глав о дворянстве низшем, — это завершение, а не исходная точка построения иерархии знатного общества; этические и формальные принципы ее построения формируются и кристаллизуются на более низких ступенях (рыцари и джентльмены), и представляются обязывающими для

ступеней более высоких, а не наоборот (как если бы носителями «квинтэссенции» знатности были титулованные особы, а все остальные считались бы лишь подражателями, имитаторами).

С одной стороны, рассматривать достоинства высшей знати — в том виде, как позволяют антикварные концепции — гораздо проще с той точки зрения, что при их рассмотрении антикварию показывают себя гораздо более консервативными, чем могло показаться ранее. Здесь уже нет места дискуссии о том, кто имеет или не имеет права претендовать на титулы: все вопросы были уже разрешены в разделах, касавшихся рыцарства.

Титулованное дворянство выступает замкнутой, исключительной группой внутри знати; здесь все внутригрупповые перемещения совершаются согласно воле государя, который является одновременно творцом, управителем и частью *nobilitas major*. Когда антикварию говорят о короле как «источнике» («*fountain*») достоинств, имеется в виду «источение» преимущественно высших титулов, поскольку нельзя забывать о часто цитируемой максиме «не во власти короля создавать джентльменов». Момент промоции акцентируется здесь гораздо ярче, чем вопросы наследования титула или возможности и права на его сохранение в рамках одной фамилии. Титулы современной английской знати представляются очевидным детищем королевской власти, которая если и не «изобрела» те или иные достоинства, то в любом случае не переставала упорядочивать процесс распределения титулов и сопряженных с ними материальных и должностных благ, контролировать их наследование, регулировать привилегии и обязанности носителей знатных достоинств.

Кроме того, королевское достоинство само по себе особым образом принадлежит к иерархии *nobilitas major*, хотя, как будет сказано ниже, одновременно также и возвышается над иерархией пэрства. Формула «первый среди равных», хотя является далеко не главным и далеко не единственным определением положения короля, имеет полное право на существование в антикварных трактатах.

Создателями и распределителями титулов являлись монархи; причем каждый титул изначально был связан с отправлением установленных военных (герцог, маркиз, барон) или судебных (граф, виконт) полномочий, которые в современном обществе понимались шире — как властные полномочия, делегированные государем. То есть, с точки зрения современников, титулованная знать сознательно формировалась монархами как четко определенная стратифицированная группа, призванная быть опорой короля в деле управления страной. Король без знати, по словам Дж. Сэлдена, подобен «генералу без армии, звание которого велико, но ничем не подкреплено».¹²⁸

¹²⁸ Selden J. The Continuation of the Historical and Political discourse of the Laws and Government of England. L., 1689. P. 8.

Этим объясняется и другая особенность восприятия титулованной знати современниками: замкнутость этой группы регулируется решениями короля. Король дарует и распределяет титулы по своему усмотрению (предполагается, что его выбор, разумеется, справедлив и милости заслуживают достойные), для продвижения наверх необходимо снискать его милость. Поэтому титулованная знать представляется как группа, непосредственно связанная с монархом, выделенная им.

Итак, достоинства титулованной знати воспринимались как неоспоримая ценность, так как свидетельствовали о благосклонности короля, которая распространялась и на наследников титулоносителя. Они были связаны также и с получением обширных земельных владений, хотя данный вопрос в сочинениях антиквариев отступает на второй план по сравнению с темой наследования титулов.

Вопрос о внутригрупповом единстве и стратификации освещается антиквариями неоднозначно. Поскольку представление о титулованной знати как о единой корпорации принималось ими как общее место, уместно говорить лишь о том, что авторы по-разному расставляют смысловые акценты. С одной стороны, существует тенденция представлять титулованное дворянство как замкнутую и самодостаточную часть знати (такое мнение характерно, в частности, для Миллза и Сегара). Особо подчеркивается возможность и право передавать титул по наследству. Томас Миллз, например, утверждает, что возможность наследования титула является одной из трех характеристик подлинной знати (наряду с правом осуществлять военные и властные функции в государстве); первоначально наследованию подлежали титулы, а наследование земель установилось позднее. Титул служит индикатором близости к монарху, и чем выше достоинство дворянина, тем явственнее расположение государя не только к нему, но и к его наследникам. Наследование титулов и земель в рамках одного рода обеспечивает замкнутость группы; должности и власть распределяются монархом среди тех, чье достойное служение подтверждено временем. Соответственно, подчеркивается и существование иерархии пэрских достоинств; однако, как кажется, титул выступает как гарантия замкнутости высшего дворянства, он сам в достаточной мере служит объединяющим символом всех традиционных дворянских ценностей: и — прежде всего — милости государя, и родовитости, и земельных владений.

С другой стороны, для других авторов (Сэлден) между *nobilitas major* и *nobilitas minor* существуют не только отличия, но и некоторые сходные черты, и граница между ними выражена менее резко. Так, больший акцент делается на том, что королевская воля является решающей при распределении как высших, так и низших дворянских достоинств; король — источник всех достоинств. Пэрство обладает приоритетом, но не монополией на получение королевских милостей и должностей. Кроме того, подчерки-

важется важность личных качеств обладателя того или иного достоинства: они становятся не просто обязательной составляющей для поддержания престижа рода, а путем к личному выдвижению, например, при дворе.

С другой стороны, именно при рассмотрении высших знатных достоинств перед сосредоточенным мысленным взором антиквариев возникают особые проблемы: вопрос о континуитете англо-саксонских и нормандских достоинств, роль сеньориальных и должностных уз в формировании современного облика знати, определение миссии высшей знати в жизни монархии, экскурсы о правах и привилегиях знатных семейств.

Бароны

Можно с уверенностью сказать, что английское баронство — даже на фоне «образцовой» по сравнению с другими странами английской знатью — самая показательная группа, на примере которой ярче и отчетливее всего можно пронаблюдать все характерные особенности *nobilias major*. Согласно часто цитируемой антиквариями максиме, именно «из бароний состоит королевство»: ¹²⁹ принцип в высшей степени неоспоримый, настолько, что именно ему следовали государи при созидании новых королевств, в том числе королевства Иерусалимского, с гордостью отмечает Сэлден.

История баронского титула прослеживается ясно и четко вплоть до момента его появления в Британии. Разумеется, даже от антиквариев, поднаторевших в искусстве англизации самых разнообразных терминов и явлений, нельзя было бы ожидать, что они сумеют закрыть глаза на «не-островное» происхождения титула и его названия. Антиквариев вполне устраивает версия происхождения термина «*baro*» («муж», «*vir*») от греческого «*baros*» — «достойный, важный», что ничуть не противоречит англоцентричной логике, а если вспомнить версию о происхождении англичан от греков — потомков Александра, — то в чем-то и подкрепляет ее. Названную версию приводят Миллз, Селден и Картер. Миллз также приводит другую, не менее занимательную и на удивление концептуальную трактовку, так сказать «варварскую теорию»: после распада Римской империи завоеватели оставляли на покоренных просторах своих наместников: именовались они по-разному, то дуксами, то номархами, но власть их была равной, а чтобы оставшиеся в живых латиняне понимали происходившее, наместников стали обозначать *pares hominess*. Что неизбежно дало «*parhommes*» во французском произношении, латинизированных «*parhomini*», позднее «*p*» сменилось на «*b*», и вот результат — привычные слуху «*baroni*». Читатель, внимательно следящий за сюжетными перипетиями истории терминов, сумеет уловить и лежащую на поверхности идею:

¹²⁹ См., например: Selden J. Titles of Honor. 1672. P. 500 et passim.

баронство олицетворяет единство и равенство *nobilitas major* и являет собой основу пэрства.

Баронский титул имеет особое значение в глазах антиквариев не только потому, что нормандские бароны, с точки зрения антиквариев, открывают современную страницу истории. Этот титул является отправной точкой для приращения последующих, более высоких достоинств; причисление к пэрам королевства проводится именно по обладанию баронией первой руки.

Проблемы титулованной знати обсуждаются антиквариями именно в главах, посвященных баронам, ибо ни один другой титул не дает возможности продемонстрировать прямую связь между такими компонентами представлений о знатном человеке, как служение монарху и получение из его рук осязаемого вознаграждения в виде земельных пожалований. Именно в главах о баронстве антикварии ярче всего акцентируют «традиционность», необходимость, пусть и не первостепенность, землевладельческого компонента знатности. Владение и пожалования земель, как ясно следует из контекста трактатов, играют роль не индикатора «знатности» — славы и известности, успешности на службе или при дворе; обладание старыми барониями должно было приобщить носителя титулов к многовековой истории английской знати. Баронские титулы — это то, что возникло в момент начала современного, с точки зрения антиквариев, этапа развития британского общества; то, что скрепляет столетия теоретически неразрывной линией наследования, а значит, лояльности правящим монархам.

Способы описания истории баронского достоинства иллюстрируют характерное для антикварной школы стремление к разумному синтезу традиционных установок и современных приоритетов.

Казалось бы, не может быть истории проще: 1066 год, новоявленный король Вильгельм, являя достойную завоевателя щедрость к сподвижникам и милость к побежденным, делит благоприобретенные земли согласно своей монаршей справедливости и воле. Дж. Сэлден тщательно собирает и цитирует внушительное число документов, зафиксировавших факты пожалования британских земель нормандцам. По вполне справедливому заключению Сэлдена, новая для Англии социальная реальность прижилась немедленно, прочно и бесповоротно, несмотря на спорность существования прямых социальных «предшественников» баронства в англо-саксонской Британии.

Однако даже в этой полностью ясной, достойно подтвержденной авторитетными и разноплановыми источниками картина — мечта любого антиквария! — есть возможность разных подходов. Обратимся к двум наиболее тщательно разработанным из них, связанным с именами двух самых авторитетных историков антикварной школы — Дж. Сэлдена и Г. Спелмана. Цель каждого из них — реконструировать те детали, которые, по мнению этих антиквариев, наиболее важны для построения отношений монарха и его титулованных подданных.

В историографии существует обоснованное мнение, что первый из названных историков сумел создать умеренную концепцию преемственности социальных и политических реалий от античных государств до монархий раннего Нового времени; второй же настаивал на специфике современного британского государства и общества и отстаивал позицию дисконтинуитета. Однако в случае с появлением в Англии баронского титула эти различия не имеют принципиального значения.

Главный акцент, поставленный Генри Спелманом, — провозглашение и закрепление права наследования пожалованной государем земли и титула, с этим пожалованием связанного. Спелман утверждает, что начиная с нормандского завоевания и благодаря ему можно говорить об установлении «классических», упорядоченных (и, что важно, в принципе требующих документальной фиксации, что для антиквариев означает полноту бытия в истории) феодальных отношений.

«Феод, — пишет Спелман, — это право, которое вассал имеет в отношении земли или другого недвижимого имущества своего сеньора; это право пользоваться имуществом и получать с него доход — право наследственное; вассал обязан сеньору теми феодальными обязанностями, которые соответствуют пожалованию за военную службу. Право собственности на землю всегда остается за сеньором».¹³⁰ И далее он продолжает: «Я использую этот термин, феод, в значении *“jus utendi praedio alieno”*, право пользоваться землями другого человека, однако здесь имеется в виду отнюдь не право собственности...»¹³¹

Спелман признает, что формы феодальных отношений, воспринимаемых в таком широком смысле, как он указывает, неизбежно разнились в зависимости от региона и эпохи. Однако донормандская Англия не знала таких отношений. Точнее, в англо-саксонских государствах, с его точки зрения, не существовало права наследования пожалованных единожды феодалов. Собственно, доказательству «несовершенства англо-саксонского феодализма» и посвящена первая часть трактата «О феодах и рыцарских держаниях», который будет цитироваться ниже. Защищая, тем не менее, честь Британии — вопреки тому, что «англогенез» права наследовать держания Спелман доказывать не собирался — он оговаривает, что и для континентальной Европы названное явление было весьма новым. Он ясно пишет о том, что политика раздачи земель с возможностью передачи их наследникам при условии сохранения лояльности сеньору — лучший способ удержания контроля над королевством (заметим, что Спелман касается только королевских пожалований, но не субинфеодации). Он называет достойного предшественника герцога Вильгельма — Гуго Капета, впервые

¹³⁰ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures // The English Works of Sir Henry Spelman... L., 1723. P. 2.*

¹³¹ *Ibid. P. 2.*

осуществившего передачу права наследования пожалованных лично им владений своим сподвижникам.

«Это послужило непосредственным образцом для Вильгельма Нормандского, которого мы называем Завоевателем, подсказавшим, как удержать недавно завоеванное им Английское королевство».¹³²

В связи с вышесказанным Спелман добавляет к уже отмеченным им «признакам» истинно феодального держания еще один: держания являются наследственными независимо от того, каким способом они были приобретены.

Обычай наследования — который взводится Спелманом в ранг «фундаментальных законов королевства» — укореняется повсеместно и остается неизменным по сей день как «наиболее абсолютнейший закон, обеспечивающий существование монархии, сохраняющий ее единство, поддерживающий мир и предотвращающий разбой и мятежи».¹³³

Преемственность феодальных держаний важна для него и с точки зрения преемственности истории и права постнормандской и современной Британии. Спелман утверждает — несмотря на то, что в данном случае его теория не соответствует реалиям тюдоровской, и тем более стюартовской Англии, о чем, несомненно, ему было прекрасно известно, — линия наследования нормандских бароний не прерывалась, право на них «переходило через множество передач от сына к сыну, так что [имение] в конце концов оказывалось в абсолютном наследовании, а слова “феодальный” и “наследуемый” превратились в синонимы».¹³⁴ Спелман не слишком озабочен тем, чтобы оговорить условия наследования земель и титулов (замечание, что при наследовании у всех народов естественно соблюдается майорат, оставляется им в качестве аксиомы, настолько, как предполагается, естественной для читателя, что, за исключением нескольких библейских цитат, никаких дополнений автор не считает нужным добавить): гораздо больше его занимает возможность продемонстрировать полезность обычая передавать титулы по наследству.

Проанализировав точку зрения Спелмана, резонным кажется сделать следующие заключения.

Отказавшись от идеи не прекращавшейся преемственности британских социальных и государственных институтов, Спелман, тем не менее, показывает себя столь же основательным «традиционалистом», то есть, в данном случае, историком, возводящим традицию и обычай в ранг гарантов стабильности государства, как и другие антикварии, а в чем-то даже превосходит их. При всей несопоставимости квалификации и масштаба, к позиции Спелмана очень близок поэтический опус У. Слатаера «История Британии

¹³² Ibid. P. 15.

¹³³ Ibid. P. 6.

¹³⁴ Ibid.

с момента ее первого заселения...»,¹³⁵ описывающий череду завоеваний Альбионы. Новая эпоха, с точки зрения Спелмана, основательно меняет прежние устои, но пока живо «данное государство», то есть сохраняется преемственность власти монархов, пока поддерживаются обязательства, взятые на себя обоюдно монархом и его подданными, законы, традиции, ключевые ценности постоянны.

Поэтому *de facto* если и не неотторжимость, то, во всяком случае, отстаиваемая Спелманом привилегия наследования титула в рамках одного семейства представляется ему одной из ключевых ценностей *nobilitas*. Наиболее существенной «моральной», если воспользоваться терминологией самих антиквариев, составляющей жизни знатного человека, который не мыслится Спелманом вне многих поколений его рода, династии, наследующей земли и титул, оказывается поддержание династической лояльности. Условие сохранения титула, а значит, удержание и преумножение привилегий и богатств, а также подобающего роду места в дворянской иерархии, — это не личные связи с конкретным государем, не реализация, пусть даже удачная, личных амбиций, а поддержание традиции, верность однажды данному обещанию. Таким образом мы видим, что Спелман отстаивает ценность родовитости для всех ступеней высшей знати, из состава которой, нужно заметить, не изымается и сам король, поддерживающий обязательства своей династии, прекращение которой — то есть отсутствие того, кто принял бы от предков бремя верховной власти и собственности, — означало бы начало совершенно новой эпохи.

Как уже было сказано выше, Дж. Сэлден, рассматривающий нормандское вторжение как открытие современной страницы в истории Англии, тем не менее, склонен удревлять историю титулов, и искать в англо-саксонском прошлом если не прямо предшествовавшие барониям и другим держаниям реалии, то, несомненно, близкие социальные аналогии ныне существующим стратам иерархии *nobilitas*. Удревляет он, в отличие от Спелмана, и момент возникновения феодальных отношений, усматривая их существование в эпоху, значительно предшествующую нормандам (законы Этельстана). Можно заметить, что Сэлден не претендует на безошибочность своих суждений, однако лишь потому, что выявить истину не позволяет недостаточность и специфика источников, в которых путаница самых разнообразных латинских и англо-саксонских терминов мешает восстановить реально существовавшие отношения. Аналогией, пусть и не прямой, современным баронам оказываются саксонские тэны.

Слово тэн (*thegne*, *thane*, *thegen*) обозначает не более чем слугу, подвластного человека». ¹³⁶ Изначально, пишет Сэлден, «достоинство тэна —

¹³⁵ Slatyer W. The History of Britain from firs peopling. L., 1621.

¹³⁶ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 507.

точно так же как и графа — не было титулом достоинства, но названием службы. ... Но поскольку существует множество степеней службы, одни более высокие, другие — менее, так и в те времена некоторые служили королю на видных должностях, равно при дворе или в государстве: они назывались высшими, или королевскими тэнами; те же, что служили сходным образом при герцогах, графах и остальных государственных чиновниках, а также при аббатах, епископах и прелатах Церкви, назывались меньшими тэнами. <...> И хотя в большинстве случаев оно и означало именно слугу или подвластного, все же те, кто являлся королевскими держателями первой руки, получившими владения лично, были, как мне думается, тэнами-обладателями знатного достоинства, и составляли часть высшей знати. То есть все они были тэнами — феодальными держателями короля, а их земли назывались тэнствами (*thainland, thaneland*), как позднее держания, делавшие их обладателя бароном, назывались барониями». ¹³⁷ Фактически, речь здесь идет о том, насколько престижное (при особе монарха) место службы тэна повышает стабильность и престиж его позиции в обществе, открывает возможность повысить свой статус до вхождения в состав высшей знати.

«Сам титул [барона] после прихода нормандцев занял место, на котором прежде стоял королевский ближний тэн у саксов; тем не менее, в начале существования нормандского государства титул тэна сохранялся». ¹³⁸ Нужно отметить, что, как и Спелман, Сэлден отмечает отсутствие систематического обычая передавать тэнства наследникам; однако у Сэлдена это замечание проскальзывает лишь мимоходом.

По сравнению с англо-саксонской Британией, с ее спонтанно сформировавшимися обычаями управления, новой монархии было важно не просто остаться у власти, то есть, по выражению Спелмана, не допустить разбоев, восстаний и грабежей, но и активно заняться созиданием новой, собственной властной структуры. Поэтому Сэлден и акцентирует следующие моменты в формировании баронского титула (а таковое он подразделяет на три этапа, начиная с Вильгельма завоевателя до правления Иоанна Безземельного; от Иоанна до Ричарда II; и с Ричарда II до современной ему Англии): во-первых, пожалование бароний открывает историю английского пэрства, закладывает модель отношений монарха и его знатных подданных, во-вторых, постулирует обязанность знати разделять с монархом бремя участия в управлении страной.

В команде авантюристов-нормандцев, как справедливо сообщает и без того осведомленному читателю Сэлден, были лишь один предводитель и равные перед его лицом сподвижники; изначальное равенство новоявленных баронов перед лицом новоявленного короля сохранилось и по

¹³⁷ Ibid. P. 507.

¹³⁸ Ibid. P. 569.

окончании завоевания. Речь в данном случае идет не о равенстве имущества, размера вознаграждения или почестей. Это равенство зависимости от подателя милостей, причем для Сэлдена очень важно то, что монарха с *его* знатью связывают прежде всего личные отношения, личные узы; само обязательство участвовать в военных предприятиях или в управленческих делах короля, не говоря уже о праве наследовать баронию, не накладывается на потомков автоматически, при смене поколений, а нуждается в личном возобновлении обеими сторонами. Сэлден пишет о том, что после Вильгельма короли правили, «держа [знать] в зависимости, основанной на их личной службе». ¹³⁹

«*Baroniae capitales*, или просто баронии — так называли земельные владения, принадлежавшие равно графам или баронам. Все... бароны в то время являлись таковыми только благодаря своим держаниям; и становились баронами только по милости короля и хартии о пожаловании имущества. А повинность службы в королевском войске не определялась постоянным числом выставляемых рыцарей, а зависела от воли короля или от заключенного с ним контракта». ¹⁴⁰ Сэлден замечает, что в первый период истории баронства, то есть вплоть до царствования короля Иоанна, состав баронства был стабильным, владения передавались в рамках одного и того же рода, а проблемы с наличием наследников и средств для исполнения обязательств перед монархом благополучно разрешались. «Повинность баронов состояла в предоставлении лошадей, оружия и тому подобного. Однако в то время как повинность графов была переведена в денежный эквивалент, обязательства баронов не сводились к четко определенной сумме вплоть до Великой хартии». ¹⁴¹ Говоря об отсутствии «нормативов» в отношениях между баронством и монархом Сэлден, вероятно, напоминает и о том, насколько выгодным в чисто материальном плане может оказаться личное хорошее отношение государя к своим приближенным. Дальнейшее зависит только от умения побуждать монарха к правильным действиям в отношении собственной персоны.

«Бароны, — резюмирует Сэлден в “Титулах достоинства”, — получившие титул таким способом, становились держателями от короля *in capite*». ¹⁴² А в более позднем «Кратком рассуждении о пэрах...» формулирует вышеприведенный тезис еще интереснее: бароны были «непосредственными фригольдерами (*freeholders*) короля, ибо в те времена титул барона ничего более не значил». ¹⁴³

¹³⁹ Selden J. An Historical and Political Discourse... L., 1689. P. 90.

¹⁴⁰ Selden J. Titles of Honor, 1672. P. 572.

¹⁴¹ Ibid. P. 575.

¹⁴² Ibid. P. 574.

¹⁴³ Selden J. A Briefe Discourse concerning the Power of the Peeres and Comons of Parliament, in Point of Judicature. L., 1640. P. 1.

Пожалуй, едва ли не единственный раз в разделе, толкующем положение высшей знати, невзначай вспоминается о знати низшей, в частности, о рыцарстве. Сэлден пишет, что рыцари, жившие за землях баронии и получившие это право по субинфеодации, знатыми персонами не считались, а довольствовались статусом чуть ли не обычных солдат; в то время как те немногие, кому посчастливилось получить рыцарское держание *in capite*, те, кто привлек монаршее внимание несмотря на относительную бедность и неизвестность, на законных основаниях могли считать себя знатыми персонами. Предполагается, вероятно, что этих выдающихся рыцарей следует отождествить с рыцарями-баннеретами, которых антикварии настойчиво стараются как можно крепче связать с *nobilitas major*.

Несмотря на упомянутую выше оговорку, для Сэлдена постнормандская знать — это преимущественно бароны; исключения в виде более высоких (графы) или более низких (рыцари) знатных достоинств не меняют картины простой двухступенчатой иерархии.

Дальнейшая история английского баронства дает Сэлдену повод показать, что даже при неизбежной динамике состава группы, для знати существует неизменное служение — участвовать в управлении государством. Воинственный образ барона-завоевателя достаточно легко на страницах сэлденовского сочинения уступает место барону-советнику, мудрому и цивилизованному.

«Начиная со времени короля Вильгельма, а также и при нем самом, титул барона использовался очень часто. Но, как нередко происходит с названиями титулов, баронское достоинство могло приобретать несколько значений. Зачастую, с самого начала употребления, так именовались все лорды парламента» (Следует помнить, что для антиквариев, хорошо умевших видеть прообразы современности в чем бы то ни было, термин «парламент» употребляли для обозначения любой совещательной или судебной ассамблеи государственного масштаба.) Далее автор разъясняет, что имеет в виду Вильгельмов *Consilium Baronum suorum*, собравший держателей первой руки, духовных и светских, дабы они участвовали в обсуждении новых законов королевства. Служение «советом» видится Сэлдену на страницах «Титулов достоинства» важной привилегией знати; позднее он будет рассматривать совещательный голос знати как ее неотъемлемое право.

В идеале, с точки зрения Сэлдена, право быть призванными в парламенты должны иметь все держатели первой руки, независимо от размера их земель и суммы получаемых доходов. Злоупотребления, происходившие с распределением титулов в средневековье, были связаны с тем, что король принимал как должное разделения, неизбежно возникавшие в знатной среде: при короле Иоанне, пишет он, в полной мере стало очевидным присутствие более и менее состоятельных баронов, естественно, что при созывах парламентов и королевских советов корона оказывала предпочте-

ние более состоятельным, пренебрегая потомками столь же достойных, но обедневших семейств. Вносят раскол также пожалования выморочных земель новым фаворитам монарха; причем те, кто сохранил титул и землю с нормандских времен, претендовали на особые привилегии по сравнению с «новой» знатью. Порочной практикой Сэлден полагает также вызов в парламенты тех, для кого королевская милость пока опредмечивается не через пожалование держаний, дающих их обладателю пэрский статус, а каким-то иным образом. Несомненно, Сэлден, как показывают все его сочинения, достаточно оптимистично воспринимает возможность выдвижения и карьеры для «новых» людей; тем не менее, эти «новые», вкупе с необходимыми личными талантами, должны удовлетворять традиционным требованиям (благородство/родовитость), а обретенный ими в случае удачи новый высокий статус должен реализовываться в максимально традиционных формах. Как уже было сказано выше, ношение пэрского достоинства олицетворяет включение человека в историю британской знати с самого момента ее зарождения.

Итак, наиболее значимыми в концепции Сэлдена характеристиками баронии является то, что, во-первых, она является держанием первой руки и воплощенным свидетельством личной благосклонности короля; во-вторых, она становится основой, на которой и по модели которой сформировался современный комплекс отношений монарха и знати. Несмотря на то, что с нормандских времен иерархия высшей и низшей знати в Англии несколько усложнилась, «идеальной» моделью Сэлден видит упрощенную двухступенчатую иерархию, в которой присутствует монарх — творец и деятель, и его непосредственные сподвижники и приближенные. Именно намерение автора провести параллель между современной знатью и нормандскими баронами должно подводить восприимчивого читателя к пониманию единства высшей знати. Это единство, выражаясь языком антиквариев, «имеет два основания».

Высшая знать едина, поскольку имеет единый источник. Не существует иного пути к получению осязаемых материальных и статусных социальных ценностей, кроме как через получение их из рук короля. Это служит еще и фактором, замыкающим границу *nobilitas major*, делающим эту группу замкнутой внутри себя. К слову, рассуждая о титулах высшей знати, Сэлден уже не поднимает тему родовитости или благородства: наличие родословной разумеется само собой, а факт одаривания честью получить или унаследовать достоинство говорит о наличии выдающихся благородных качеств.

Король среди своей знати — первый среди равных. Насколько же ценным видится антиквариям достоинство этих «почти равных» государю владетелей! Вполне логично, что именно обязательства баронов дольше всего не находили выражения в денежном эквиваленте: во фрагменте,

реконструирующем краткую историю баронства, красной нитью проходит тема их участия в совете королевства, в судебных разбирательствах, в обсуждении новых «фундаментальных законов королевства». Знать, олицетворяемая в данном случае баронами, призвана разделить со своим творцом бремя власти.

Виконты

Следующий в знатной иерархии за баронским титул виконта не вызывает у антиквариев никаких принципиальных сомнений. Это достоинство, получаемое исключительно по королевскому патенту, имеет безусловно должностное происхождение, очевидное уже из самого названия: должность помощника или «наместника» графа, изначально не сообщавшая носителю благородного статуса, перерождается в титул.

Графы

История графского (а также герцогского, о котором пойдет речь далее) титула дает антиквариям возможность раскрыть такие актуальные для раннестюартовской эпохи аспекты функционирования знатного общества, как взаимосвязь между пожалованиями титулов и должностей, социальная значимость занимаемой должности и фактора родovitости.

Реконструкция истории и современности графского титула имеет два возможных пути. Первый из них имеет общеевропейскую перспективу, второй — исключительно английскую ориентацию.

«Изначально, — пишет Сэдден, — достоинства герцога и графа могли быть владельческими или чиновными».¹⁴⁴

(Отметим также, что графский титул — практически единственный, если не считать джентльменского достоинства, титул, происхождение которого не носит милитантного оттенка).

В контексте общеевропейской истории графского титула антикварии справедливо рассматривают раннесредневековых графов как исключительно должностных лиц, чиновников, советников, уполномоченных короля, исполнявших преимущественно судебные функции и лишь со временем превратившихся в феодальных владетелей. Причем в изображении тех антиквариев, что проявили к читателю достаточно уважения, чтобы продемонстрировать европейские реалии начиная со времен падения Римской империи, функции и привилегии носителей графского достоинства отличаются завидным единообразием почти во всех европейских странах, и если говорить о специфике изменений, то она передается в данном случае как динамика временных, а не региональных изменений.

¹⁴⁴ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 240.*

Как всегда обстоятельный Сэдден считает необходимым показать, что придворные, называвшиеся «*comites*» (хотя автор и не считает их даже отдаленными «прародителями» графов современных), существовали и в классическом Риме (напомним, именно античная история служила антиквариями важным источником, откуда можно было беспрепятственно черпать примеры, помогавшие иллюстрировать многие аспекты современного состояния отношений монарха и подданных).

«Императоры исстари имели обыкновение иметь при себе, кроме высших государственных чиновников, избранных придворных, известных под именем “*comites*”, “*comitis*” или “*amici*”. Они сопровождали и ожидали императора в его Советах и в его делах, и подразделялись на несколько степеней достоинства... Но из всех рангов графов (*counts*) избранных называли “*comites ordinis primi intra Consistorium*”, поскольку они являлись ближайшими государственными советниками (вообще, все они были советниками). Следовательно, “*comes consistorianus*” — это граф первого ранга, и в то время член Тайного совета».¹⁴⁵

Из сказанного следует, что Сэдден представляет графов своеобразными придворными античной эпохи, между которыми распределяется набор придворных же должностей, связанных со служением государю советом. Они не являлись собственно чиновниками, но очевидно причастны к делам управления. Из контекста, однако, ясно, что приближенные и советники уже выбирались из числа «лучших» и «знатных». Тем не менее, престиж определялся именно соответственно определенному государем рангу советника.

Миллз рассуждает сходным образом, с той лишь разницей, что у него более отчетливо выражена связь графского служения с определенной территорией.

«Титулы графа и консула, — пишет Миллз, — означали одно и то же, однако слово граф (*comes*) происходит от слова графство (*Comitas, Shire, Countie*); слово консул, или “советник” — означает “дающий совет”».¹⁴⁶

Средневековые источники позволяют антиквариям выстроить подробную реконструкцию эволюции служилого достоинства в феодальный титул. Эта эволюция видится им достаточно простой в странах континентальной Европы, и, разумеется, совершенно специфичной в условиях Британии.

Так, Спелман рассуждает: «Луазо и Пакье, ученые французы, говоря о герцогах и графах во Франции, в основном подтверждают сказанное мной; они показывают, что герцоги и графы в Римской империи (от этого начала ведут историю названные достоинства в остальных странах)

¹⁴⁵ Ibid. P. 241.

¹⁴⁶ *Milles Th. Nobilitas politica vel civilis. L., 1608. P. 25.*

представляли собой нечто вроде проконсулов и президентов провинций, обычных чиновников, которые в своем распоряжении имели только лишь определенные права и налоги, собираемые с народа.

Они пишут также, что герцоги и графы во Франции представляли собой точно такие же должности, однако также являлись сеньорами над вверенной им территорией, таким образом они были одновременно и вассалами и должностными лицами, то есть должностными лицами через вверенную им юрисдикцию, и вассалами (мы назвали бы их феодальными держателями) по их сеньории над графствами и герцогствами. Однако они... тем не менее держали свой фьеф на срок жизни, не имея возможность передавать его по наследству или наследовать».¹⁴⁷

Далее Спелман сравнивает континентальный и британский пути превращения должностей в наследуемые титулы: во Франции толчком к приобретению знатно прав на наследование становится ослабление королевской власти при последних Каролингах; в результате Гуго Капет лишь закрепил *status quo*, позволив владетельным семействам и далее наследовать те земли, которые оставались в их руках на протяжении долгого периода безвластия. «Принял за них оммаж как за наследственные фьефы»¹⁴⁸.

На первый взгляд, в Британии история графского титула, изложенная антиквариями, развивается по сходной модели. По словам Спелмана, «именование “граф” в значении *comes* первоначально не было одним из достоинств, как то обстоит дело сейчас, а только лишь означало должность и юрисдикцию в городе или определенном регионе страны, совпадавшем с границами диоцеза; поэтому епископ и граф в те времена вершили один суд, и слушали вместе дела Церкви и государства, как сейчас делается в парламенте».¹⁴⁹

Спелман также указывает на то, что и у англосаксов изначально графские достоинства были связаны именно с несением службы, а не с принадлежностью к определенному роду и не с земельными владениями. «Таким образом я заключаю, — пишет он, — что герцогства и графства у саксов также сначала не были ни наследственными, ни феодальными как либо иначе, кроме как на срок жизни».¹⁵⁰

С точки зрения Спелмана, в истории английской знати не могло возникнуть той ситуации безвластия, благодаря которой графская должность приобрела статус наследуемого титула во Франции. Хотя «со временем полномочия графа возросли, и он стал управлять главным городом и замком на своей территории, и удерживать вдобавок третью часть королевского

¹⁴⁷ *Spelman H.* The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures // The English Works of Sir Henry Spelman... L., 1723. P. 14.

¹⁴⁸ *Ibid.* P. 14.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 13.

¹⁵⁰ *Ibid.* P. 14.

налога, получаемого в судах (штрафов, конфискованного и выморочного имущества и т. д.)... Тем не менее, все это передавалось ему не иначе как по соизволению короля при условии доброго поведения и в большинстве случаев на срок жизни».¹⁵¹

Томас Миллз предпочитает процитировать англо-саксонский текст, где король Альфред напоминает, что графы занимают свою должность «не по праву наследования, но по милости Божией и его самого».¹⁵²

В связи с англо-саксонским графским титулом антикварию обсуждают еще одну деталь: одна и та же персона могла осуществлять полномочия графа и считаться знатной благодаря занимаемой должности, которая, помимо существенного дохода и престижа не приобщала носителя к «традиционной», с точки зрения антиквариев, ценности — наследуемому земельному владению; и в то же время — приобщаться к этой ценности, будучи одновременно обладателем социально менее престижного, однако более «традиционного» тэнского «титула», связанного для антиквариев с обладанием наследуемыми землями. «И все же я признаю, что герцоги и графы во времена англосаксов могли иметь и имели другие земли, которые могли наследовать и передавать по наследству, а именно их тэнства (*thainlands*)».¹⁵³

Кроме того, антикварию прослеживают в англо-саксонском прошлом страны еще одну важную для понимания современного состояния графского титула реалию. Безусловно притягательным с точки зрения возможности этимологических построений является проведение параллели между «*earles*» (каковой термин используется антиквариями преимущественно для именования графов пост-нормандской эпохи) и «*eorles*», а также «*ealdormen*». Эти последние, притом что им также приписывается исполнение судебных обязанностей, характеризуются как могущественные родовитые представители местной знати, нередко связанные с родом короля родственными узами. Доступ к власти они получают не столько по милости и свободному решению и предпочтению короля, сколько в удовлетворение вполне естественной претензии на получение части властных полномочий. Так, ссылаясь на Беду, Сэлден отмечает, что термин «*comes*» указывал на обладателя должности, а «*ealdorman*» — на человека «более высокого ранга».¹⁵⁴ Именно элдормены воспринимаются им как наиболее вероятные кандидатуры на роль советников англо-саксонских королей (например, в таких судьбоносных решениях, как выбор, сделанный в пользу христианской религии королями Нортумбрии и Уэссекса, где решающую

¹⁵¹ Ibid. P. 13.

¹⁵² Milles Th. Nobilitas politica vel civilis. L., 1608. P. 13.

¹⁵³ Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures // The English Works of Sir Henry Spelman... L., 1723. P. 14.

¹⁵⁴ Selden J. Titles of Honor L., 1631. P. 607.

роль сыграли именно они).¹⁵⁵ Кроме того, решающая роль отводилась графам в судебных разбирательствах, затрагивающих судьбу монархии, конкретно — в делах о государственной измене.

В нормандском государстве графский титул, как и все прочие, обретает современную форму своего существования: проводится различие между титулами, четко связанными с определенными территориями (*Earls local*) и титулами персональными (*Earls personal*, причем Сэлден упоминает только одну должность, необходимо связанную с титулом: это граф-маршал). Титул даровался преимущественно королевской хартией.

Как представляется, антикварию не считали необходимым ни четко систематизировать описанные ими запутанные социальные явления англо-саксонского периода, ни показать какую-либо четкую преемственность между реалиями прошлого и современности. Важно было донести несколько важных моментов.

Если при описании низшего среди *nobilitas nominata* баронского титула главный акцент с очевидностью делается на приобщении баронства первой традиционной ценности, дающей полноправное вхождение в состав титулованной знати, — землям, получаемым из рук короля с правом передавать их по наследству, — то в случае с графами акцент уже иной. Графский титул, каким он предстает на страницах антикварных трактатов, позволяет создать внушающий благоговейное уважение образ вельможи, во-первых, достаточно родовитого, чтобы унаследовать право на *nobilitas nominata* и оказаться в числе тех, на кого может пасть выбор государя, ищущего достойных кандидатов на должности, связанные, как демонстрируют антикварию, с участием в королевских Советах, исполнением поручений при персоне и дворе монарха (*comes palatii, comes thesaurorum*), а также традиционно с судебными полномочиями. Во-вторых, постановка вопроса об аноблировании по придворной должности, причем не на уровне формального причисления к *nobilitas innominata*, которое было связано с принадлежностью к профессиям врача, юриста или с саном священника, а на несравнимо более высоком уровне промоции внутри *nobilitas nominata*, демонстрирует высокий престиж и выгоду занятия придворных должностей. Значение некоторых придворных должностей, пусть даже они формально связаны с ведением придворного хозяйства, столь велико, что нежелательно, чтобы человек, ее занявший, носил сравнительно низкое знатное достоинство. В-третьих, пространные рассуждения о том, что, с одной стороны, родовитость и наследственный титул предполагают присутствие в человеке некоторых благородных личностных качеств *a priori*, с другой — об их действительном присутствии (о чем говорит сделанный монархом выбор), добавляют к образу придворного-магната черты истинного *vir bonus*.

¹⁵⁵ Ibid. P. 632.

Герцоги

Герцогский титул завершает иерархию титулов высшей знати, уступая лишь титулам короля и принца Уэльского.

Титул с определенной точки зрения исключительный, ибо в отличие от всех нижестоящих достоинств герцог может фигурировать как и как суверенный правитель, обладающий абсолютной, то есть ни от какого иного авторитета не зависящей, властью, и как вассал короля или императора. «Титул герцога, — отмечает Сэлден, — всегда имел два способа существования. Один из них — абсолютная супрематия»,¹⁵⁶ и в таком случае титул герцога ничем не отличается от титула короля.

Разумеется, антиквариюв интересуется титул герцога как «*subordinate title*». В отличие от графского, титул герцога имеет исключительно милитарные традиции формирования, которые единодушно принимаются антиквариями как данность.

Обращение к античной истории дает ясную картину: «герцог... изначально был предводителем имперской или королевской армии. Его именовали “*dux*” от слова “*ducendo*”, ибо по причине своей силы и величия он считался достойным осуществлять командование. Выбирали его на поле боя, либо по жребию, либо по всеобщему согласию».¹⁵⁷ Именование военачальников «дуксами» было доброй и общепринятой имперской традицией, которая и спустя столетия не вызвала у лондонских историков желания создавать какую-либо более оригинальную интерпретацию происходившего в Риме.

Тем более что варварские времена не привнесли ничего нового в миссию и служение герцогов: «в немирные времена завоеваний и переселений народов, герцогские достоинства имели наивысшую силу».¹⁵⁸ Правда, в Британии — во всяком случае, как свидетельствуют подобранные антиквариями источники, — существовало некоторое смешение достоинств, что, как кажется, должно было восприниматься читателями как свидетельство близости достоинств высшей знати:

«Сохранилось множество свидетельств тому в древнейших записях: даже в Гептархии при англо-саксонских королях эти знатные мужи, которые были правителями графств Честер, Лейстер и Линкольн, как сказано, равно назывались герцогами (*Dukes*) или графами (*Counties*) Мерсии. У данов тоже существовали герцоги (*Heretoches*). А во время царствования Эдуарда Исповедника все еще обнаруживаются этелинги, клитоны, патриции, консулы, эрлы, палатины, герцоги, сенаторы, тэны, теотэны, министры и князья. И все же наблюдалось огромное непостоянство подобных титу-

¹⁵⁶ Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 240.

¹⁵⁷ Segar W. Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 219.

¹⁵⁸ Ibid. P. 219.

лов и именовании. Поэтому тех, о которых в одном месте читаем, что они названы графами, в другом месте можно найти, что в то же самое время они названы герцогами».¹⁵⁹

Важным моментом, выделявшим «герцогов» и их англо-саксонский аналог «*etheling*» на фоне многообразия знатных именовании, является их связь с родом короля, причем степень родства могла быть, по мнению антиквариев, от исключительно близкой (наследник, другие дети) до достаточно размытой.

Тем не менее все единодушно признают, что «с того дня, как установилась власть королей и князей, это достоинство стало тем единственным, каковое может быть даровано только императорами, королями и князьями людям, принадлежащим к великим семействам, к тому же обладающим исключительными достоинствами».¹⁶⁰

И хотя обладатели герцогского титула в стюартовскую эпоху имели неоспоримое преимущество и в порядке следования достоинств, нельзя говорить о том, что антикварии как-либо акцентируют существование водоразделов между положением герцогов и графов, графов и баронов; наоборот, исторические экскурсы дают возможность подчеркнуть различные пути формирования, изначально различавшиеся «функции» носителей чинов, трансформировавшихся позднее в титулы, и при этом подчеркнуть единство корпорации *nobilitas nominata*, прежде всего через единые критерии «титолованной» знатности.

Еще одной иллюстрацией к вопросу об иерархии внутри пэрства и о приоритетах, влияющих на эту иерархию, могут служить приводимые антиквариями порядки следования достоинств. Как уже было сказано выше, иерархия основных дворянских званий служит стержнем трактатов, посвященных знати; однако требовалось определить место не только главы семейства — носителя наиболее высокого титула, но и указать статус его наследников по отношению к обладателям иных достоинств. Сравним два порядка следования, приведенных в трактатах Т. Миллза и М. Картера.¹⁶¹ Миллз ограничивается перечислением исключительно достоинств; Картер же учитывает и влияние высших государственных должностей на положение дворянина. Он перечисляет четыре должности,¹⁶² обладатели которых имеют безусловный приоритет независимо от своих титулов, и шесть¹⁶³ —

¹⁵⁹ *Milles Th. A Catalogue of Honor... L., 1610. P. 25.*

¹⁶⁰ *Segar W. Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 219.*

¹⁶¹ *Milles Th. Nobilitas Politica vel Civilis. London, 1608; Carter M. Honor Redivius. P. 139–141.*

¹⁶² А именно: лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-президент Тайного совета, лорд-хранитель Малой государственной печати.

¹⁶³ Лорд-чемберлен Англии, лорд-констебль, лорд-маршал, лорд-адмирал, лорд-стюард королевской палаты, лорд-чемберлен королевской палаты.

которые позволяют считаться первым в группе обладателей равного достоинства. Перечисленные должности — высшие административные, военные, придворные посты — объединяет непосредственная близость к персоне государя; Картер далее пишет, что «всем, кто служит при монархе, следует оказывать предпочтение среди носителей одного с ними достоинства»;¹⁶⁴ остальных же следует размещать с учетом того, как давно был учрежден их титул.

* * *

Создается впечатление, что во всех рассуждениях об обществе антиквари, с одной стороны, стремятся следовать традиционным представлениям, а с другой — дополнять и корректировать их в соответствии с новейшими изменениями в жизни социума. Итак, общество — и дворянство, на котором сосредоточено внимание авторов антикварного направления — это общество, иерархизированное в соответствии с дворянскими достоинствами и титулами, это общество достоинств. С точки зрения современников, именно различные дворянские титулы становились основными разграничителями единого пространства дворянского социума. Но такая иерархия, восходившая к средневековым традициям, была не единственной в сознании современников: параллельно с ней, как свидетельствуют рассмотренные нами трактаты, существовали иные факторы, влиявшие на место человека в среде знати: так, подразумевается существование иерархии придворных и административных должностей, обеспечивавших доступ к власти, иерархия, основанная на близости к персоне монарха и т. п.

Присутствие таких иерархий, дополняющих традицию, иллюстрирует появление новых, актуальных для знати приоритетов, иных возможностей для изменения социального статуса, возникающих в Англии XVI столетия. Однако при этом иерархия достоинств остается основной, прочие ее лишь дополняют.

Внутренние границы дворянского сообщества, которые обозначают ступени иерархии достоинств, вероятно, правильнее всего воспринимать не как линии, дробящие единую корпорацию знати, а как средство стабилизации общества и регулирования изменений. В том, что может быть воспринято как стремление антиквариив обосновать замыкание границ между группами обладателей различных достоинств, как кажется, следует видеть их желание упорядочить и привести в соответствие с традицией происходившие в современном им обществе изменения. В глазах современников, по всей видимости, существование и значимость внутригрупповых границ была доказательством преемственности традиций знати.

Сохранение преемственности было важным и в представлениях о дворянской знатности. В антикварных трактатах, создававшихся на рубеже

¹⁶⁴ *Carter M. Honor Redivius. L., 1673. P. 140.*

XVI–XVII столетий, это понятие включало в себя те же составляющие, которые оформились еще в Средние века: титул и связанные с ним сеньориальные права, родовитость, военное или гражданское служение королю, личные качества — рыцарские добродетели, воспитание, образованность. По-видимому, в сочинениях антиквариев проявляется тот факт, что для различных групп внутри дворянства варьируется значимость составляющих «знатности» (при этом что приоритет достоинств и титулов неоспорим для знати в целом). То качество, важность которого для представителей той или иной группы особо подчеркивается, становится не только дополнительным подтверждением права дворянина считать себя членом этой страты и сохранять свое положение, но одновременно может открыть возможности для выдвижения. Так, для низшего слоя дворянства (джентльмены) право на продвижение по карьерной лестнице и, в перспективе, на получение более высокого достоинства дает, по мнению современников, родовитость. Для рыцарства акцентируются родовитость (что подчеркивает принадлежность рыцарства к низшему дворянству) и, одновременно, зависимость возведения в это достоинство от воли государя (что подчеркивает связь с пэрством). Для пэров же, которые уже обладают родовитостью, титулом и землями, возможность выдвинуться на более высокую ступень связывается с придворными и административными должностями, дающими доступ к власти.

Что же касается «внегрупповых» требований, предъявляемых к личным качествами дворян, то здесь следует отметить сохранение традиционной риторики рыцарских добродетелей, в которой рыцарство и пэры отделяются от низшего слоя дворянства, однако реальную значимость имеет акцент на воспитании и образованности (которые могут влиять на продвижение по карьерной или придворной лестнице и, следовательно, по иерархии достоинств).

Глава IV

ПРАВО В АНТИКВАРНОМ ДИСКУРСЕ

Для лондонских антиквариев, как и для других интеллектуалов конца XVI — начала XVII столетий, идея права занимала ключевое место в процессе осмысления социальных и государственных реалий прошлого и современности. Английское общее право представало в их глазах основой, стержнем развития английской истории. Представления антиквариев об эволюции права становились отправной точкой для более пристального рассмотрения форм государственности и общества, присущих сменявшим друг друга эпохам.

В историографии — в частности, в работах Д. Покока, Дж. Соммервилла и особенно С. В. Кондратьева, — освещаются именно правовые аспекты антикварного наследия. С. В. Кондратьеву удалось сформулировать идеи, важные для понимания того места, которое занимало общее право в политических воззрениях англичан (исключительная роль права в формировании национального самосознания англичан, использование представлений о «древней конституции» в разрешении спорных моментов политической жизни). Однако внимание автора приковано в основном к воззрениям Г. Финча и Э. Кока, которые антиквариями не являлись; в меньшем объеме рассмотрены идеи Дж. Сэлдена. Кроме того, в силу исключительно правовой перспективы исследований С. В. Кондратьева за рамками его анализа остаются важные социокультурные аспекты правовых воззрений современников.¹⁶⁵

В характерной для рубежа XVI–XVII вв. интеллектуальной ситуации, когда сфера политического и активно формировавшаяся и обособлявшаяся сфера социального¹⁶⁶ не достигли окончательного размежевания, именно рассмотрение явлений в правовом ракурсе давало возможность улавли-

¹⁶⁵ Кондратьев С. В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. — Круг цитируемых авторов-юристов был расширен в монографии: Кондратьев С. В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

¹⁶⁶ Согомонов А., Уваров П. Открытие социального: парадокс XVI века // Одиссей. 2001. С. 199–216.

вать в логике развития государства и общества многовариантные подобию и параллели. Кроме того, именно правовые практики и концепции давали антиквариям те методы работы с фактологическим материалом, которые были одинаково действенными и при исследовании развития государственных институтов, и при анализе истории и современности социальных явлений.

Таким образом, благодаря проецированию, с одной стороны, правовых концепций, с другой стороны — правовых методов, государство и общество в концепциях антиквариата предстают явлениями во многом аналогичными и однопорядковыми.

Общее право, противопоставленное праву римскому, «цивильному», с одной стороны (римское право в сознании англичан XVI–XVII в. имело как минимум две отрицательных коннотации: оно ассоциировалось с римским «универсализмом» в противовес национальному; а также с католицизмом вообще и клерикальными привилегиями в частности),¹⁶⁷ и континентальным традициям — с другой, воспринималось образованными англичанами тюдоро-стюартовской эпохи как один из главных — наряду с монархией — элементов «национальности», «английскости», в определенном смысле играло в их глазах роль стержня национальной и культурной идентичности.

Неоспоримая «беспристрастность» подхода и незамутненная национальной идеей «трезвость» взгляда историков-юристов в прошлое неизбежно должна была привести их к мысли о превосходстве, совершенстве, древности и крайней эффективности английских правовых норм и практик.¹⁶⁸ Осмысление национальной исключительности англичан, коренившееся в размышлениях о процессе формирования и роли права в британской истории, подталкивало авторов, писавших на исторические темы, к созданию национально ориентированных историй. Даже если рассматривать, скажем, на первый взгляд экуменический труд Дж. Сэлдена «О титулах достоинств», окажется, что несмотря на бесспорную научность и содержательную ценность глав, повествующих об истории знати континентальной Европы, древней и новой, все европейские сюжеты, в конечном счете, подчинены главной цели: через них читатель лучше понимает норму, образцовость, превосходство всего английского: монархии, социальной иерархии, критериев знатности, даже нравов. И, с точки зрения английских интеллектуалов, оттачивание английской «нормы» происходило благодаря благодатному действию системы английских законов и обычаев королевства и их постоянного соблюдения.

¹⁶⁷ Lancaster C. «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.

¹⁶⁸ Coke E. The Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644.

«Единственное предпочтение, которое выказывала наша нация, — пишет Сэлден, — было предпочтение закону «страны», называемому общим правом, и это засвидетельствовано статутами и исками короны... Доказательства тому можно увидеть в трудах Хоудена и Матфея Парижского, равно как и в писаниях известных в то время юристов, однако особенно — во всевозможных публичных актах».¹⁶⁹

В начале XVII в. в английской историко-юридической мысли существовало три подхода к рассмотрению формирования права вообще и роли права в развитии государства и общества. Первый из них нашел наиболее завершенное воплощение в работах Эдуарда Кока,¹⁷⁰ который озвучивал идею континуитета английского права, обеспечивавшую, по аналогии, континуитет английской истории. Этот континуитет обеспечивался, в представлении Кока, суверенитетом общего права, которое само по себе обладало возможностью и потенциалом трансформировать любое общество и власть. Подходу Кока свойственно достаточно взвешенное отношение к случавшимся время от времени завоеваниям Альбиона («Тогда как краса других стран меркла и уходила с кровавыми войнами, я благодарю Господа за тот удивительный мир, которым в сем государстве неизменно процветал благодаря правлению согласно нашим Законам»¹⁷¹), которые, в его понимании, лишь поверхностно влияли на правовые основы, заложенные в отдаленном прошлом. «Если бы древние законы нашего благородного острова не превосходили все прочие, они были бы всего лишь законами многочисленных его завоевателей и правителей, как то: римлян, саксов, данов или нормандцев».¹⁷² Действительно, последнее, нормандское, завоевание серьезно повлияло на правовую ситуацию в королевстве: появился источник совершенно нового, четко фиксируемого права, права статутного, творимого как реакция на вызовы современности, и этот источник невозможно было игнорировать: монарх, его совет, его парламент, его администрация. Однако, отмечает Кок, «необходимо знать, что общее право существовало до каких бы то ни было статутов».¹⁷³ Тем не менее, статутное право и вообще действия монархии лишь упорядочивали и более четко формулировали изначально действовавшие обычаи, к тому же сообщая им новую обязывающую силу.

При более внимательном взгляде на сочинения Кока невозможно не отметить, что его воззрения на сущность права и правовой континуи-

¹⁶⁹ *Selden J.* Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771. P. 242.

¹⁷⁰ *Coke E.* The Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644.

¹⁷¹ *Ibid.* P. 39.

¹⁷² *Ibid.* P. 40.

¹⁷³ *Ibid.* P. 41.

тет — все же плод размышлений практикующего юриста, а не историка. Неизменность, единообразие и полная преемственность правовых норм прошлого были необходимы юристу Коку в той мере, в которой ему было необходимо указать, насколько тверды основания выносимых в настоящем судебных решений и насколько укоренены в проверенном веками «рукотворном юридическом разуме» очевидные перемены (в частности, это касалось совпавших с правлением Якова I попыток реформирования ряда центральных судов и систематизации самого общего права).

Источником построений Кока, помимо его собственных штудий, было наследие Дж. Фортеस्कю, который, воспроизводя легенду об основании английской монархии Брутом, представлял «тело» государства с главой — королем, сердцем — подданными, и законами — кровеносными сосудами, неизменным. Общее право, по мнению Фортеस्कю, прибыло в Англию вместе с Брутом и с тех пор оставалось практически неизменным и, более того, представляло собой завершенную, и потому устойчивую систему. Право в понимании Фортеस्कю — прежде всего обычное, распространяющее свое влияние вплоть до самой королевской законодательной инициативы. Тезис о «смешанной монархии», существующей в Англии, помимо прочих коннотаций, должен был трактоваться как правление короля, ограничивавшего свою волю добровольным подчинением и согласованием нововведений с уже существующими обычаями.¹⁷⁴

Отталкиваясь от «телесной» социальной метафоры Фортеस्कю и трансформируя ее, Кок и последующая ему традиция философии права, к которой принадлежал и Джон Сэлден и, поколением позже, другой выдающийся судья и теоретик Мэтью Хэйл (1609–1676), воспринимает право как разум «рукотворный», «искусственный» (*artificial*), разум всего протяженного во времени и пространстве «политического тела», противопоставленный индивидуальному разуму отдельного человека. Часто цитируемая максима Кока гласит: «Ни один человек сам по себе не может быть столь же мудр, как право, которое есть совершенство разума».

Предложенная Коком концепция демонстрировала отмежевание английского теоретика от освященной веками схоластической философии права. В классической схоластике разум противопоставлялся воле, проводил различие между злом и благом, справедливостью и несправедливостью, и указывал на предпочтительность блага и справедливости. Соответственно, индивидуальный разум отождествлялся с непреходящим моральным принципом, внутренне присущим каждому человеческому существу, вне зависимости от его национальной принадлежности или эпохи, в которой он жил. Гуманизм, по сути, ничего не изменил в этой

¹⁷⁴ *Skell C. J. T. The Influence of the Writings of Sir Jon Fortescue // Transactions of the Royal Historical Society. Third Series. Vol. 10. 1916. P. 77-114.*

доктрине, лишь сделав акцент на важности упорядочения законов для скорейшего достижения общего блага.¹⁷⁵

Кок отнюдь не отрицает подобного понимания естественного разума и порождаемого им естественного права, однако противопоставляет его другому виду разума, который Х. Берман называет разумом историческим. Этот более совершенный разум по крайней мере в одном из аспектов отождествляется Коком с развитием специфически английской национальной традицией, точнее — с развитием общего права. Это разум, также нередко отождествляемый с понятием «обычая», создавался многими поколениями английских юристов и был приложен исключительно к английским реалиям. Он не принадлежал от рождения конкретному человеку, но совокупности многих поколений британских юристов; это был практический разум, основанный на опыте. К английской действительности, ее прошлому и настоящему, не применимы универсальные принципы и стандарты: к общему благу, *common wealth* Англии может вести только разум, ею же рожденный. Справедливые решения в отношении подданных английской короны невозможны без погружения именно в английскую многовековую традицию права.

Тем не менее, рассуждая о прошлом, Кок мыслит как юрист-практик, а не как историк: увиденное им прошлое однородно, его правовой континуитет отнюдь не следует понимать как преемственность ряда идей на протяжении менявшихся условий и неповторимых эпох. Погружаясь все глубже и глубже в прошлое в поисках первичных прецедентов или статутов, мы не обнаружим там, с точки зрения Кока, ничего принципиально отличного от современных условий (все явления прошлого будут лишь менее совершенными, чем сегодняшние). Прецеденты же окажутся единичными точками в однородном пространстве минувшего.

Несмотря на огромное влияние, оказанное Коком на антиквариев, его концепция правового развития была существенно модифицирована участниками Лондонского общества именно в силу того, что правовые источники и правовые проблемы были пусть и необычайно важной, но всего лишь составляющей антикварных штудий. Привлечение к исследованиям более обширного и более разнородного источникового материала и перенесение акцентов с правовой на социальную проблематику определило своеобразие отношения антиквариев к английскому праву. С доктриной Кока антиквариев объединяло признание ключевой роли общего права для национальной идентичности англичан, важность преемственности древних обычаев с незапамятных времен, восприятие права как коллективного рукотворного разума.

¹⁷⁵ Berman H. J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selde, Hale // The Yale Law Journal. Vol. 103. 1994. No. 7. P. 1691.

Однако феномен прошлого, который для Кока был понятием весьма абстрактным и неструктурированным, в трудах антиквариив приобретает очень конкретные и детализированные очертания. От эволюции права, предлагаемой Коком, та часть антиквариив, которых интересовала эволюция монархии и ее институтов, переходит к правовой истории.

В ситуации, когда стюартовская монархия находилась в поиске историко-культурных оснований для построения национальной идентичности, а идея права представлялась английским интеллектуалам (в отличие от шотландцев и ирландцев) наиболее очевидным ее стержнем, новую актуальность приобрел вопрос о том, когда и как именно, в каких условиях и под чьим влиянием возникают те основания общего права, которые сформировали современные социальные и политические институты. Как только идеи Фортескью — Кока применялись антиквариивами к историческому полотну, включавшему не только правовые, но также политические, религиозные и «социальные» события и феномены, неструктурированный континуум прошлого наполнялся внутренней динамикой, получал внутреннее членение и структуру. Прошлое становилось источником не только юридических прецедентов, но также «прецедентов» историко-культурных, что открывало новые обширные возможности для интерпретации событий настоящего и давало пищу рефлексии над дальнейшим путем исторического развития британской монархии.

Главная заслуга в «антикварной» интерпретации права принадлежит Дж. Сэлдену. В ранних работах — *«Jani Anglorum Facies Altera»*, «О титулах достоинства» и «Истории десятины» сэлденовская философия права прочитывается уже вполне прозрачно; в более обобщенной форме он излагает ее гораздо позже, в исследованиях, посвященных древнееврейскому праву — *«De Jure Naturali et Gentium Juxta Disciplinam Ebraeorum»* и *«De Synedriis et Praefecturiis Juridiciis Veterum Ebraeorum»*. Не ставя, как уже говорилось выше, под сомнение сам принцип континуитета, воспринимает прошлое как направленное движение, эволюцию, развитие постоянное, но отнюдь не всегда равномерное. Если для Кока с течением времени фундаментальные принципы английской конституции скорее оттачивались и уточнялись, то в сочинениях Сэлдена показано, как эти же принципы развивались и дополнялись под влиянием целого комплекса факторов, а не только благодаря рефлексии юридического сообщества. Не приуменьшая роли профессионального юридического разума, он отмечает, что сами юристы несвободны от воздействия внешних обстоятельств, профессиональный разум сам подвергается изменениям в зависимости от условий эпохи. Реальное право творит не разум, а авторитет, власть; если бы даже сами заповеди декалога, комментирует Сэлден, прозвучали не из уст Господа, облеченного полнотой власти над миром, а из уст живущей по соседству женщины, они так и остались бы ее частым мнением, никого ни к чему не обязывающим.

Кроме того, в высшей мере скептический ум Сэлдена подсказывал, что «незапамятная древность» некоторых обычаев или институтов (например, аналога рыцарских держаний в англосаксонский период) по большей части является для изучающего предметом веры и не может получить должного исторического подтверждения. Одно это уже обеспечивает важный для Сэлдена вид динамики — от легенды к достоверности, от риторики к истории, от слова к факту. По мере приближения к современности правовая история становится все более и более «реальной» и осязаемой, то есть настоящей историей.

Кроме того, Сэлдену (возможно, благодаря влиянию идей архиепископа Ашера с одной стороны, и собственным гебрантским штудиям — с другой) присуще понимание своеобразия различных эпох и культур. Так, рассуждая об изменении англосаксонских обычаев нормандцами или бриттских — римлянами, он имеет в виду не только частные изменения той или иной нормы, но и изменение всего стиля управления, реализации власти и роли права, — проще говоря, смену одной эпохи совершенно иной. Изменяется национальный состав, языковая среда, институты управления принимают новые формы, возникают и исчезают социальные страты и должности. Однако подобная изменчивость не разрушает, а, напротив, созидает «национальный обычай». Таким образом, Сэлден демонстрирует динамику права в социальном и культурном аспекте.

И в этом отношении остальные представители антикварного движения в Англии восприняли точку зрения Сэлдена, адаптируя ее к рассмотрению более локальных сюжетов.

В обширном сочинении «О титулах достоинств» Дж. Сэлдену удается провести, с одной стороны, сравнительный анализ форм государства и права в различные исторические эпохи в Англии, и с другой — сопоставить пути развития государств Европы с британскими реалиями.

Сэлден прекрасно осознавал своеобразие раннесредневековой эпохи, оценивая ее как время специфических критериев построения общества и природы власти. Англо-саксонские королевства представлялись объединениями тех же «воинственных племен», чьи стремительные рейды тревожили Континент; подчеркивая обособленность британских обычаев от образцов античности, он указывает на общие черты в развитии германских племен, среди которых англосаксы — вполне типичный случай. Описанное в данном контексте англосаксонское государство, основанное на милитантных и родовых ценностях, действительно резко отличается от современных реалий, где приоритет отдается причастности политическому управлению. Нередко исследователи политической мысли отмечают, что англо-саксонская эпоха давала британцам XVII в. образец «ограниченной монархии», с уитенагемотом-парламентом, принимавшим самое деятельное участие в принятии политических решений. Но если такое утверждение

может считаться справедливым для радикальных публицистов 1640-х годов, развивавших линию Фортескью — Кока, то для антиквариев, писавших в первые три десятилетия XVII в., донормандская история демонстрирует, скорее, возможные проблемы монархической власти. Хотя, по мнению Сэлдена и его последователей, монархия возникла на Британских островах в незапамятные времена, в англо-саксонских королевствах она еще не была властью, конституировавшей общество и полностью регулировавшей его жизнь. Рассуждая о эрлах и тэнах, сравнивая эти достоинства с графскими и баронскими титулами постнормандского времени, Сэлден открыто признает, что точно определить привилегии и обязанности их носителей невозможно не из-за недостатка источников, а из-за неупорядоченности, царившей в тогдашнем обществе.¹⁷⁶ Если помнить о завидном умении представителей антикварной школы выстраивать убедительно логичные доказательства чего бы то ни было, то отказ видеть логику в англосаксонских источниках можно объяснить только тем, что у автора изначально не было намерения такую логику обнаружить. Прошлое Англии представлено эпохой практически не регулируемого королевской властью обычая, допускающего сумятицу в распределении держаний, форм их наследования и обязательств (или отсутствия таковых) знати перед королем.¹⁷⁷

Завоевание 1066 г. выделяется антиквариями как исключительно важный, поворотный момент британской истории: через анализ этого события Сэлден демонстрирует роль активной воли монарха в истории страны и ее значение для складывания гармоничного управления королевством. Воспроизводя мысль Аристотеля, Сэлден допускает, что если правление осуществляется исключительно по воле и прихоти монарха, оно неизбежно вырождается в тиранию; очевидно, что у нормандского герцога были все шансы заслужить от потомков клеймо самовластного государя-деспота. Однако Вильгельм Бастард, как часто именуют его антиквари, как на страницах «титулов достоинств», так и в сочинениях Сегара и позднее Картера, предстает фигурой, воплощавшей столь близкую антиквариям идею компромисса и сочетания на первый взгляд несовместимых вещей: сохранения и систематизации прежде спонтанно формировавшихся саксонских обычаев (изучающих знатное общество более всего занимало сохранение достоинств и владений лояльных представителей англо-саксонской знати) и насаждения инородных методов управления. Царствование Вильгельма — особый сюжет для всех без исключения историков антикварного круга.

¹⁷⁶ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 500–501, 510–511.* — К современному пониманию графского титула приближаются англо-саксонские достоинства, обозначавшиеся в источниках следующими именованиями: *Etheling, Ealdorman, Eorle, Senior, Senator, Subregulus, Princeps* и т. д.

¹⁷⁷ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures // The English Works of Sir Henry Spelman... L., 1723. P. 4–6.*

Оно позволяет показать, как в личности конкретного государя воплощены едва ли не все черты, составляющие идею монархии на рубеже XVI–XVII столетий.

Вильгельм приобретает английский трон, фактически не имея на него династического права, а вопрос о легитимности основанной им династии не ставится антиквариями не только из методологических принципов (установление нормандского правления — свершившийся факт, и просто «отменить» прецедент невозможно); основа его власти — обладание королевским титулом, следовательно, именно само королевское достоинство, «должность» короля освящает занявшего эту должность. Преемственность власти саксонских королей, нормандской династии, и так вплоть до Тюдоров и Стюартов доказывается антиквариями не через реконструкцию часто сомнительных династических связей, не через обращение к документам, а через причастность монархов священному королевскому титулу. Здесь, безусловно, происходит апелляция к понятию обычая — не в смысле строгого соблюдения уже действующих неписаных установлений, но к пониманию того, что обычай постоянно развивается, а не существует в зафиксированных раз и навсегда формах.

Герцог Нормандский на страницах антикварных сочинений оказывается самым активным и деятельным правотворцем, что подтверждается многочисленными документальными свидетельствами, фиксирующими распоряжения государя касательно своих баронов. Пожалуй, главная заслуга Вильгельма виделась эрудитами Антикварного общества в упорядочении иерархии знатных достоинств. При этом те нормы, которые при повествовании о событиях XI в. относятся ими в разряд «нововведений», «рукотворного» законодательства Вильгельма, в рассуждениях о более близких к современности временах относятся уже в разряд «обычаев» — учитывая, что к имеющим правовой авторитет обычаям можно было относить любую практику, о существовании которой было известно более или менее длительное время.¹⁷⁸

Завоевание ставит и разрешает вопросы, не подававшиеся разрешению при осмыслении реалий донормандских времен. Каким образом в руках англосаксонских тэнов и эрлов оказывались обширные земельные владения и кто давал им право прибавлять к своему имени то или иное почетное звание, даже Генри Спелман, досконально описавший историю рыцарских держаний,¹⁷⁹ не считает возможным определить. Даже когда обнаруживаются свидетельства, показывающие, что короли древней Англии лично жаловали владения подданным на короткий срок (редко — на срок жизни), проблема наследования возникала по разумеющейся антиквариями,

¹⁷⁸ *Sommerville J. P. Politics and Ideology in England 1603–1640. P. 87–89.*

¹⁷⁹ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures.*

хотя и не названной открыто причине: существовавший тогда обычай не определял, каким правом на подвластные ему земли обладает король; закрепить же за другим то, что не принадлежит тебе самому, невозможно. Когда после 1066 г. монарх приобретает безусловное право собственности на земли королевства, местонахождение «источника милостей», *«fountain of honour»*, становится очевидным и входит в число незабываемых «обычаев королевства». Монарх впервые изображается средоточием власти, добровольным блюстителем обычая и творцом права. Правотворчество понимается антиквариями в немалой степени не только как целенаправленное законодательство и волевое введение в употребление новых практик, сколько возможность поддерживать адекватное исполнение вновь учрежденных порядков и способность власти регулировать функционирование уже существующих норм. Общим местом английской юридической традиции было утверждение, что для нормального развития и реализации права необходимо поддержания внешнего и внутреннего мира в стране,¹⁸⁰ что, безусловно, в полной мере могла гарантировать постнормандская монархия.

Даже «злоупотребления» и «амбиции», справедливо приписанные Сэйденом и Миллзом¹⁸¹ королям-нормандцам, в конечном итоге служат во благо страны, поскольку именно через исправление совершенных предками ошибок пролегает путь к «умеренности» в законах и обычаях. Представление о том, что право — это обычай, проверенный временем и практикой, обычай, «отшлифованный» человеческим разумом, давало еще один повод объявить о совершенности форм управления Британией.

В этой связи можно провести еще одну аналогию: если государство представлялось лондонским историкам основанным и скрепленным индивидуальными узами верности между монархом и его подданными, то также и общее право, избегая опасных обобщений, основывалось, с их точки зрения, на индивидуальном подходе к рассмотрению любой проблемы, при котором одни и те же прецеденты не копировались многократно (тогда спектр возможных решений или оставался бы неизменным, либо постепенно сужался), но, напротив, через анализ событий прошлого создавались новые, индивидуальные решения, соответствовавшие менявшимся условиям и все более совершенные.

В условиях противопоставления концепций историко-правового континуитета и дисконтинуитета антикварии избрали компромиссный третий вариант — представление об эволюции английского права и основанных на нем форм государственности как эволюции от хаоса к порядку, от крайне несовершенного выражения богоданных основ английского государства к их совершенным формам.

¹⁸⁰ *Sommerville J. P. Politics and Ideology in England 1603–1640. P. 100–101.*

¹⁸¹ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672; Milles Th. A Catalogue of Honor. L., 1612.*

Что же касается видения антиквариями места английских законов в ряду европейских конституций, то, как правило, им легче говорить о специфике стран и находить различия территориальные, чем временные: английская монархия с момента ее основания отличалась от остальных европейских стран прежде всего тем, что любые характеристики государства применительно к Англии приобретали превосходную степень. К примеру, Роберт Коттон главными критериями превосходства Британии называет: древность установления королевской власти, древность принятия христианства британцами (из рук Иосифа Аримафейского) и абсолютность королевской власти в политических и церковных делах; сюда же следует добавить совершенство правовой системы и иерархии общества. Специфика истории и современного состояния других стран Континента служит лишь для того, чтобы оттенить гармонию английских обычаев. Так, в истории Германии английские антикварии подвергают скептическому разбору получение имперской короны из рук папы, а также рассредоточение власти между светскими и духовными князьями Империи; во Франции — критерии аноблирования и сложную систему субинфеодации и пр. Более взвешенную и менее пропагандистскую позицию здесь занимает Сэлден, очень подробно рассмотревший законы наиболее влиятельных стран континента. Хотя он и не объявляет о сущностном превосходстве английского права над континентальными, прежде всего французскими законами, он, несомненно, убежден в наличии неповторимой специфики основ и функционирования инсулярной правовой системы.

Однако, как правило, антиквариям чужда мысль о том, что названные отличия — плод времени, что они были незаметны в прошлом (в период, который принято называть ранним и зрелым средневековьем) и обострились или возникли, скажем, в последние два столетия.

Глава V

КАЗУСЫ АНТИКВАРНОГО ДИСКУРСА

ГОСУДАРЬ И АНТИКВАРИЙ: ТВОРЕНИЕ ПОРЯДКА ИЗ ХАОСА

Одна из центральных идей, выдвигавшихся антиквариями, заключалась в том, что в процессе исторического развития английской государственности ее центральный и конституирующий институт — английская монархия (понимаемая ими одновременно и как совокупность законов и обычаев — «конституция», и как форма правления, и как собирательное целое, указывающее на всех правивших страной государей) — бесконечно формализует, упорядочивает и легитимизирует властные, правовые и все другие возможные практики. Иными словами, в понимании антиквариев, на протяжении всей истории своего существования монархия бесконечное число раз упорядочивает и утверждает саму себя — упорядочивает любым своим деянием, от рождения наследника до издания прокламации, от дарования конкретного титула до вынесения судебных решений. Существование монархии видится стюартовскими теоретиками как движение в сторону все большего совершенства — то есть все большего порядка. Монархическая власть, несомненно, является отражением власти Бога; но необходимо помнить, что в глазах антиквариев Бог отнюдь не самовластный правитель и не художник, создающий произведение искусства: Бог прежде всего создатель и хранитель вселенского порядка. Он — «творец всякого порядка и мудрый распределитель всех вещей».¹⁸²

Как ни парадоксально, когда антикварии теоретизируют о «ремесле историка», они размышляют о своем занятии в терминах, очень напоминающих те, что используются ими при рассуждениях о сути и функциях монархической власти.

Нужно заметить, к слову, что сами стюартовские теоретики проводили четкое различие между занятиями историка и собственно антиквария. История продолжалась восприниматься ими в традиционном средневековом

¹⁸² *Guillim J. A Display of Heraldry. L., 1612. P. 122.*

ключе: в положительном контексте как «повествование о деяниях», как «наставница жизни», а в отрицательном — как жанр, родственник поэзии, а значит, по сути допускающий пристрастные суждения, политическую и религиозную ангажированность, открывающий больше возможностей для преднамеренных (или непреднамеренных) домислов и ошибок. Отсюда крайне подозрительное отношение антиквариев к сколь-нибудь обширному цитированию исторических нарративов. Очищать свой труд от всевозможных мифов и невероятных историй, «поэтических выдумок», «гимнов древних бардов» и «мифических рассказов», по выражению Сэлдена, — долг любого истинного антиквара. Мнение предшественников могло оказаться предвзятым, а их информация — ошибочной. Если следовать рассуждениям Дж. Сэлдена, извращение истории происходит потому, что недобросовестные авторы склонны бездумно повторять мнения других историков, причем если обращение к Плутарху или Полибию оправдано древностью и авторитетом их сочинений, то цитировать «современного голландского автора — все равно что обращаться к поваренку с кухни».¹⁸³

В основе же антикварного поиска находится «факт» — будь то документ, объемный трактат или фрагмент утраченной рукописи, надгробная плита, или монета, печать или герб — любое осязаемое свидетельство свершившегося события. В своем роде они творят порядок из разрозненных на первый взгляд деталей, «древностей», созидают вселенную прошлого из очень конкретных частей, точно так же как монархия, в их видении, творит себя не написанием неких универсальных законов, но конкретными, очень разнопорядковыми действиями, созидаящими в совокупности и с течением времени английскую «конституцию». Антикварные концепции вырастают на основе поиска и анализа очень разнородных «фактов» — «прецедентов»: это прежде всего всевозможные документы, но также данные топографии, археологии, нумизматики, геральдики, архитектурные памятники и произведения искусства. В итоге все они, собранные в достаточном количестве и расположены в должном порядке, образуют завершенную картину, иллюстрирующую ту или иную идею. Таким образом лондонские интеллектуалы успешно реабилитировали свой труд в глазах тех, кто, подобно лорд-канцлеру Бэкону, полагал, будто «древности (*antiquitates*) имеют дело со своего рода обломками истории, похожими... на останки корабля, потерпевшего кораблекрушение».¹⁸⁴ Антикварий — это тот, кто создает порядок из хаоса «останков прошлого». Главный инструмент антиквария

¹⁸³ Selden J. Table talk, being the discourse of John Selden. L., 1899. P. 21.

¹⁸⁴ Бэкон Фр. Сочинения. Т. 1. М., 1971. С. 170–171. — Нужно заметить, что между философией познания Бэкона и историческим методом антиквариев существует множество параллелей. См. об этом: Shapiro B. J. A Culture of Fact: England 1550–1720. Cambridge, 2003; Feingold M. John Selden and the nature of Seventeenth-Century Science // In the Presence of the Past. / Ed. By R. Bienvenu and M. Feingold. Leiden, 2003.

как творца — это умение находить факты и располагать их в правильном порядке. Созданный однажды на страницах текста, этот порядок сам по себе будет убеждать читателя в истинности концепций, высказываемых таким образом автором.

Следовательно, и монарх по отношению к своей стране (и к своим знатым подданным), и антикварий по отношению к прошлому выполняют сходные функции: они творят реальность путем ее упорядочения.

ГОСУДАРЬ И АНТИКВАРИЙ: ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ

Следующий вопрос, заслуживающий внимания, связан с тем, как антикварное историописание реагирует на процессы, происходившие при стюартовском дворе, — формализация придворных служб и должностей, концентрации высших административных и придворных должностей в среде титулованной знати, на замыкание границы между знатью титулованной и нетитулованной, а также на пересмотр критериев, определявших положение знатного персонажа на придворной и политической сцене.

Антикварное историописание дает нам исчерпывающее представление о том, что все перечисленные процессы были очевидны для современников и нуждались в теоретическом осмыслении, которое, превращая неписанный «обычай» в текст, особым образом делало бы проводимую короной политику в отношении знати органичной частью британской «конституции».

Подавляющее количество антикварных трактатов посвящено истории знати в целом или осмыслению каких-либо отдельных сюжетов, связанных с жизнью британской *nobilitas*. И несмотря на существование вариаций в трактовке темы знати (определявшихся национальной принадлежностью писавшего или аудиторией, на которую он ориентировался),¹⁸⁵ антикварию придерживаются четко прослеживаемого и общего для всех них круга идей.

Главная задача, стоявшая перед лондонскими эрудитами, состояла в построении осмысленного порядка и соотношения титулов, достоинств и должностей, а также поиска критерия, делавшего возможным построение такого порядка (или порядков).

Иерархия достоинств и титулов знати служила главным стержнем всех трактатов, посвященных дворянству, главным критерием внутригрупповой стратификации, а право на место в этой иерархии подтверждалось за счет других ценностей знатного социума. Основной составляющей знатности —

¹⁸⁵ См., например: *Usher J. A Discourse of the Religion Anciently Professed by the Irish and British / Archbishop Usher's Answer to a Jesuit with other Tracts of Popery. Cambridge, 1835; Spottiswoode J. History of the Church of Scotland. Edinburgh, 1847; Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 1–8. Edinburgh, 1842–1849.*

тем, что являлось необходимо общим для всех членов *nobilitas* — должна была считаться родовитость. Она подтверждала право человека стремиться к более высоким ступеням в иерархии знати. По словам Уильяма Сегара, «сегодня родовитость — это первая ступень, с которой люди восходят к более высоким достоинствам».¹⁸⁶ И только потом речь шла о личных достоинствах родовитого персонажа — верности, способности служить государю, нравственности, доброму воспитанию и образованности. При этом выделяемый антиквариями объем качеств не является гарантией, открывающей доступ в категорию знатных. Личные достоинства лишь «легализуют» право носить знатное достоинство тем, кому оно досталось от предшествующих поколений. Понятие «честь», обретенной или унаследованной, обосновывало также превосходство знати над всем остальным обществом, практически полностью выпадающим из поля зрения антиквариев, и рассматривалось ими как немаловажный социальный фактор. Но и в отношении моральных требований не обходилось без парадоксов. Например, вполне закономерно, что главным требованием, которые тот же Сегар предъявляет к «истинным» рыцарям, было происхождение из рыцарского рода. При этом без тени сомнения королевский герольд Подвязка относит родовитость и законное происхождение рыцаря к разряду именно «моральных» добродетелей.¹⁸⁷

Существующие достоинства (речь идет, разумеется, о достоинствах подданных, а не суверенов) организовывались антиквариями в несколько различных иерархий. Таким образом, единого критерия, который позволил бы создать единственную иерархию, охватывавшую бы все знатное общество (впрочем, и незнатную его часть тоже) не существовало.

Отдельно следовало рассматривать достоинства светские и духовные; особый порядок следования выделялся для феодальных достоинств. Из сочинения Дж. Сэлдена «О титулах достоинств» становится ясно, что и среди феодальных («*primarily honorary*») достоинств следует различать те, что сформировались как феодальные титулы на основе служилых функций и те, генезис которых был связан с особым статусом их территориальных владений. В некоторых случаях — что демонстрируется на примере различных стран и исторических эпох — названные иерархии могут существовать параллельно и независимо друг от друга; с другой стороны, падение или продвижение в одной из этих иерархий может влиять на изменение статуса человека в другой.

Особый порядок выделяется для государственных и придворных должностей; даже ученые степени (и, следовательно, профессии и должности, занимаемые выпускниками различных факультетов и судебных иннов)

¹⁸⁶ Segar W. Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 226.

¹⁸⁷ Ibid. P. 73.

имели неравный статус.¹⁸⁸ Кроме того, антикварианты обнаруживали в истории и современности достаточное количество почетных прозваний (таких, как, скажем, «защитник веры» или «*princeps juventutis*»), долженствовавших сообщать особый смысл достоинству, сопряженному с таким прозванием, или особый статус его носителю лично.

Очевидно, что раннестюартовские теоретики были привержены традиционным формам описания знатного общества, в основе которого лежит сложившаяся в средневековье иерархия достоинств и столь же привычное разделение знати на титулованную и нетитулованную. При этом важна бросающаяся в глаза расстановка акцентов, характерная именно для раннестюартовского периода и свидетельствующая о том, что теоретики не только отражали интересы знатного общества, но и в определенной мере действовали от его имени. Именно поэтому антикварианты считали правильным обосновывать необходимость регулирования и ограничения доступа к знатым достоинствам извне, выступали за регламентацию продвижений внутри иерархии благородного сообщества. В антикварных трактатах значительный пласт информации связан с поиском стабильных критериев, на которых основывалось бы подобное регулирование.

Одновременно мы наблюдаем, как на традиционные виды социальной иерархии накладывается пласт «государственного», выраженный в обращении антиквариантов к истории придворных должностей, иерархия которых завершается рефлексией о должностном характере королевского титула. Вопрос о том, в какой степени раннестюартовские теоретики стремились обосновать популярные в более поздний период представления о должностном характере власти монарха, не находит в трудах антиквариантов однозначного ответа. Представления о короле как главном чиновнике,

¹⁸⁸ Аноблирование через карьеру в глазах антиквариантов было первым и наиболее эффективным путем продвижения по социальной лестнице. Однако заметим, что речь шла не столько о аноблировании простолюдинов, а о более высоком продвижении тех, кто уже мог похвастаться достойной чередой предков-джентльменов. Прежде всего антиквариантами превозносились карьера юридическая, где добродетель мудрости, учености и здравомыслия формально подтверждались степенью доктора права, должностью судьи или любой другой юридической должностью. Обладатели ученой степени в области права или других свободных искусств заслуживали причисления к знати, если при этом жили «в свое удовольствие» и не занимались ручным трудом: они заслуживали именованья «мастер», каковое приличествовало эсквайрам и прочим джентльменам. Ежели некто мог может «доказать, что его предки или он сам имеют право на герб, их можно именовать оруженосцами, или эсквайрами». Знатность может приобретаться на «любой службе государевой, то есть при занятии любой должности, которой причитаются почет и уважение», а также через пожалование государем более высоких титулов. Последними называются аноблирование через брак (разумеется, только в отношении женщин, приобретающих более высокое знатное достоинство своего супруга) и через военную карьеру. См., например: *Carter M. Honor Redivivus... L.*, 1673. P. 15–18; *Milles Th. Nobilitas Politica vel Civilis. L.*, 1608. P. 146; *Fern J. The Blazon of Gentry. L.*, 1586.

а монархии — как должности, несомненно, присутствуют в концепциях антиквариев, но не являются ни единственно возможными, ни даже предпочтительными. С другой стороны, антикварные тексты демонстрируют открывающуюся перед ними возможность возведения практически всех имеющихся титулов к придворным или административным должностям. «Среди политической знати в самом простом понимании этого слова, простые джентльмены сами по себе ничем не хуже, чем князья, но в почитании и высоте достоинства много им уступают. Поскольку все титулы — королевский, герцогский, титул маркиза, графский и баронский — по сути своей прежде являлись названиями наиболее почетных должностей, и лишь по этой причине их носитель становится более известным и знатным, чем остальные»,¹⁸⁹ пишет Т. Миллз.

Включение же монарха в иерархию государственных должностей связано, как кажется, не с переосмыслением природы власти английского короля, а с необходимостью определить источник и придать завершение иерархии должностей, которую антикварию пытаются вычленить в отдельную структуру, пусть даже однопорядковую и параллельную иерархии знатных достоинств.

Антикварию не приводят теоретических обоснований королевской власти: в данной сфере, где излишне пространное рассуждение таило в себе потенциальную угрозу навлечь на себя обвинение в нелояльности, они обозначали лишь те знаковые моменты, которые, с одной стороны, отвечали интересам правящей династии и могли стать органичным элементом идеологии стюартовской монархии, а с другой — не вызывали разногласий внутри знатного общества.

Важно отметить, что в представлениях антиквариев монарх являлся создателем иерархии новых должностей, как административных, так и придворных, непосредственно связанных с его священной персоной. «Он — истинный источник, откуда проистекают все ручьи и бурлящие потоки достоинств»,¹⁹⁰ — пишет М. Картер. Он представал источником важной составляющей знатности *nobilitas major* — придворных должностей. В антикварной традиции в определенной степени отразилось представление о том, что исполнение придворной должности аноблирует даже незнатного человека и, бесспорно, повышает статус любого джентльмена или представителя нетитулованной знати.

С другой стороны, в разделах, посвященных знати титулованной, гораздо четче выражена мысль о том, что занятие постов и должностей при персоне короля является едва ли не правом высшего слоя знати. Поскольку титулованные особы уже занимают высокое положение в иерархии титулов и родовитых семейств, то аноблирующие лучи королевской власти

¹⁸⁹ Milles Th. A Catalogue of Honor. L., 1612. P. 24.

¹⁹⁰ Carter M. Honor Redivivus, or an Analysis of Honor and Armory. L., 1673. P. 129.

с большей вероятностью достигают именно титулонесущих особ, открывая им доступ к вполне ощутимым материальным благам, проистекающих из тех же милостивых королевских рук и из рук тех, кто сочтет для себя желательным воспользоваться положением придворного для достижения собственных целей. Чем выше и древнее титул, тем более его носитель достоин получения должности, возвышающей, как показывают приводимые антиквариями порядки следования и перечисления придворных должностей в хартиях о пожаловании титулов.

Таким образом, антикварное историописание реагирует на формализацию социального порядка, понимаемого как порядок титулов, и порядка государственного, понимаемого как порядок придворных должностей, развитием специфического жанра — истории должностей и титулов английского королевства. Это практически полностью деперсонифицированная история, в которой нет места средневековым «деяниям». Деперсонифицируется в антикварных трактатах и сама монархия.

На страницах антикварных трактатов не находится места для описаний войн, политических переворотов и придворных интриг. В определенном смысле не остается места и для самих монархов: славные правители превращаются в имена, маркирующие то или иное изменение в жизни знатного общества. Чаще всего имена королей встречаются в оборотах «на третьем году правления Генриха III» или «при короле Иоанне», и гораздо реже встречаются формулы «мудрый и добродетельный король Эдуард решил...» или «король Ричард приказал». Активным агентом является монарх как властная функция, как воплощение и средоточие власти, но отнюдь не представитель своей династии и не конкретная личность. Главным «династическим признаком» оказывается обладание верховной властью: только в таком контексте не кажется парадоксальным заявление: «Ваше Величество [Елизавета Тюдор] — прямой потомок саксонских королей». Действительно, было бы нелепо подозревать антиквариев — джентльменов, посвятивших себя изучению древностей, и тем более профессиональных герольдов в незнании линияжа правящего дома. Монарх представленный антиквариями прошлого и настоящего королевства Англии обезличен: описывать государя значило характеризовать полноту его «имперской» власти, а поскольку монархическая власть пребывала неизменной по определению, справедливо было бы даже сказать, что современной Англией все время правил один и тот же государь.¹⁹¹

Творимая антиквариями история призвана продемонстрировать аудитории — то есть знати — *что* суть знатный подданный монарха: это тот, кто тем или иным образом принимает и осуществляет транслируемую

¹⁹¹ Подробнее см.: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестuartовской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–198.

монархом власть и отправляет предписанные им полномочия. Источниковым основанием подобного рода истории служат прежде всего издаваемые монархами документы, а во-вторых — юридические источники, обладающие для англичан неоспоримым авторитетом, основы английской «конституции» — трактаты Брактона, Литтлтона, Глэнвила. В создаваемой антиквариями истории знати нет и намека на так часто связываемую с придворным миром «куртуазность». Антикварии воссоздали историю власти и путей ее реализации через общество.

Одним из первых и достаточно часто деклариовавшихся британскими антиквариями принципов их деятельности и написания ученых трудов было невмешательство в религиозные и церковные дела: ни во внутрицерковные дискуссии, ни в возможные конфликты между церковью и властью. В 1614 г. Уильям Кемден и Генри Спелман, составившие для Якова I предложение инкорпорировать лондонское Антикварное общество в форме «Национальной Академии и Библиотеки Древностей» предусмотрительно указали, что «не будут затрагивать ни вопросы, связанные с государством, ни проблемы религии».¹⁹² Подобная декларация, казалось бы, подразумевала минимальное привлечение сюжетов и «прецедентов», заимствованных из церковной истории как при освещении современных антиквариям сюжетов, так и при реконструкции весьма отдаленных во времени событий.

Тем не менее, как и в случае с другими, не менее громкими и внушающими доверие любому читателю декларациями антиквариев, из установленного правила, касавшегося невмешательства в религиозную тематику, нашлось немало исключений. В подтверждение сказанного стоит упомянуть, что двое из наиболее значительных фигур в кругу антиквариев второго поколения с головой окунулись в околоцерковную полемику: в 1618 г. Джон Сэлден опубликовал «Историю церковной десятины»,¹⁹³ а Генри Спелман в 1632 г. завершил рукопись трактата «История и судьба святотатства» (опубл. 1698).¹⁹⁴ Впрочем, в сочинениях лондонских антиквариев все же преобладала подчеркнута светская тематика, а возникавшие сакральные сюжеты привлекались преимущественно для выстраивания идеологии власти.

Тем не менее, в рамках антикварного движения оказалось возможным появление работ, в которых выработанные британскими эрудитами специфические критические методы, способы организации исторического исследования, технологии воздействия на аудиторию и ценностные установки были использованы для написания подчеркнута церковных историй. Так же как и в исследованиях «светских» эрудитов, внимание антиква-

¹⁹² *Spelman H.* Preface to Discourse of the four Law Terms. Quoted in: Johnson G. W. Op. cit. P. 43.

¹⁹³ *Selden J.* The History of Tithes. L., 1618.

¹⁹⁴ *Spelman H.* The History and Fate of Sacrilege... L., 1698.

риев, писавших на церковную тему, было в значительной мере обращено к перспективам (основанной, в свою очередь, на глубокой ретроспекции) поиска основы, стержня «британскости» — источника, способного питать и объединять стюартовскую монархию, явленную в соединении этнополитических композитов. Лондонским антиквариям второго поколения таким стержнем виделось английское общее право, общество, генерирующее данный вид права, и власть английских монархов, обеспечивающая реализацию права. Следовательно, эти специфические английские феномены определялись как явления, намного превосходящие правовые, социальные и властные традиции национальных композитов, а значит, призванные упорядочивать и совершенствовать эти традиции в соответствии с английским образцом. В такой перспективе Англия неизбежно представлялась авторам и читателям бесспорным политическим центром композитарного государства, а английская история — стержнем истории Британских островов, относительно и в неизбежной связи с которой развивалась история Шотландии, Ирландии и Уэльса.

ШОТЛАНДЦЫ

Альтернатива описанной концепции могла располагаться в нескольких плоскостях: во-первых, она могла заключаться в отказе от жанра «правовой истории», например, в пользу, как уже было сказано выше, истории «церковной»; во-вторых, в поиске альтернативы английскому общему праву на роль системообразующего фактора; и наконец, в отказе от англоцентричности при построении единой истории Британского архипелага. В любом случае смещение акцентов влекло за собой иную трактовку динамики истории Британии, определяло своеобразное видение исторического времени, прошлого и настоящего, традиции и новации.

Далее речь пойдет о сочинениях трех авторов, тесно связанных с антикварным движением и в то же время предложивших оригинальное видение рождения, развития и перспектив Британии и «британскости» в островном пространстве/времени. Оригинальность их взгляда, по сравнению с антиквариями английскими определялась и иным социальным статусом — принадлежностью к церковной иерархии, и не английским происхождением.

Джеймс Ашер (1581–1656) — архиепископ Армага и примас Ирландии в 1625–1656 гг., с начала правления Якова I был тесно связан с лондонским антикварным обществом и его главными вдохновителями — У. Кемденом, Р. Коттоном и Дж. Сэлденом.¹⁹⁵ В обширнейшем наследии Ашера, интересы которого, как и интересы многих эрудитов антикварного круга охватывали

¹⁹⁵ Подробнее об архиепископе Ашере см.: *Knox R. B. James Ussher, Archbishop of Armagh. Cardiff, 1967; Ford A. James Ussher and the Godly Prince in early seventeenth-century Ireland // Political Ideology in Ireland, 1541–1641 / Ed. By H. Morgan. Dublin, 1999. P. 203–228.*

самые разнообразные области знаний, начиная, разумеется, с богословия и истории и заканчивая филологией, гебраистикой и хронологией, в контексте настоящего сюжета выделяется опубликованный в 1622 г. трактат «Рассуждение о религии, которой издревле придерживаются ирландцы и британцы».¹⁹⁶ «Британская» проблематика, как следует уже из названия, занимает автора не меньше, чем антикатолическая полемика.

Джон Споттисвуд (1656–1639), архиепископ Сент-Эндрюса и примас Шотландии, с 1635 г. лорд-канцлер Шотландии, излагает собственное видение истории страны в пространном сочинении «История шотландской Церкви»¹⁹⁷ (1655).

Дэвид Калдервуд (1575–1650) — один из лидеров шотландских пресвитериан в царствование Якова I и Карла I, также озаглавил свой восьмитомный труд «История шотландской Церкви» (1646).¹⁹⁸

Сочинения Ашера, Споттисвуда и Калдервуда, с одной стороны, тесно примыкают к освященной веками традиции «церковных историй», где история отдельной личности, народа и всего человечества неизбежно церковна; с другой стороны, нельзя не заметить, что сюжеты церковной истории, истории христианства служат для разрешения вопросов, ставившихся в «светских» антикварных штудиях. В обширных нарративах церковных историков сосуществуют два смысловых пласта: один, находящийся в очевидной теснейшей связи с современной авторам религиозно-политической ситуацией, посвящен непосредственно изложению событий Реформации в Шотландии и религиозного противостояния в Ирландии. Характерно, что максимальная насыщенность повествования действующими лицами и фактами здесь компенсируется типичным для антикварного дискурса отсутствием авторских суждений и однозначных выводов относительно событий недавнего прошлого. Как и их английские коллеги-антиквари, Ашер, Калдервуд и Споттисвуд имели достаточно поводов и возможностей для обсуждения насущных политических и религиозных дел королевства вне страниц своих ученых трудов, соблюдая, таким образом, видимость объективного подхода к истории. Возможность концептуального осмысления судеб народов, населяющих Британские острова, открывается благодаря присутствию на страницах «церковных историй» повествований о прошлом, о «первоначальных временах» каждого из народов и об истории их Церкви. Однако повествование о «древностях» не только и не столько позволяет антиквариям обрести большую свободу в суждениях. Если для лондонских эрудитов прошлому придается безусловная ценность в силу того, что оно закладывает основы для последующей динамики институ-

¹⁹⁶ *Usher J. A Discourse of the Religion Anciently Professed by the Irish and British / Archbishop Usher's Answer to a Jesuit with other Tracts of Popery. Cambridge, 1835.*

¹⁹⁷ *Spottiswoode J. History of the Church of Scotland. Edinburgh, 1847.*

¹⁹⁸ *Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 1–8. Edinburgh, 1842–1849.*

тов власти и общества, ценность источника, определяющего направление эволюции, то историографы, пишущие на периферии, стремятся увидеть в прошлом прежде всего образец, модель построения национальной идентичности, а также Церкви и власти, модель, которую можно реконструировать в ее незамутненной простоте и чистоте и на которую можно и нужно ориентироваться в политических перипетиях современности. Прошлое становится, таким образом, зеркалом, к которому следует обращаться, чтобы распознать в вихре противостояний и компромиссов дня сегодняшнего неизменно повторяющуюся схему развития событий.

ВРЕМЯ, ВЕЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

При первом же знакомстве с текстами достопочтенных епископов становится очевидно, что оба активно эксплуатируют закрепленную и традицией, и не менее успешно подтвержденную авторитетными современниками тему избранного народа в истории. Идея избранничества, безусловно, тяготела и над антиквариями Англии, в трудах которых, однако, избранность английской нации оказывалась лишь залогом гораздо более рельефно обозначенного политического и социального процветания государства и совершенной реализации всех возможных достоинств англичан во внерелигиозной области. В то время как ирландец Ашер, так и шотландцы Калдервуд и Споттисвуд воспринимали момент избранничества как самостоятельную ценность, относящуюся к непреходящей, неизменной и — что немаловажно — духовной реальности. В понимании шотландских и ирландских антиквариев основание национальной идентичности крылось в особых отношениях народа с Богом и лежало во вневременной области, не определялось временной динамикой социальных или правовых институтов.

Одновременно напрашивается вывод о том, что само по себе политическое превосходство или отсутствие такового не было для них достаточным свидетельством избранности или оставленности народа: они настаивают на том, что шотландцы и ирландцы по сей день сохранили христианскую веру и обычай более совершенным образом, нежели их южные соседи, но при этом ни один из них не оспаривает политического первенства англичан в данный момент истории. Для авторов рассматриваемых «церковных историй» политическое превосходство не представляется безусловной ценностью: как нередко случается в подобных ситуациях, второстепенное положение Шотландии и Ирландии на британской политической сцене компенсировалось в их сочинениях риторикой на тему единства кельтского мира, его богатой духовности и нравственной чистоты, свойственной кельтскому миру. (Например, первые шотландские короли в сочинении

Калдервуда выглядят ужасными варварами, но варварами, бесспорно, честными).

Разумеется, шотландские и ирландский авторы не вполне сходятся во мнениях относительно того, какой же народ (или народы) играет ключевую роль в счастливом жребии общенационального избранничества. Споттисвуд более резко отстаивает первенство скоттов (имея в виду население современной Шотландии) и пиктов, предлагая читателю не только реконструкцию фактов христианизации этих народов, но и свидетельства континентальных авторов начиная с раннего средневековья, в которых недвусмысленно говорится о жителях севера Британии как *antiquiores Christianos*; Споттисвуду важно подчеркнуть, что и колонизация и христианизация, распространение истинного благочестия и неповрежденного обычая, были направлены из Шотландии в Ирландию и Англию.

Ашер, действовавший в иных условиях, придерживается более умеренной позиции. Отдавая пальму первенства в истории избранничества скоттам (подразумевая население современной Ирландии), второе место почтительно отдает «меньшим скоттам», народу Альбы, то есть шотландцам, чей этноним дал именование всему острову Альбион. «Ученым людям известно, что именование «скотты» в те древние времена было общим для населявших большую и малую Шотландию, то есть Ирландию, и знаменитую колонию, выведенную в Альбион. Вера же, исповедуемая в обеих странах, была одинаковой и едва, или вовсе не отличалась от той, что исповедовали их соседи бритты».¹⁹⁹ Ашер элегантно называет отношения скоттов и народа Альбы отношениями матери и дочери, а остальные соседи по архипелагу (в числе коих одновременно перечислены «англичане, бритты, пикты и латиняне») ²⁰⁰ образуют «семью», где родственные отличия заметны при проявлении должной «проницательности».

Калдервуд предпочитает расширить перспективу «кельтского мира», акцентируя внимание читателей на языковой и культурной общности скоттов-шотландцев, пиктов и бриттов с племенами, населявшими Галлию и Испанию²⁰¹. Однако дальнейшая история кельтского мира обрисована им как история утраты первоначального единства под влиянием внешних разлагающих факторов. Первыми забывают о своих кельтских корнях бритты, не устоявшие перед соблазном римской цивилизации, а впоследствии и «римской» веры; пикты, в которых слишком легко узнать современных ирландцев, «наказаны» Калдервудом утратой национальной идентичности и полным рассеянием за повторявшиеся альянсы с бриттами и предательством по отношению к скоттам. «Auld alliance» с Францией — восходящий к галлам — через союз с Пипином Коротким и Карлом Великим — вовсе

¹⁹⁹ Usher J. A Discourse... P. 518.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 1. Edinburgh, 1842. P. 30–36.

не кинжал, нацеленный в спину Англии, а бережно хранимая память об их национальных корнях.

И Калдервуд, и Споттисвуд? и Ашер сходятся в том, что, несмотря на заявления англичан о том, что их народ никогда не подчинялся чужеземным завоевателям?²⁰² на самом деле южная часть острова Британия все же была подчинена римлянами, в то время как Шотландия и Ирландия обладали истинной независимостью от зловещей Империи. Это утверждение дает авторам «кельтоцентричных» историй немало поводов упрекнуть раннесредневековых английских авторов в умышленной фальсификации фактов и распространении лживых легенд (Калдервуд) или, по крайней мере, в описании событий ранней ирландской истории согласно модели, использовавшейся для повествования об истории англо-саксонских королевств (Ашер, Споттисвуд).

Видение истории распространения, принятия и утверждения христианства на британских территориях, а также видение дальнейшей судьбы Церкви и духовной культуры в этнических композитах определяло восприятие ирландским и шотландским антикварием границ прошлого и настоящего. Первые века христианства в Шотландии и Ирландии оказываются «сакральным», священным периодом, чистым и совершенным образцом истории народа, в котором государство и общество развиваются в лоне не искаженной внешней посредниками апостольской христианской традиции. Стоит сравнить такое представление о прошлом с концепциями английских антиквариев, для которых реалии «первоначальной истории» хотя и заключали в себе сущностную основу для развития последующих социальных, административных и правовых институтов, но нуждались в упорядочении и совершенствовании, осуществлявшихся лишь с течением времени. Развитие для английских эрудитов, таким образом, было направлено от прошлого к настоящему, в котором все явления представлялись наиболее совершенным образом. Споттисвуд и Ашер представляют своеобразным «золотым веком» именно прошлое, где собственная традиция «противостояла иноземному учению, привнесенному позднее последователями епископа города Рима». При этом Ашер намекает, что современное состояние церковных дел в Британии как будто бы говорит о начале возрождения славного прошлого: «Я заявляю, что религия, исповедовавшаяся епископами, священниками, монахами и всеми христианами этой земли, по сути была та же, что сейчас поддерживается светской властью».

Споттисвуд, рассуждая о прошлом, выстраивает своеобразную «риторику апостольской Церкви», подчеркивая, что христианское учение было принесено в Шотландию, минуя какое-либо промежуточное (прежде всего римское) звено между апостолами и верующими Британских островов.

²⁰² См., например, авторитетный и популярный трактат антиквария и герольда Уильяма Сегара: *Segar W. Of Honor, Military and Civil. L., 1602. P. 231–233.*

Избирая в качестве достойнейших свидетелей византийских писателей, начиная с Иоанна Златоуста, Евсевия и Никифора, Споттисвуд сначала предлагает версию о том, что Симон Зилот проповедовал и был распят в Британии, а затем называет и другой вариант: первыми проповедниками новой религии на шотландских землях были ученики Иоанна Богослова еще при жизни апостола. Особенно эмоционально шотландский епископ высказывается об истории принятия христианства шотландцами. «Наиболее распространенное мнение состоит в том, будто Папа Виктор (понтификат 189–199. — С. Ф., А. П.) по просьбе короля Доналда отправил сюда несколько проповедников, и мол, они-то и совершили наше обращение. Но этого не может быть...»²⁰³ Одним из самых веских объяснений, почему именно несостоятельна «папская» версия крещения, Споттисвуд считает то, что «если наше обращение произошло благодаря Папе Виктору, как же вышло, что наша Церковь совершенно не походит на Римскую в обрядах, а ведь Папа Виктор радел о них настолько, что подверг отлучению все восточные Церкви, расхивившиеся с Римской по этим вопросам».²⁰⁴ Поэтому для Споттисвуда не подлежит сомнению то, что «на протяжении веков наша Церковь придерживалась обычая, отличного от Рима, и большую смуту принесло принятие их обычаев и обрядов».²⁰⁵

Наиболее радикальную позицию занимает Дэвид Калдервуд, который, намереваясь, как и другие два автора, написать церковную историю, предпосылает истории Церкви обширную вводную часть — историю народа, историю королей и их войн, как внешних, так и междоусобных, историю, в которой духовное измерение исчерпывается чувством национальной гордости и превосходства равно над врагами и союзниками.

«Этноисторический» очерк Калдервуда ставит своей целью продемонстрировать примат национального в шотландской истории — будь то история шотландской церкви или светского государства. Именно народ, формируя свою национальную идентичность прежде всего как идентичность, основанную на отрицании, рождающуюся в противостоянии своих и чужих, порождает специфическую форму власти и, наконец, порождает Церковь. Поэтому если для Ашера и Споттисвуда очевидна связь истоков национальной Церкви с первоначальной католической Церковью, для Калдервуда Церковь — это *the Kirk of Scotland*, Церковь страны, родившаяся не в момент принятия христианской веры королевским семейством и окружением, но установившаяся только в процессе обращения всего народа скоттов.

Со своей стороны Ашер старается поразить читателя портретами первых ирландских святых и миссионеров, а также определить, в чем состояло

²⁰³ Spottiswoode J. History... P. 2–3.

²⁰⁴ Ibid. P. 3.

²⁰⁵ Ibid.

своеобразие духовной жизни обитателей Ирландии в первые века после обращения в христианство.

«Ты мог никогда не бывать за океаном и на островах, называемых Британскими, — цитирует епископ “*Sermone de utilitate lectionis Scripturae*” Иоанна Златоуста, — но должен был слышать, что люди там постоянно размышляют над предметами из Писания».²⁰⁶ Почти то же самое говорится в тексте, приписываемом св. Патрику: весь народ Ирландии занят «постоянным размышлением над Писанием».²⁰⁷ Таким образом, заключает Ашер, любовь к чтению Писания (в древнееврейском и греческом оригинале — для ученых мужей, в переводе с неповрежденного вульгарной латынью оригинала на родной язык — для простых верующих) и умение размышлять над словами Завета — главное небесное сокровище, кое «доблестно отстаивали» древние ирландцы и шотландцы,²⁰⁸ те, «которых Бог избрал Своим орудием».²⁰⁹

Собственно же «история» начинается с того момента, когда эта гармония начинает разрушаться прежде всего из-за внешнего давления, политического, но прежде всего интеллектуального, из-за «лживых легенд, которыми их [римские] монахи и проповедники исказили религию и жития наших древних святых»;²¹⁰ история в ее динамике — это своего рода постоянная борьба за сохранение национальной самобытности, основанной на духовной культуре народа.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПАФОС САМОБЫТНОСТИ

Можно с уверенностью предположить, что вопрос о восприятии наследия и символики Римской империи, и более всего — отношение к модели римской имперской власти неизбежно попадал в поле зрения британских историописателей. Для протестантских авторов «церковных историй» имперская тема неизбежно дополнялась вынесением суждений о зловещем детище Империи — римской Церкви.

Шотландские историографы использовали совершенно ясную для читателя идею: уже в древнейший период истории народов, населявших и населяющих по сей день Британских архипелаг, между ними складываются такие модели отношений, которые — несмотря на искажения, привнесенные течением веков — должны в идеале определять взаимодействие национальных композитов и в настоящем времени. Здесь снова можно увидеть тяготение Споттисвуда, и в еще большей мере Калдервуда

²⁰⁶ *Usher J. A Discourse...* P. 522.

²⁰⁷ *Ibid.* P. 523.

²⁰⁸ *Ibid.*

²⁰⁹ *Spottiswoode J. History...* P. 2.

²¹⁰ *Usher J. A Discourse...* P. 517.

к мысли о том, что все подлинно национальные явления в истории неизменны, их всегда можно различить за декорациями той или иной эпохи. Именно не-динамичность, вне-временность национального позволяют народу не только сохранять свою идентичность, но и видеть в прошлом образец, позволяющий понять собственное место и роль на современной политической и этнической арене.

В описаниях Споттисвуда Рим, Империя имеет совершенной иной образ, нежели в текстах антиквариетов лондонских. Рим Споттисвуда — это не славная языческая империя, воплощение величия власти и могущества монарха, вечный и непревзойденный образец, одно сопоставление с которым придает дополнительный авторитет и легитимность современным институтам или нормам. Рим Споттисвуда олицетворяет власть, несущую насилие вовне и разложение изнутри. В немалой степени именно на антиримском пафосе построена первая глава сочинения Споттисвуда, повествующая о «сакральном времени» — первых веках христианства в Шотландии. Причем речь идет не только о действиях римского епископа (обличать которые вполне естественно для честного протестантского историка), но и о модели империи, имперской власти, олицетворяемой Римом. Многочисленные и яркие инвективы Споттисвуда сводятся к тому, что Империя в ее «светском» измерении и тем более Римская Церковь изначально следовали порочным путем подавления многообразия составляющих ее «композиций» ради единства великого целого. В изображении шотландского епископа Рим, как правило, выдвигает определенную модель власти (чаще всего речь идет об упорядочении церковной иерархии) или образец действий (например, литургические тексты или трактовка Таинств) и стремится любыми способами навязать предлагаемый вариант как единственно возможный.

Подробно рассматривая историю спора о дате празднования Пасхи между кельтской и Римской Церквями, Споттисвуд поясняет, что неправота представителей римской стороны, возможно, даже не в том, что Рим занимает ложную позицию относительно даты праздника: на самом деле, по мнению епископа, вопрос не может быть разрешен однозначно и окончательно. Порочность римской политики состоит в том, что она навязывает «чуждый», «иноземный», внешний обычай народу, чей собственный «обычай» складывался независимо благодаря особым, неповторимым отношениям с Богом. После прочтения краткого экскурса, посвященного друидам, складывается впечатление, что Споттисвуд проводит аналогию если и не с ветхозаветными пророками, то по крайней мере с греческими мудрецами, обладавшими верой в неведомого, но единого Бога, были «сведущи в натуральной философии, и вовсе не были темными и суеверными, как прочие языческие жрецы»,²¹¹ а кроме того, управляли церковными

²¹¹ *Spottiswoode J. History... P. 10.*

делами мудро, над собой имели избираемого «президента» и решали вопросы церковной политики на ежегодной «церковной ассамблее» на острове Мэн.

Порочность римской политики — в стремлении подавить и унифицировать национальное своеобразие, имеющее основу в надвременной плоскости. Даже рассуждая о таком исключительно важном вопросе, как существование епископата в шотландской Церкви Споттисвуд не отрицает легитимность епископата как такового, однако отмечает, что «шотландцы и ирландцы были наставлены в христианской вере монахами и священниками, а вовсе не епископами».²¹² «Законным правом земли» называет Споттисвуд право народа придерживаться исконных традиций и отстаивать их, даже если в этих обычаях существует некое противоречие с истинным положением вещей.

«ORBIS GESTAS» И «ORBIS LOCI» УИЛЬЯМА КЭМДЕНА

Среди английских антиквариев старшего поколения Уильяму Кэмдену — автору знаменитой «Британии» — принадлежит исключительное место. Исследователи и по сей день продолжают спорить об идейной направленности этого произведения и о своеобразии лежащих в его основе концептов, определявших характерный для этого автора вариант воссоздания исторического прошлого британских островов. Большинство из них полагают, что сконструированный Кэмденом вариант национальной истории ориентировался в основном на воспроизведение характерных для гуманистической традиции исторических концептов, под влиянием которых складывалась вполне определенная, акцентирующая созидательную силу римского субстрата, модель повествования. Вызывавшая у современников весьма характерные для такого прочтения ассоциации, она наталкивала потенциального читателя на вполне естественные умозаключения, общим местом которых оказывалась параллель между двумя великими империями.²¹³

Выдвигаемая специалистами общая оценка «Британии» согласовалась также со взглядами Уильяма Сесила, будущего лорда Бэрли, патронировавшего труд Кэмдена на стадии подготовки, а также с настроениями ближай-

²¹² Ibid. P. 13.

²¹³ Powicke M. William Camden // *Essays and Studies*. 1948. Vol. I. P. 74–75; Kendrick T. *British Antiquity*. L., 1950. P. 145; Piggott S. William Camden and the Britannia // *Proceedings of the Royal British Academy*. 1951. Vol. 37. P. 208–209; The Making Camden's Britannia // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1964. Vol. 26. P. 70–98; Levine J. *Humanism and History: Origins of Modern English Historiography*. Ithaca, 1987. P. 13–14; 93; Woolf D. *Idea of History in Early Stuart England*. Toronto, 1990. P. 166–117; Helgerson R. *Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of History*. Chicago, 1992. P. 114–118. — См. также: Levy F. *Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967. P. 144–159.

шего придворного окружения этого могущественного елизаветинца,²¹⁴ но не учитывала при этом ряд важных для понимания кэмденовского варианта национальной истории моментов.²¹⁵ Известно, что по совету голландского географа Авраама Ортелиуса, Кэмден, действительно, намеревался «восстановить британскую историю до ее древнейших времен и сделать эти древности достоянием Британии».²¹⁶ При этом намеченный им объем работы не только хронологически выходил за рамки римского периода национальной истории, простираясь в глубину веков, но, как представляется, ориентировался на иного рода предпочтения.

Уже в первом издании «Британии» (1586) Кэмден писал о том, что он «на протяжении многих лет, вплоть до конца работы над этим сочинением собирал свидетельства о наиболее древних обитателях британских островов и стремился определить происхождение англичан, а также вывести из забвения названия древних британских городов, упомянутые Птоломеем, Антонином и другими источниками».²¹⁷ Материализовавшись на бумаге, каждая из намеченных Кэмденом задач определила бинарно-зеркальную структуру²¹⁸ его повествования.

Бинарность повествования проистекала из заложенных в структуру его «Британии» двух описательных приемов. Первый — условно хронологический — определял последовательность фактов и событий, живописующих этнополитический компонент национальной истории в ее буквальном универсалистском прочтении: границы собственно британского пространства размыкались там, где того требовала линия повествования, уводящая историю этносов и народов, населявших острова, далеко на континент. Второй — условно хорографический — влиял на структуру изложения топографического материала, и в этом смысле дополнял горизонтально про-

²¹⁴ Об этом подробнее см.: *Canny N. Making Ireland British. 1580–1650. Oxford, 2001. P. 42–55; Ohlmeyer J. Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. No. 2. P. 446–462; Percival-Maxwell M. Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // The Historical Journal. 1991. Vol. 34. No. 2. P. 279–295; Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / Ed. by S. Connolly. Dublin, 1999.*

²¹⁵ Об этом, в частности, написано в: *Rockett W. The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal. 1995. Vol. 26. No. 4. P. 829.*

²¹⁶ *Camden W. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586. Sig.A.2r.*

²¹⁷ *Ibid. Sig. A3v.* Эта фраза присутствует и в трех последующих (1590, 1594, 1600): *Sig.4v. (P. 8); Sig.A4v. (P. 8) и Sig.A4r. (P. 7).* В последнем прижизненном издании «Британии» 1607 г., послужившем основой для ее перевода на английский язык (1610), раздел «Ad lectorem» переработан, и эта фраза опущена.

²¹⁸ Уильям Рокетт придерживается мысли, что структурный план «Британии» Кэмдена был трехмерным, но при этом не видит ее зеркальных механизмов: *Rockett W. The Structural Plan of Camden's Britannia... P. 831.*

стертую этнополитическую историю ее вертикальной локально ориентированной составляющей. Двухмерность повествовательного пространства становилась отличительной чертой созданного Кэмденом текста.

Зеркальность изложения — это еще один характерный для «Британии» прием, наряду с принципом бинарности определявший «технологию» репрезентации прошлого в кэмденовских текстах. Этносы и народы, населявшие в различные эпохи британский мир, образовывали не только своей неповторимостью, но и общностью совокупный портрет — своеобразное этнополитическое измерение и специфику той самой общности, которая еще с римских времен была известна как островная Британия. При этом зоны их обитания, оформившиеся сначала в варварские королевства, а затем трансформировавшиеся в привычные для елизаветинской поры графства, образовывали вертикаль, которая всей своей протяженностью демонстрировала специфику этой общности в ее территориальном измерении. Британия оказывалась единой и в этнокультурном, и в культурно-территориальном измерении. Она складывалась и как конгломерат этносов, и как группа объединенных единым германским прошлым территорий, в буквальном смысле «перемоловших» последствия римского завоевания.

Можно, конечно, возразить, упрекнув Кэмдена в использовании широко известных репрезентативных клише. На самом деле, реконструкция древнейших материалов и свидетельств о первых обитателях британских островов, с одной стороны, и ранняя этнополитическая история английского народа — с другой, — и как объект и как одна из целей исследования — сюжеты, весьма типичные для британского историописания. Впервые опробованные Бедой Достопочтенным, они стали своеобразной «классикой» еще во времена Ранульфа Хигдена. Топография английских городов римского происхождения — сюжет куда менее классический, но при этом также уже достаточно разработанный Гиральдом Камбрийским, Джоном Лэландом и прочими менее известными английскими хорографами.²¹⁹

Типичность этих схем, конечно, оставалась общеизвестной в конце XVI в., но только в рамках обособленной жанровой специфики. История этносов и народов, населявших британские острова, в ее этнополитическом измерении не выходила за рамки хроник. Построенная исключительно в хронологическом ключе, она лишь в самом общем виде иллюстрировала историю правящих домов и сменявших друг друга династий или же оставалась неотъемлемой частью более широко осознаваемой политической истории острова. Топографические экскурсии, подчас проникавшие в текст исторических хроник, по большей части формировали самостоятельный жанр средневековых хорографий. Симфония двух жанров, в свое время обозначенных Хигденом как «*orbis gestas*» и «*orbis loca*», — никогда,

²¹⁹ Об этом см. подробнее: *Cormack L. Charting an Empire: Geography at the English Universities. Chicago, 1997.*

вплоть до Кэмдена, не становилась реальностью.²²⁰ Объединенные в рамках смыслового пространства «Британии», два повествовательных приема открывали перед Кэмденом достаточно широкие возможности для манипулирования общеизвестными пластами культурной памяти англичан.

О наиболее древних обитателях британских островов (*primi incolae*) Кэмден пишет, воспроизводя часть широко известной истории о сыновьях Ноя. Акцент на библейском (ветхозаветном) происхождении легенды о предках островитян наряду с указанием на континентальный характер их первоначального расселения — системообразующий во всем последующем изложении. Общность с племенами и народами, населявшими континентальную Европу, очевидно, воспринимается Кэмденом как необходимое условие, указывающее на определенное изначально установленное божественным промыслом равенство возможностей, последующая перспектива которых, однако, высвечивала преимущество и достоинство островного образа жизни. Иафиты (или арийцы), восходящие к одному из сыновей Ноя, — народ, как известно, включавший потомков Гомера (одного из его внуков) — древних киммерийцев или кимров, наряду с другими племенами заселявших территорию Германии и Галлии, был, как и полагается, континентального происхождения. Бритты, а так стали называть кимров после переселения, говорили с галлами, опять-таки германцами, на одном и том же языке; у них существовали одни и те же обычаи, а также действовали весьма схожие институты. Именно бритты (кимры) составили исходный массив переселившихся в Британию народов и, судя по всему, им Кэмден отводил одну из ключевых ролей в создании сначала британского сообщества народов, а потом и той этнической общности, которая ассоциировалась в его сознании с ее англоговорящей доминантой.

Интерпретируя сохранившиеся свидетельства о древнейших обитателях британских островов, Кэмден по существу намечает основную линию своего этнокультурного исследования. Его интересует происхождение тех живших на континенте племен, которые после переселения на британские острова активно способствовали формированию классических этнических групп британского архипелага. Кэмден, по всей видимости, был убежден, что современная ему этнокультурная панорама островов сформировалась под влиянием многочисленных миграций различных групп континентального происхождения. Думается, что именно с этой целью в его работе последовательно воздвигнут потенциально значимый с точки зрения «Великой Британии» пантеон племен и народов, повлиявший на становление основных этносов, населяющих острова уже во времена Елизаветы Тюдор. Кэмден последовательно выводит на страницах своего сочинения пиктов, скоттов, англов, саксов, ютов, данов и, естественно, бриттов,

²²⁰ Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. No. 16. P. 71–73.

обращая внимание сначала на границы их континентальных зон обитания, а затем показывает, как они расселялись и мигрировали в пределах новых островных территорий. Отношения между различными этносами складывались в основном под влиянием кровопролитных межрегиональных конфликтов и даже завоеваний, конец которым был положен Вильгельмом Нормандским, чье воцарение на английском троне открыло эру мирного сосуществования британских народов и во многом предопределило современный этнокультурный облик острова.²²¹ Важные с точки зрения Кэмдена мутации заканчиваются в XI в. При этом важнейший пласт этнополитического измерения британских островов обретает некую стабильную форму, а дальнейшее значимое с точки зрения Британии этнокультурное развитие начинает движение вглубь, отчетливее проявляясь на уровне региональных сообществ и мирков.

Генезис таких локальных сообществ британского архипелага со всей присущей им этнокультурной неповторимостью, подобно самой «Великой Британии», начинается с переселения континентальных племен и народов. Их проникновение на острова и в особенности неизбежная в таких случаях борьба за зоны расселения постепенно «срачивают» пришельцев и территории, которые они выбирают для последующего проживания. Очевидно, что последствия такого процесса расселения в представлении Кэмдена обретают двойную направленность: не только переселяющиеся племена начинают облагораживать территорию, превращая ее в более пригодную для обитания, но и территория постепенно начинает изменять облик пришельцев. Поскольку сама территория изначально воспринимается и как часть единого архипелага, и как гарант его же географического единства, то взаимовлияние первоначально разнородных племен и исторически объединенных в пределах островов территорий обуславливает новые формы этнокультурного единства. Отстаивая тезис такого потенциально становящегося единства, Кэмден, по всей видимости, не упускал из вида роднящие переселенцев германские корни.

Создавая панораму таких локальных сообществ, Кэмден со всей тщательностью собирает накопленный к тому времени материал. При этом его внимание привлекают не только центральные части британского архипелага, но и те территории, которые к моменту создания сочинения находились на периферии британской государственности. Рудольф Готфрид, изучивший все прижизненные издания «Британии», весьма убедительно показал, что ее ирландская часть значительно выросла по объему в конечной версии 1607 г.²²² При этом расширилась не только и без того богатая наблюдениями исходная часть материала, но и усилились ее основные

²²¹ *Camden W. Britannia...* Sig.C7v.

²²² *Gottfried R. The Early Development of the Section on Ireland in Camden's Britannia // English Literary History. 1943. Vol. 10. No. 2. P. 117–130.*

акценты. Кэмдена, по всей видимости, интересовала возможная связь, известная еще со времен Гильды, которая увязывала в единое целое исконных обитателей зеленого острова и его ближайших соседей, а самое главное — подчеркивала их многосторонние контакты. Именно скотты ирландского побережья, генетически восходившие к так называемым истинным скоттам,²²³ населявшим западные и восточные районы Шотландии, в ходе этнокультурного обмена способствовали распространению оседлого образа жизни и внедрению ранее неизвестных жителям Далриады форм ведения хозяйства. При этом не менее важной оказывалась связь, роднившая всем известных лоуллендеров с саксами, обитавшими в северных и центральных частях основного островного архипелага.²²⁴ Гэльская часть населения британских островов с незапамятных времен вполне достойно уживалась с англоговорящими соседями. Связь, которую Кэмден последовательно пытался установить между различными племенами и этносами архипелага, играла ведущую роль в сознании историка как решающая в формировании общей картины многоликого британского единства.

Локальный мир, который раскрывался перед читателем во второй части «Британии» был кульминацией повествования и, очевидно, его этнокультурное многообразие фиксировало в сознании Кэмдена итог исторического развития архипелага. «Свернутый» структурой топографического описания, он с легкостью «разворачивался» читателем, блистая своей колоритной вертикалью. Прочный каркас этнополитического единства британцев, воссозданный в первой части произведения, обеспечивал известную стабильность их этнокультурного многообразия. Германские племена, переселившиеся в Британию, облагораживая для себя ее территорию, оказались во власти ее региональных измерений — прошлого и настоящего.

Между прошлым и настоящим продолжала сохраняться неразрывная связь, определявшая культурную память валлийцев, шотландцев, ирландцев и англичан — с одной стороны, и их переселившихся с континента предков — с другой. Думается, что желание продемонстрировать подобного рода преемственность заставляло Кэмдена искать наиболее адекватные формы ее текстуального воплощения. В этом смысле локальный мир британских островов и его описание выстраивались Кэмденом одновременно в двух плоскостях, открывавших перспективу современного самому автору и ретроспективного измерения.

С учетом двух ракурсов восприятия определялись координаты локального пространства, и затем очерчивались его зримые границы. Заимствованный у Птолемея и Антонина материал позволял восстановить исходные точки в его бифокальном изображении. Римские названия городов и населенных пунктов оказывались всего лишь началом более широкой

²²³ Ibid. Sig.D5r.

²²⁴ Ibid. Sig.D6v.

реконструкции. Перед любознательным путешественником одновременно раскрывались, пока еще в тексте,²²⁵ два параллельно существующих в воображении измерения.²²⁶ Отобранный у римских авторов материал позволял восстановить названия более 300 топонимов, содержательное значение которых сначала дешифровывалось до известных кельтских названий, которые расписывались в соответствии с восемнадцатью известными в доримский период территориальными объединениями. Затем осуществлялся поиск современных аналогий, и такого рода идентификация позволяла реконструировать находившийся в распоряжении историка материал до уровня известного в конце XVI в. административно-территориального деления.²²⁷ Своеобразное напластование двух временных срезов позволяло Кэмдену беспрепятственно погружать читателя в атмосферу как раннего средневековья, так и современного ему настоящего. За каждым названием, либо умело дешифрованным до кельтского субстрата, либо доведенным до привычного каждому состояния, скрывался теперь уже понятный прием. Погружая читателя в прошлое, Кэмден, очевидно, надеялся продемонстрировать становящееся единство в его этнополитическом измерении. Приподнимая любопытствующего до уровня настоящего, он, видимо, рассчитывал получить обратный эффект — заставить увидеть порожденное этим единством многообразие.

Достаточно сложно судить, насколько предлагаемые Кэмденом маршруты путешествий по островам архипелага были опробованы им лично. Судя по всему, приводимая во второй части «Британии» информация была почерпнута из вторых рук, но суммарный эффект таким образом собранных сведений не становился менее значительным. Потрясающие своей фундированностью экскурсы в историю городов, расположенных на их территории достопримечательностей, описание нравов и обычаев отдельных графств, характерных для них систем местного самоуправления и институтов — все высвечивало продолжающее сохранять исходную форму единство и множасьшее на его фоне многообразие. Британия оказывалась одновременно и объединенным германской в основе историей архипелагом, и совокупностью неповторимых в своем современном облике территорий.

²²⁵ Речь идет о том, что начиная с издания 1594 г. в повествовательную структуру произведения начинают внедряться карты отдельных графств и территорий, количество которых уже достигает 39 в издании 1607 года. Исходным материалом служил в основном атлас Сакстона, а в посмертных изданиях «Британии» — уже под влиянием учеников Кэмдена — и Спида. Карты, как известно, визуализировали принципы описания локально-ограниченного пространства у Кэмдена. См.: *Collinson P. One of Us. William Camden and the Making of History // Transactions of Royal Historical Society. 6th series. 1998. No. 8. P. 139–164; Klein B. Maps and the Writing of Space in Early Modern England and Ireland. Basingstoke, 2001. P. 63–65.*

²²⁶ *Rockett W. Historical Topography and British History in Camden's Britannia // Renaissance and Reformation. 1990. Vol. 14. P. 77–78.*

²²⁷ *Camden W. Britannia... Sig.H3r, L4r, Hh7r.*

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ, ИЛИ РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О БРИТАНСКОМ КОНСТАНТИНЕ

Культ исторического факта, почитавшийся антиквариями чуть ли не исключительным элементом последовательной реконструкции прошлого, обязывал каждого из них критически относиться к всевозможным вымыслам и легендам. Переоценивая вклад предшественников, формировавших различные ракурсы национальной истории, они, тем не менее, с завидной настойчивостью изымали из «научного» обихода только ту часть суждений и свидетельств современников, которые, как им казалось, разрушали «объективное» видение истории.

Границы «объективного», как правило, оказывались подвижными: создаваемый антикварием текст неизменно подчинялся определенной задаче. Заведомо продуманные и «заложённые» в текст концепты должны были воскрешать в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, далее — определенные переживания, и только потом — возможные умозаклучения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антикварии тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых ими текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, но ограничивалась господствующими стереотипами. Целостность образов и предопределенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и — что самое главное — предопределяла потенциальные ракурсы умозаклучений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием и контролировавшим задаваемый тип исторической памяти.

Наиболее характерными для англичан конца XVI — первой половины XVII в. были три типа исторической памяти,²²⁸ механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся в связи с римской историей ассоциации и параллели не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также преем-

²²⁸ English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956; Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino, 1967; Shapiro B. J. A Culture of Fact. England, 1550–1720. Cambridge, 2003.

ственность в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв. Склонявшиеся чаще всего к известному компромиссу, антикварианты стремились к контекстуализации прошлого с использованием романизирующих и германизирующих национальную историю концептов. Там, где подобный синтез не разделял, а формировал национальную идентичность, критический настрой в отношении различного рода свидетельств и суждений очевидцев заметно ослабевал и отходил на второй план.

Среди организующих национальную историю концептов легендам о «британском Константине»²²⁹ и «св. Елене»²³⁰ антикварианты отводили особую роль. Оформившиеся в качестве самостоятельных преданий еще в раннее средневековье, обе легенды постепенно были объединены, и уже в первой половине XVI в. активно эксплуатировались английскими интеллектуалами для легитимации имперских притязаний раннетюдоровской монархии.²³¹ Сохранявшиеся вплоть до правления Елизаветы разночтения в целостном изложении содержания обеих легенд были преодолены благодаря усилиям Уильяма Кэмдена, максимально эпитомизировавшего их сосуществование в исторических текстах,²³² и Джеймса Ашера, очевидно, поставившего точку в дружественных препирательствах его авторитетного английского коллеги и не менее известного Юстаса Липсиуса.²³³

Кэмденовский вариант единого прочтения двух средневековых легенд выглядел следующим образом: «Когда Диоклетиан и Максимиан отстрелились от власти, тогда избрали Констанция Хлора императором, до этого

²²⁹ *Linder A.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagigraphic Commemoration. Spoleto, 1928; *Mulligan W.* The British Constantine: an English Historical Myth // *The Journal of Medieval and Renaissance Studies*. Vol. 8. No. 2. 1978. P. 257–279.

²³⁰ *Drijvers J.* Helena Augusta, the Mother of Constantine the Great and the Legend of Finding the True Cross. Groningen, 1992; *Harbus A.* Helena of Britain: the Medieval Legend. L., 2002.

²³¹ *Koebner R.* «The Imperial Crown of this Realm»: Henry VIII, Constantine the Great, and Polydore Vergil // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Vol. 26. 1953. P. 29–53; *Scarisbrick J.* Henry VIII. London, 1968. P. 267–273.

²³² *Camden W.* Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. L., 1586. Sig.D.2r.

²³³ De patria Constantini Magni, et matris ejus Helenae, variae et discrepantes authorum sententiae: quam alii Britanniam, alii Galliam, alii Bithyniam, nonnulli etiam Daciam fuisse volunt: Gullielmi Camdeni et Justus Lipsii de Britannica Constantini origine amica concertatio // *Usserio J.* Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates // *The Whole Works of Most Rev. James Ussher, D.D., Lord Archbishop of Armagh and Primate of Ireland*. 20 Vols. Dublin, 1886–1887. Vol. 5. P. 228–280.

времени управлявшего государством в титуле цезаря, и тогда ему принадлежали Италия, Африка, Испания, Франция и Британия, но затем Италия и Африка стали провинциями Галерия, а Констанцию надлежало управлять оставшимися. Этот Константин, в то время, пока служил в Британии... взял себе в жены Елену — дочь Коелиса, или Коелиуса, британского государя [возможно, ... “дочь небес или небесного божества”], и она родила ему в Британии благородного Константина [Великого]. И об этом, наряду с великим историописцем Баронием, единодушно свидетельствует мнение всех других историков за исключением одного или двух поздних греческих авторов, да и то следующих друг за другом и основывающихся на предвзятом отрывке из Матерна Фирмика. Несмотря на то, что все было именно так, Максимиан заставил Констанция дать ей развод с тем, чтобы взять в жены его дочь Феодору. И то была именно та Елена, которая в древних надписях за ее христианское благочестие, за очищение Иерусалима от идолов и за строительство прекрасной церкви на том месте, где наш Господь страдал, именовалась достопочтенной и благочестивой Августой, а за то, что она раскопала Истинный крест Иисуса — ее столь высоко почитают церковные авторы. И еще иудеи и язычники называют ее уничижительно *stabularia*, поскольку она (самая благочестивая государыня) обнаружила ясли, в которые положили новорожденного Христа и в том месте где они стояли, возвела храм...»²³⁴

Приведенное описание содержит практически все необходимые для целостного восприятия двух легенд конструкты. В отношении Константина, помимо указаний на позднеримский контекст его возвышения, как правило, исходный для традиции, идущей еще от Евсевия, в нем содержатся восходящие уже к британской составляющей тропы. Первый увязывает родственные связи Константина с его колчестерским дедом Коелом, второй локализует вслед за Альдхельмом островное место рождения будущего императора. В отношении Елены кэмденовский вариант прочтения легенды трансформирует характерный для позднеантичной традиции концепт, подчеркивавший неблагородный характер происхождения матери будущего императора, заменяя его уже более поздней британской версией. Очень сжато выстраивается событийная канва, высвечивающая типичные составляющие позднеантичных и раннесредневековых *«inventio»*; присутствует концепт ее почитания со стороны церкви и подданных и, наконец, подспудно — раннесредневековый троп о ее британском происхождении. Соединенные между собой различные версии прочтения двух легенд создавали необходимый Кэмдену конструкт, не оставляющий сомнений в том, что знаменитые мать и сын не только объединены их британским происхождением, но и детерминированы этой общностью в своих деяниях

²³⁴ *Camden W. Britannia... Sig.D.2r.*

и поступках. Уверенность автора в правоте и, должно быть, безупречности такой стратегии подкрепляется упоминанием о единодушном мнении других историков, персонифицированной ссылкой на авторитет Цезаря Барония²³⁵ и указанием на минимизированную в лице одного-двух греческих авторов оппозицию,²³⁶ опирающуюся в своих суждениях на сомнительный авторитет современника Константина — астролога и историка Юлия Матерна Фирмика.

Сконструированная Кэмденом единая легенда, объединявшая в себе различные версии, главным образом, средневековых преданий, была небезупречной с точки зрения ее исторической достоверности: слишком разноречивыми оказывались сформировавшие ее основное содержание тематические пласты. Кэмден, очевидно, ощущая определенную уязвимость своей конструкции, стремясь избежать возможной критики, ограничил круг интересовавших его источников, предпочтя более доступным позднеантичным памятникам рассредоточенные во времени и пространстве средневековые свидетельства. Смысловая канва представленной им версии оказалась своеобразным скоплением характерных для средневекового Запада заблуждений относительно этих двух известных персонажей.

Достаточно сложно судить о том, какая из двух легенд в представленной Кэмденом эпитомизированной версии преданий была исходной. Почти вся использованная антикварием средневековая традиция постоянно раздвигала смысловые и тематические границы обеих легенд и подчас весьма недвусмысленно объединяла характерные для каждой из них сюжеты. Тем не менее именно британский контекст преданий о Елене представляется нам все-таки если не исходным, то во всяком случае направляющим в последовательном развитии обеих легенд.²³⁷ Именно предание о матери Константина в значительно большей степени, чем легенда о ее знаменитом сыне, изменялось в зависимости от жанра излагавших его произведений, аудитории и даже исторических обстоятельств.

Основной и, должно быть, исходный текст, повествующий как о самом Константине, так и о его матери, принадлежавший Евсевию (*Vita*

²³⁵ *Baronius C. Annales Ecclesiastici*. 6 Vols. Cologne, 1609. Vol. 3. P. 394–396.

²³⁶ Достаточно трудно судить, о каких «греческих авторах» идет речь. Судя по комментариям Ашера, Кэмден, скорее всего, имеет в виду византийских историков Георгия Кедрена, автора *Compendium Historiarum* (XI в.), и Никифора Каллиста Ксанфопула, автора *Ecclesiasticae historiae* (XIV в.). См.: *Usserio J. Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates...* P. 234.

²³⁷ В пользу такого мнения говорят наблюдения, почерпнутые из работ Джеффри Аша, Мари-Франсуазы Аламишель и Аннона Линдера: *Ashe G. Mythology of British Isles*. L., 1990. P. 152–164; *Alamichel. La Légende de Sainte Hélène de Cynewylf à Evelyn Waugh* // *Études Anglaises*. Vol. 48. 1995. P. 306–318; *Linder A. The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration* // *Studi medievali*. 3d ser. Vol. 16. No. 1. 1975. P. 43–95.

Constantini. III. 42–47), оставался практически недоступным средневековым хронистам и интеллектуалам. Позиция Евсевия в этом вопросе прояснялась, притом лишь отчасти, благодаря переводу «Церковной истории», принадлежавшему перу Руфина. Продолжатели Евсевия (Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Кирский) привнесли в текст его истории отдельные пассажи из жизнеописания Константина (Vita Constantini. III. 47), в частности упоминания об Истинном кресте, найденном Еленой, но не более.²³⁸ Доступная и хорошо известная на Западе «История» Епифания,²³⁹ значительно эпитомизировавшая традицию продолжателей Евсевия, лишь воспроизводила в сокращенном виде версию предшественников, лишая средневековых авторов необходимых деталей.

Отсутствие детальных сведений о происхождении Константина и его матери как у Руфина, так и Епифания²⁴⁰ способствовало тому, что в последующих создаваемых уже средневековыми авторами описаниях оба персонажа свободно локализовались в различных географических областях, а их происхождение идентифицировалось в зависимости от этнополитических пристрастий и предрасположенностей. Так, Ашер, пытаясь разобраться в британских корнях Константина, защищая тем самым позицию Кэмдена от упреков Липсиуса, высказывает предположение, что представление об островном происхождении цезаря могло сформироваться под влиянием неверного прочтения известных панегириков, адресованных императору.²⁴¹

Речь идет об анонимном панегирике (XII), произнесенном осенью 313 г. в Августе Треверов, и панегирике (VII), приписываемом Евмению (31.03.307). В первом из них, как известно, содержится фраза: «Британия

²³⁸ *Socrates Scholasticus. Historia Ecclesiastica* / Ed. by R. Hussey. 3 Vols. Oxford, 1983. I.17. (русский перевод: *Сократ Схоластик. Церковная история*. М., 1996); *Sozomen. Historia Ecclesiastica* / Ed. by J. Bidez. Berlin, 1954. II.2.; *Feodortum, епископ Кирский. Церковная история*. М., 1993.

²³⁹ *Epiphanius Scolasticus. Historia Ecclesiastica Tripartita* / Ed. by W. Jacobs et al. Vienna, 1952.

²⁴⁰ Более подробно освещается вопрос о месте захоронения Елены: Евсевий полагает, что она умерла в Риме возрасте 80 лет почти сразу же после возвращения из паломничества в Палестину, но из его достаточно туманных фраз нельзя составить мнение о том, была ли она захоронена в вечном городе или нет (Vita Constantini. III.47). Сократ с достаточной долей определенности высказывается в пользу Константинополя. Средневековые историки обычно повторяют версию Сократа, поскольку именно она была исходной для широко известного на Западе Епифания. В настоящее время ученые, опираясь на известную для VI века Liber Pontificalis, содержащую биографии римских епископов, высказываются в пользу того, что для захоронения матери император Константин построил усыпальницу на Via Labicana, неподалеку от Рима. *Johnson M. Where Constantius and Helena buried // Latomus. Vol. 51. 1992. P. 145–150.*

²⁴¹ *Usserio J. Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates...* P. 232. — Текст панегириков доступен по изданию: *The Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini* / Ed. by C. Nixon & B. Rodgers. Berkeley, 1994.

счастливее теперь, чем многие другие земли, ей первой предначертано увидеть было Константина-цезаря», а во втором — намек на поход Констанция в Британию в 293–296 гг., в котором принимал участие Константин: «Он (очевидно, Константин. — С. Ф.) освободил Британию от рабства, ты еще и прославил их тем, что там занялась заря твоей власти».²⁴²

Обтекаемые формулировки риториков могли дать определенную почву для однозначных суждений о том, что и в случае утверждаемого первенства Британии во встрече с цезарем, и в случае принадлежавшей ей инициировавшей его власть перспективы, речь идет о вполне определенном, указывающем на британские корни Константина моменте, если бы не одно обстоятельство. Собранные ритором Пакатусом в 389 году латинские панегирики затем были утеряны и оставались неизвестными для западноевропейских интеллектуалов вплоть до 1433 г., когда их случайно обнаружили в одной из библиотек Майнца.²⁴³ К тому моменту, когда они были открыты заново, легенда о британском происхождении Елены и Константина уже широко бытовала как на Британских островах, так и на самом континенте. Тем не менее, наблюдение Ашера, указавшего в полемике Кэмдена и Липсиуса на возможный источник формирования самой легенды, не лишено оснований, поскольку, по меньшей мере, хотя бы англосаксонское историописание могло использовать заложенные в этих текстах неоднозначные формулировки и намеки для формирования особого этнополитического контекста.

Исследователи отмечают, что именно в англосаксонскую эпоху закладываются основы устной традиции, в рамках которой активно развивавшаяся в этот момент «ученая» литература проявляет значительный интерес к функционировавшим в рамках изустной традиции мифам и легендам. Очевидно, в это же время под влиянием неточного прочтения пассажей о месте рождения императора и его матери и не без характерного желания связать историю Британских островов с имперским контекстом могли оформиться смысловые границы и возникнуть локальный вариант предания о Елене и Константине.

Своеобразным организующим новую версию преданий мог стать содержащийся в ряде позднеантичных текстов пассаж, увязывавший определенные вехи жизни будущего императора с Йорком. Начиная с Гильды, британские историки тиражируют в своих сочинениях отрывки, свидетельствующие о праздновании в Йорке по случаю провозглашения Константина императором; этот же город фигурирует как место смерти его отца Констанция. Декларируемая связь постепенно начинает оказывать влияние на восприятие соответствующих сюжетов об Истинном кресте,

²⁴² The Panegyrici Latini... P. 566.

²⁴³ Witterbottom M. Panegyrici Latini / Ed. by A. Reynolds. L., 1987. P. 289.

известных по легенде о Елене, и способствует формированию своеобразного локального почитания святой.

Возникновение нортумбрийского культа Истинного креста и, очевидно, самой Елены косвенно подтверждают сохранившиеся на территории современного Дарема и Нортумберленда многочисленные каменные кресты,²⁴⁴ а также преобладание крестообразной символики на нортумбрийских монетах VI–IX вв.²⁴⁵ П. Гриссон и М. Блэкбурн отмечают значительные изменения в праздничной литургии: в церковный календарь инкорпорируются *Inventio* (3.05), *Exaltatio* (14.09) *Adoratio Crucis* (Страстная пятница)²⁴⁶ Беда упоминает о том, что во время одного из сражений (633) король Нортумбрии Освальд, следуя примеру Константина (имеется в виду видение Креста), воздвигает величественный деревянный крест, который впоследствии обретает целительную силу (III.2). Вводная за 885 г. запись в Англосаксонской хронике сообщает: «Папа Марин отослал (Альфреду, королю Уэссекса) великолепные подарки и фрагмент креста, на котором был распят Христос».²⁴⁷ Примерно же на это время приходится строительство церкви Креста Св. Елены в Келлоэ (Дарем), где один из витражей изображает сцену *inventio*.²⁴⁸

Интерес к легенде о Елене, спровоцировавший столь разнообразные явления, характеризовавшие культурную и религиозную составляющие духовной атмосферы северных королевств, способствовал ее дальнейшей популяризации среди оставшейся части населения Британских островов. Об этом свидетельствует многообразная гомилитическая литература, получившая распространение среди англосаксов. Речь идет о широко известных текстах «Обретение Истинного Креста» и поэме «Элена».²⁴⁹

«Обретение Истинного Креста» известно по двум полным версиям, первая из которых анонимна, вторая авторизированна Аэлфриком. Если анонимный вариант не содержит никаких упоминаний, позволяющих напрямую идентифицировать сюжет обретения с именем Елены, то автори-

²⁴⁴ Речь идет о полутора тысячах крестов, разбросанных по территории этих двух северных графств. *Cramp R. Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture. Vol. 1: County Durham and Northumberland. Oxford, 1984. P. 20.*

²⁴⁵ *Grierson P., Blackburn M. Medieval European Coinage. 13 Vols. Cambridge, 1991. Vol. I. P. 119–120, 158, 161, 170.*

²⁴⁶ *Biggs F. Inventio Sanctae Crucis // Sources for Anglo-Saxon Literary Culture: A Trial version / Ed. by F. Biggs et al. Binghampton, 1990. P. 12–13.*

²⁴⁷ *The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. by D. Dunville et al. Oxford, 1989. P. 161.*

²⁴⁸ *Lang J. The St Helena Cross Church, Kelloe, Co. Durham // Archaeologia Aeliana. 5th ser. Vol. 5. 1977. P. 115–119.* — А. Линдер приводит сведения о том, что праздники в честь Св. Елены уже с VIII в. распространяются на континенте.

²⁴⁹ *Finding of the True Cross / Ed. by M.-K. Bodden // The Old English Finding of the True Cross. Cambridge, 1987; Aelfric's The Finding of the Holy Cross // Aelfric Catholic Homilies. 2d ser. EETS. Vol. 5. L., 1979. P. 174–176 (пер. на англ. язык: Swanton M. Anglo-Saxon Prose. L., 1993. P. 114–121; Cynewulf's Elene / Ed. by P. Gradon. L., 1958.*

зированной версия уже недвусмысленно связывает основную канву деяний единолично с именем матери императора. При этом одна из промежуточных версий-фрагментов, вероятно, предшествующих переложению Аэлфрика, известная под названием «Видение Креста»²⁵⁰, по мнению М. Свантона, не только связана с нортумбрийской традицией почитания Креста, но и указывает на вполне определенные попытки неизвестного автора соединить этот культ с легендой о чудесной находке в Иерусалиме.²⁵¹

Поэма «Элена» любопытна тем, что в ее основу были положены популярные в раннее средневековье «Деяния Кириака», повествующие об истории Елены в Палестине, одним из основных персонажей-помощников которой был потомок первомученника Стефана Иуда Кириак. Строфы 69-192 воспроизводят восходящий к «Деяниям» текст²⁵², следы которого отсутствуют в авторизированной версии «Обретения Истинного Креста», что позволяет говорить о существовании в англосаксонский период двух, хотя и связанных сюжетно, но при этом генетически независимых версиях легенды. Первая из них восходила к текстам греческих и латинских авторов IV–V вв., а вторая, очевидно, может считаться уже средневековой по своему происхождению.²⁵³

Независимо от прочтения основного сюжета легенды, обе версии содержат важную для последующей рецепции составляющую. Обретенный Крест был, как известно, разделен Еленой на две части: одна была оставлена в Иерусалиме, а другая вместе с найденными гвоздями и титлом была отправлена в Константинополь. Часть константинопольского фрагмента была вмонтирована в посмертную статую Константина, а затем в виде уже более мелких фрагментов постепенно распространилась по территории Западной Европы. При этом Англия оставалась среди тех стран, для

²⁵⁰ Исследователи достаточно долго приписывали авторство «Видения» Кюневульф и, следовательно, датировали произведение концом IX в.

²⁵¹ Swanton M. Anglo-Saxon Prose. L., 1993. P. 39. — «...Но провели обо мне слуги господни...» — Видение Креста // Древнеанглийская поэзия / Пер. с древнеангл. В. Г. Тихомирова. М., 1982. 76–78 (С. 85). — В переводе В. Г. Тихомирова оригинальная часть «Видения» заканчивается 76-й строфой. При этом редактор перевода О. А. Смирницкая указывает на следующую за этой строфой «лакуну» в оригинальном тексте, которая по-разному заполнялась издателями и переводчиками. Следующая за «лакуной» часть текста, по замечанию редактора, долгое время считалась поздним дополнением: Древнеанглийская поэзия... С. 288.

²⁵² Alamichel M.-F. La Légend... P. 313. — Созомен, описывая сюжет обретения Креста, не упоминает о Кириаке (Hist.Eccl. II.1.4). В пользу того, что появление помощника у Елены является средневековой интерполяцией, говорит текст Григория Турского (Libri Historiarum. X.1. 36a). См. русский перевод: Турский Г. История франков. М., 1987. I.36 (С. 29–30).

²⁵³ Любопытные сведения о формировании сирийских версий легенды содержатся в: Пигулевская Н. В. Мартирий Кириака Иерусалимского // Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.

которых, несмотря на значительные усилия, фрагменты Истинного Креста оставались на протяжении всего средневековья недоступными.²⁵⁴ Очевидно, на этом фоне могли развиваться не только компенсирующие этот «недостаток» практики, стимулировавшие формирование и письменную фиксацию локальных культов, но и восполняющие его легенды.

Если в рамках гомилитической литературы развивалась и дополнялась сюжетная линия, конкретизировавшая составляющие миссии Елены в Палестине, то жанр историй, значительно более политизированный, акцентируя родственную и подвижническую связь Елены и Константина, постепенно переключается на поиски ответа о месте рождения самого императора и его матери.

Еще в конце VII в. настоятель Малмсберийского аббатства Альдхельм заканчивает работу над своим самым известным сочинением «*De Virginitate*», в котором уже присутствует британский фрагмент известной Кэмдену родословной императора.²⁵⁵ Жан-Поль Коллу считает, что Альдхельм использовал для своих построений материал латинских панегириков, очевидно, еще в то время не утерянных: его представление о британском происхождении римского императора могло возникнуть в результате их неправильного или поверхностного прочтения. Вполне вероятной была также произвольная транскрипция латинского «*Bithinia*» в более привычное — «*Britannia*».²⁵⁶

Возможна и иная версия, объясняющая появление в его тексте заветного для Кэмдена британского сюжета. Известно, что Альдхельм весьма энергично собирал материал, относящийся к крещению Константина, и склонялся к версии, что обряд над императором был совершен Сильвестром. Смысловые коннотации отдельных мест его «*De Virginitate*» свидетельствуют о том, что ему были знакомы «*Actus beati Silvestri*».²⁵⁷ Вполне возможно, что с текстом «Деяний» он познакомился во время годичного пребывания в школе Теодора и Адриана в Кентерберии, где особой популярностью пользовалась не только именно эта версия крещения императора, но и другие легенды, связанные с различными этапами его жизни.²⁵⁸ В част-

²⁵⁴ Версия о том, что фрагменты Истинного Креста были получены одним из уэссекских королев в IX в., остается недоказуемой.

²⁵⁵ «*Constantinus, Constantii filius in Britannia ex pelice Helena gentius*»: Aldhelmi Opera / Ed. by R. Ewald. Vol. XVI. Berlin, 1919. P. 302 (строки 20–21).

²⁵⁶ Callu J.-P. «*Ortus Constantini*»: Aspect historique de la légende // Constantini il Grande / Ed. G. Bonamente & F. Fisco. Macerata, 1990. P. 259.

²⁵⁷ Linder A. Myth of Constantine... P. 55; Sanctuarium sive vitae sanctorum / Ed. by B. Mombritus. Paris, 1910.

²⁵⁸ А. Линдер отмечает, что в последующем развитии объединенной версии легенды о Елене и Константине будет возрастать причинно-следственная связь, увязывающая предание о видении Креста Константином и о последующем обретении Истинного Креста Еленой в единое целое. При этом последовательно будет нарастать представление о том,

ности, речь идет о византийских вариантах трактовки легенды о месте рождения матери Константина: в «Глоссах» Теодора есть упоминание о «вдовствующей императрице Елене» и содержится epitoma ее поездки в Константинополь, отличающаяся в деталях от традиционных описаний авторов IV–VI вв. и напоминающая, скорее, ее византийские аналоги.²⁵⁹ Д. Бискофф полагает, что Теодор, очевидно, был в Константинополе и там, возможно, ему удалось зафиксировать ранее неизвестную версию о происхождении матери Константина и тем самым дать повод для последующих рассуждений о британском происхождении императора.²⁶⁰

«De Virginitate» был известен Бедe, который активно использовал его тексты в своей «Истории», но, очевидно, идея британского происхождения императора не вдохновляла историка,²⁶¹ и он ограничился упоминанием, что Константин умер на острове (1.8);²⁶² воспроизвел детали, раскрывающие факт захоронения Елены в Риме, привел сведения о переименовании ее родного города Дрепанума в Хеленополис.²⁶³ В конце IX — начале X в. «Церковная история» Беды была переведена Альфредом, и обновленный текст уже содержал указание на британскую родословную императора и его матери.²⁶⁴

Представленная Альфредом версия текста Беды не была буквальным переводом: ряд исследователей высказывает мнение, что Альфред адаптировал исходный текст к потребностям развивающейся монархии. Продви-

---

что «*visio*» естественным образом предопределило «*inventio*»: так связь сына и матери окажется божественно предопределенной. *Linder A. The Myth of Constantine...* P. 66.

²⁵⁹ О влиянии кантерберийской школы на Альдгейма см.: *Biblical Commentaries from the Canterbury School of Theodore and Hadrian* / Ed. by D. Bischoff & M. Lapidge. Cambridge, 1994. P. 395.

²⁶⁰ *Ibid.* P. 550. — В одной из таких византийских легенд прямо утверждается: «Constantinus, Constantii filius, ex concubine Helena in Britannia natus»: *Necrologium imperatorem et catalogus eorum sepulchrorum* / Ed. R. Cassi. Rome, 1933. P. 104. — А. П. Каждан полагает, что пик интереса к легенде в Византии приходится на начало IX в. *Kazdan A. «Constantine imaginaire»: Byzantine legends of the Ninth Century about Constantine the Great* // *Byzantion*. Vol. 57. 1987. P. 196–250. — Р. Скотт считает, что интерес к легенде возникает еще в VI в., и упоминаемая Кажданом «Хорография» Феофана в этом вопросе, во многом опиралась на тексты Иоанна Малалы: *Scott R. The Image of Constantine in Malalas and Theophanes* // *New Constantine: the Rhythm of Imperial Renewal in Byzantine, 4–13 Centuries* / Ed. by P. Magdalino et al. Aldershot, 1994. P. 57–71 (особенно: P. 59).

²⁶¹ Д. Стивенсон считает, что определенное «безразличие» Беды к Константину можно объяснить его глубоким интересом к фигуре Магнуса Максимуса, который правил Западом вплоть до 388 г.: в этом Беда следует Гильде. *Stevenson J. Constantine, St Aldheim and the Loathly Lady* // *Constantine: History, historiography...* P. 213.

²⁶² Прокопий, который первым намекает на британские корни императора, был недоступен Бедe.

²⁶³ *Bede: on Reckoning of Time*. Liverpool, 1999. P. 213.

²⁶⁴ *Whitlock D. The Old English Bede* // *Publications of the British Academy*. Vol. 48. 1962. P. 74.

гая идею о британском происхождении Константина, Альфред ссылается на Евтропия, который, по его мнению, первым упоминает, «что император Константин родился в Британии и наследовал королевство после смерти его отца».²⁶⁵ Придерживаясь интересовавшей его темы, переводчик, по всей видимости, сознательно трансформировал смысл исходного отрывка из Евтропия. С этой целью он использовал для передачи латинского «*creo*» (в тексте «*creatus*») и связанного с ним «*imperator*» древнеанглийский аналог «*acennan*» (в тексте «*acenned*»), употреблявшийся чаще всего в значении «родиться», а не в значении «назначить» или «избрать».²⁶⁶ Очень похожие смысловые метаморфозы претерпевает перевод исходного латинского значения «*concubina*», относящегося в тексте Евтропия к Елене: Альфред передает его древнеанглийским аналогом «*wif*», оставляя за ним присущую языку англосаксов семантику, подразумевающую «женщину вообще» или же «жену» как более частное значение. Другие англосаксонские описания Константина не содержат подобной ошибки, и, следовательно, версия Альфреда может считаться исходной в определении последующей перспективы уже нормандского историописания, как известно, широко использованного Кэмденом.²⁶⁷ При этом предложенная Альфредом версия перевода отрывка из Евтропия не только закладывала важнейший смысловой концепт в один из самых авторитетных англосаксонских текстов. Соприкасаясь с параллельно развивавшейся традицией почитания культа св. Елены и, в особенности, с различными версиями легенды об обретении креста и обращении Константина, она подспудно напоминала об их британских корнях.

²⁶⁵ The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. by T. Miller. 4 Vols. Oxford, 1980. I. VIII. Речь идет о достаточно вольном переложении отрывка (Eutropii Brev.X.2.1.2) «*verum Constantio mortuo Constantius ex jbscuriore matrimonio eius filius in Britannia creatus est imperator et in locum patris exoptatissimus moderator accessit*».

²⁶⁶ The Dictionary of Old English / Comp. by A. Healey et al. Toronto, 1994. Вводная статья «*acennan*».

²⁶⁷ Mulligan W. The British Constantine: an English Historical Myth // The Journal of Medieval and Renaissance Studies. Vol. 8. No. 2. 1978. P. 257–279.

Глава VI

ЗА ПРЕДЕЛАМИ АНТИКВАРНОГО ДИСКУРСА

АНГЛИЙСКИЕ ЛЕКСИКОГРАФЫ XV—XVII ВВ.

Область терминологических обобщений обладает завидной притягательной силой для историка, занятого реконструкцией социальных явлений прошлого. Связанная с необходимостью выравнивания по меньшей мере двух культурно-исторических контекстов — собственно реконструируемого и современного авторского, — она составляет исходную часть научных теорий и гипотез, но оказывается при этом наиболее уязвимой и открытой для последующей критики сферой исследовательского опыта.

Историк, вынужденный оперировать понятной для его времени и окружения терминологией, подчас «приподнимает» анализируемые явления над хронологической нишей, в рамках которой они функционировали. Так произошло в свое время со средневековым нобилитетом, который под влиянием определенных словообразовательных процессов постпетровской России был уподоблен русскоязычной аналогии «дворянство», лишь только в общих чертах отражавшей специфику западноевропейского материала.

История с использованием понятия «аристократия»²⁶⁸ для идентификации соответствующих реалий средневекового общества начинается, очевидно, на рубеже XVII—XVIII вв. с постепенного отказа от значения, закрепленного за ним еще Аристотелем, как известно, связывавшим его смысловые границы скорее с формой государственного правления, нежели со сферой социальных институтов общества.²⁶⁹ На смену отходящему в прошлое значению пришло сформулированное Ш. Монтескье определение с его главным акцентом на признаках социальной солидарности и группового иммунитета.²⁷⁰

²⁶⁸ Федоров С. Е. Раннепетровская аристократия: проблема дефиниций // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1999. С. 199–204.

²⁶⁹ Все возможные вариации аристотелевского видения аристократии исследованы: Доватур А. И. Политика и политики Аристотеля. М.; Л., 1965.

²⁷⁰ Речь идет об известной работе Монтескье «О духе законов» (De L'esprit des lois), в особенности кн. II, гл. IV; кн. III, гл. V; кн. V, гл. VIII. См.: Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. С. 22, 29, 52, 53.

Усвоенное западными историками XIX в., это значение легко адаптировалось в научном языке индустриального общества и затем весьма успешно интерполировалось для характеристики социальных процессов прошлого. Аристократия стала неотъемлемым элементом социальной системы западноевропейского общества как «старого порядка», так и того, что приходило ему на смену. Смысловой континуитет был в этом плане очевидным и бесспорным условием.

Русскоговорящий историк, пишущий о социальных реалиях европейского общества средних веков и раннего Нового времени, ориентируясь на опыт своих западных коллег, попадал под влияние характерных для их языковой практики смысловых параллелей. Он также отталкивался от значений термина, смысловые границы которого закрепились в конце XVIII в., и затем конструировал желаемые соответствия для более отдаленных эпох. Получаемая аналогия оказывалась близкой в общих чертах реалиям и понятной языку и культуре позапрошлого века, но, как представляется, не обязательно соответствовала значению, которые вкладывали в это понятие очевидцы реконструируемых реалий.

Помимо влияния, которое отечественная историческая наука испытывает, обобщая опыт западной историографии, определенную роль играют независимые по сути словообразовательные процессы, происходящие в русском языке. Активная «интернационализация» повседневной лексики, усилившаяся в первой половине XIX в., способствовала не только переносу, но и закреплению иноязычной практики. Так, уже в словаре В. И. Даля у термина «аристократия» значительно ослаблен античный контекст; при этом внутренняя структура новообразованного значения по аналогии с романскими и германскими параллелями существенно расширена.

Как следует из современных работ по истории аристократии дореформенной России, его содержание вобрало в себя как традицию первой половины XVIII в., подразумевавшую под этой социальной группой «вельмож, знать, высших бояр, окольничих, высшее сословие по праву рождения, родовую знать», так и, по всей видимости, опыт конца XVIII — начала XIX в., когда понятие «аристократия» уже включало в себя «все дворянство вообще» или как минимум «дворянство титулованное (князья, графы) и знатнейшие столбовые роды». Тогда же выделяются дополнительные значения — «аристократия богатства» и «аристократия учености»: оказалось, что «во всяком сословии и звании могут быть своего рода аристократы, считающие себя от природы и без заслуг выше других». «Аристократы династии» утратили к этому времени свои позиции и влияние; к противоречиям потомков боярской знати в последнюю треть XVIII в., видимо, добавилось осознание собственной значимости «аристократов образо-

ванности и духа».²⁷¹ Общую схему описания аристократии настойчиво повторяют и современные словари русского языка, выделяя в качестве двух главных показателей «аристократизма» родовитость, а затем прилежитованность.

Англоязычная традиция использования термина «аристократия» в основных чертах соответствует общей логике развития отечественной. Определение Аристотеля постепенно утрачивает доминирующее значение в начале XIX в., уступая место толкованиям, связанным с представлениями Монтескье. Уже в словаре Д. Вуда²⁷² наблюдается четкая тенденция видеть в аристократии особым образом оформленную группу, по определенным признакам допускавшую ее отождествление со знатью или, во всяком случае, с ее титулованной частью; наметившиеся особенности в интерпретации основного значения понятия «аристократия» закрепляются и в наиболее авторитетном издании — Большом Оксфордском словаре английского языка.

Означает ли это, что современная историография настойчиво использует термин «аристократия», смысловой контур которого оформился уже в новое время, но отсутствовал как в пределах, очерченных античной греко-латиноязычной средой, так и в рамках, характерных для ученой культуры латинского средневековья?

Отсутствие в словарном запасе англичан первой половины XVII в. эквивалента французского «*aristocrate*»,²⁷³ введенного Монтескье и производного от него или собирательного «*aristocratie*», казалось, не смущало специалистов, вводивших такие научные определения аристократии,

²⁷¹ Аристократія // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981. Т. I. — Любопытные наблюдения над языковыми параллелями см.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. — Не менее показательны в этом плане языковые трансформации при переводе работ западных историков о дореформенной России для русскоязычной аудитории: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002 (пер. с англ. С. В. Житомирской); *Коллманн Н.* Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001 (перевод с англ. А. Б. Каменского).

²⁷² Nuttall's Standard Dictionary of the English Language, based on the Labors of the Most Eminent Lexicographers / Comp. by Rev. J. Wood. L., 1829.

²⁷³ Как показывают данные, приводимые в статье «aristocracy» Большого Оксфордского словаря английского языка, впервые понятие «аристократ» в его английском варианте было использовано Уильямом Белшэмом в 1789 г. См.: *Belsham W.* Essays, Philosophical, Historical and Literary. L., 1789–1791. Pt. II. XL. P. 473. — Далее последовательно: Уильямом Тэйлором в 1790 (*Robberds J.* A Memoir of the Life and Writing of W. Taylor of Norwich, Containing a Correspondence with Southey. L., 1843. Vol. 1. P. 69); Аптыром Янгом — в 1792 (*Young A.* Travels, Undertaking a View of Ascertaining the Cultivation of the Kingdom of France. London, 1792. P. 225); Эдмундом Берком — в 1793 (*Burke E.* Correspondence. London, 1844. Vol. IV. P. 151); Сэмюэлем Колриджем — в 1794 (*Coleridge S.* Essays on His Own Times; Forming a Second series of the Friend. L., 1834. P. 968).

которые, по существу, «реанимировали» явление через ретроспективный и гипотетически заданный набор признаков. Таковыми оказывались либо сумма критериев, соответствовавших реалиям начала позапрошлого столетия, либо параметры, бывшие результатом искусственного научного моделирования.

Предпочтение критериев, характерных для социального опыта XIX столетия, приводило к смещению необходимых акцентов, а попытки раскрыть смысл понятия «аристократия» через определенную синонимию с понятием «дворянство» естественным образом искажали факты.

Остальные закрепляемые за термином «аристократия» значения обычно зависели от специфики тех областей, на которых сосредоточивался научный интерес создававших эти значения историков. Многое определялось также группами источников, которыми оперировали ученые. Ряд отечественных специалистов (частично А. Н. Савин, более определенно — Е. А. Косминский, В. Ф. Семенов, С. И. Архангельский, В. М. Лавровский, М. А. Барг, Ю. М. Сапрыкин),²⁷⁴ равно как представители западной историографии (Р. Тоуни, Л. Стоун, Д. Кэрридж, Д. Хаббакук, Д. Буш),²⁷⁵ известные своими изысканиями в социально-экономической истории, видели в аристократии прежде всего крупных земельных собственников, располагавших иммунитетными привилегиями, достаточным материальным благополучием для поддержания соответствующего их статусу образа жизни. Х. Тревор-Ропер, Д. Повис²⁷⁶ расширяли состав аристократии за счет преуспевающего джентри, по экономическим показателям сопоставимого со знатью. Последователи историко-правовой школы (Д. Эллис,

²⁷⁴ Ни один из названных авторов никогда специально не писал о титулованной знати (дворянстве) или аристократии, но, описывая структуру английской деревни, затрагивая в этой связи проблему господствующего класса, они использовали эти термины в качестве синонимов, разнообразив оттенки определения крупных землевладельцев. Савин А. Н. 1) *Английская деревня в эпоху Тюдоров*. М., 1903; 2) *Английская секуляризация* М., 1906; Косминский Е. А. *Исследования по аграрной истории Англии XIII в.* М.; Л., 1947; Семенов В. Ф. *Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в.* М., 1949; Барг М. А. *Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М., 1960; Лавровский В. М. *Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв.* М., 1958; Архангельский С. И. *Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века*. М., 1960; Сапрыкин Ю. М. 1) *Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв.* М., 1959; 2) *Английское завоевание Ирландии XII–XVII вв.* М., 1982.

²⁷⁵ Tawney R. H. *The Agrarian Problem in the Sixteenth Century*. L., 1912; Stone L. *The Crisis of Aristocracy*. Oxford, 1965; Keridge E. *Agrarian Problems in the XVI Century and after*. L., 1969; Bush D. *The English Aristocracy. A Comparative Synthesis*. Manchester, 1984; Habakkuk H. 1) *English Landownership, 1680–1740* // *Economic History Review*. Vol. 10. 1940; 2) *The Rise of English Landed Families, 1600–1800* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th ser. Vol. 29–31. 1979–1981.

²⁷⁶ Trevor-Roper H. *The Gentry, 1540–1640* // *Economic History Review Supplement*. Vol. I. 1953; Powis J. *Aristocracy*. Oxford, 1984.

Р. Палмер)²⁷⁷ усматривали в аристократии главным образом титулованную знать, обладавшую в Англии известными сословными привилегиями.

Ученые, занятые изучением властных, или более широко — административно-государственных институтов, предпочитали рассматривать аристократию как политическую элиту, обладавшую преимущественно на осуществление в обществе особых полномочий господства.²⁷⁸ В том или ином варианте предлагаемые специалистами определения акцентировали существование особого рода признаков (крупная земельная собственность, пэрское право, доступ к властным полномочиям), сам факт присутствия которых мыслился решающим для выделения внутригрупповой связи.

Таким образом, каждая группа исследователей стремилась обосновать свое понимание аристократии, исходя при этом из специфической группы источников. Общим недостатком социально-экономического направления (за исключением работ Р. Тоуни) было пренебрежение или же выборочное (иногда просто тенденциозное) использование материалов культурно-исторического порядка, в том числе свидетельств самих современников. Можно говорить даже об определенной логике препарирования и последовательности приводимых иллюстраций. Для периода, предшествующего стюартовскому правлению, использовались классические трактаты Т. Старки, Т. Смита и Т. Уилсона, связанные между собой определенными концептуальными заимствованиями и характерной компилятивностью. Из авторов XVII в. доверием пользовались Т. Гоббс, Д. Гаррингтон, реже Д. Селден. Различия культурно-исторического плана, характерные для названных авторов, в этом случае не учитывались.²⁷⁹

Условность воссозданной таким образом системы «коллективных» представлений обеспечивала необходимую преемственность, облегчавшую «привязывание» основной модели социальной мобильности, в рамках которой кризис или упадок старой столичной тюдоровской аристократии был уравновешен притоком стремящегося к аноблированию провинциального джентри. Социальный баланс подкреплялся соответствующим анализом земельных институтов отмиравшей знати и скрупулезным исследованием владельческих приобретений теснивших ее деревенских джентльменов. Общий комплекс гарантий, позволявших отождествлять конкретных персонажей с аристократией, оставался незыблемым, а крупная земельная

²⁷⁷ *Palmer F. Peerage of England. L., 1976; Ellis G. Earldoms in Fee. A Study in Peerage Law and History. L., 1963.*

²⁷⁸ Наиболее показательным в этом плане является исследование Д. Эйллера: *Aylmer G. The Kings Servants. L., 1976.*

²⁷⁹ Более подробно о господствовавших среди современников взглядах на аристократию см.: Федоров С. Е. 1) *Honor Redivivus: риторика представлений современников о стюартовской аристократии* // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. 1998; 2) О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени. СПб., 2000. Вып. 2.

собственность была в этом случае решающим критерием для искомого соотношения.

Сторонники историко-правового направления использовали для своих построений юридические трактаты, сборники судебных решений, желая тем самым обосновать известное представление об аристократии как юридически оформленной группе. Наиболее ценным в такой интерпретации оказывалось положение, в рамках которого отчетливо высвечивался правовой барьер, разделявший английскую знать на две категории.

Пэрство, действительно, представляло собой в юридическом отношении более или менее независимую группу, положение которой отличалось от оставшейся части знати привилегиями, оформленными в виде норм пэрского права. Теоретическая часть этой концепции была отработана без видимых изъянов. Вместе с тем хорошо известно, что к началу стюартовского правления определенная часть этих привилегий стала простой формальностью и на практике просто не соблюдалась. Ряд пэрских иммунитетов действовал исключительно в период парламентской сессии. Условность использования юридических критериев, таким образом, также очевидна.

Функционалисты, или сторонники властного подхода, оказывались значительно ближе к истине, поскольку их выводы основывались на анализе источников, позволявших реконструировать культурно-исторический фон, в рамках которого функционировала раннестюартовская монархия, а их определение аристократии оказывалось созвучным тому смыслу, которые вкладывали в это понятие Аристотель и вся следовавшая за ним традиция. Особенностью такого подхода оказывалось то, что ни предшествующая, ни собственно раннестюартовская традиция употребления самого понятия их попросту не интересовала: кажущийся внешне объективным вывод был результатом применения современных функционалистских методик.

Применим ли термин «аристократия» для социальных реалий первой половины XVII в., существовала ли группа, за которой может быть закреплено то значение, которое видел в нем Монтескье и вся вторившая ему современная традиция, — это вопрос, ответ на который теряется в смысловом поле современных исследований. Если согласиться с Д. Повисом, полагавшим, что каждая эпоха создает свою аристократию, то поиск ответа оказывается еще более значимым.²⁸⁰

Раннестюартовская Англия была, несомненно, уникальным периодом в английской истории — в этом единодушны практически все занимавшиеся этой эпохой ученые. Неповторимость была порождением двух векторов исторической эволюции. С одной стороны, при Якове I и Карле I завершалась длительная эволюция средневековых социальных институтов,

²⁸⁰ Powis J. *Aristocracy*. Oxford, 1984. P. 7.

с другой — начиналось движение к групповым отношениям индустриального общества.

Социальные реалии, какими бы сложными они ни казались, обязательно утверждаются в терминах, при помощи которых современники обозначали характерное для эпохи видение предмета. Парадокс состоит в том, что лексикографическая традиция XVI–XVII вв., обобщенная и систематизированная ею сумма значений, за редким исключением продолжает оставаться уделом филологов и лингвистов. Современные методики препарирования обильного и разнообразного материала опубликованных источников, доступность архивных коллекций освобождают историков раннего Нового времени от необходимости общения со словарным материалом. Между тем именно в лексикографической традиции тех лет содержится полноценный информационный пласт, способный во многом пролить свет на любые явления социального порядка.²⁸¹ В особенности это касается лексиконов-словарей, составленных под непосредственным влиянием антикварной традиции тех лет и содержащих латинские термины и их английские эквиваленты. Именно эта группа источников, как представляется, отражает характерный для конца XVI–XVII вв. диапазон терминологических исканий составлявших их авторов и как нельзя лучше профилирует активный понятийный словарь эпохи. Англичанин, живший в этот период, был вынужден сопоставлять интересовавшие его значения с теми, которые носили нормативный характер для латинского средневековья.

Выделенные для анализа словари представлены двумя группами.²⁸² С одной стороны, это издания так называемого традиционного плана, включавшие в себя лексические единицы и их значения в общепринятом смысле. Опиравшиеся на длительную традицию использования тех или иных терминов, они фиксировали классическую норму, лексические корни которой уходили в латинскую культуру поздней античности и, в известной степени, раннего средневековья. С другой — это издания, целью которых, согласно предисловиям самих составителей, было отслеживание не только новых слов, но и ранее неизвестных значений, закрепившихся за старыми

²⁸¹ Федоров С. Е. Термин «аристократия» в толковании английских лексикографов конца XVI–XVII вв.: британский мир и греко-римская традиция // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2000. С. 346–350.

²⁸² Анализу были подвергнуты следующие бинарные словари, имевшие широкое хождение при Стюартах: *Rider. J. Bibliotheca Scholastica: A Double Dictionarie, Penned for All Those that Would Have with in Short Space the Use of Latine Tongue, either to Speak, or Write.* Oxford, 1589 (первое издание); *Holy-Oke Fr. Rider's Dictionary Corrected and Augmented.* L., 1649; *Phillips E. A New World of English Words, or A General Dictionary.* L., 1658; *Coles E. A Dictionary, English-Latine, and Latine-English.* 3rd ed. London, 1693; *Wase Ch. Dictionarium Minus: A Compendious Dictionary: English-Latine, and Latine-English.* L., 1662; *Young W. A New Latine-English Dictionaty: Containing all the Words Proper for Reading the Classic Writers... to which is Prefixed; a New English-Latine Dictionary.* L., 1664.

терминами в языковой практике XVI–XVII вв., то есть образующих так называемую неоклассическую норму. При отборе соответствующих словарей предпочтение отдавалась бинарным, содержащим как англо-латинские, так и латино-английские параллели. При таком подходе помимо решения основной задачи открывается дополнительная возможность зафиксировать вероятные разночтения, как известно, нередкие при односторонней передаче значений.

Анализ статей, представленных обеими группами словарей, показал единодушие их составителей по двум основным позициям. Все они указывают на греческое происхождение самого понятия «аристократия» («*aristocracy*») и связывают с ним особый вид государственного устройства. Предлагаемые латино-английские значения этого термина:

1. John Ryder (Rider): «a government by Nobles» (первое издание — 1585 г., третье издание — 1622);
2. Francis Holy-Oke: «a government by Nobles» (первое издание — 1649 г.);
3. Edward Phillips: «a government by the Commonwealth, wherein the Nobles bear chief sway» (первое издание — 1658 г.);
4. Christopher Wase: «a government by States or Lords» (первое издание — 1662 г.);
5. William Young: «a government by Nobles» (первое издание — 1664 г.);
6. Francis Gouldman: «a kind of government, wherein the Nobles do only rule» (первое издание — 1667 г.);
7. Elisa Cole: «a government by Nobles» (первое издание — 1668 г., третье издание — 1693).

В 1–3 и 5–7 вариантах термин «аристократия» соответствует форме государственного устройства, где власть принадлежит «nobles» — знати. Кристофер Вайс (1662) полагает, что при аристократическом правлении основные властные полномочия принадлежат лордам.

Следовало бы ожидать, что статьи, устанавливающие англо-латинские соответствия, будут идентичны латино-английским. Между тем в словарях Янга (1664) и Кола (1693) наряду с ожидаемым латинским значением «*aristocratia*» присутствует формула «*optimatum principatus*», и хотя соответствующее латинскому «*optimates*» английское значение передается все тем же «*nobles*», подобным разночтением вряд ли следует пренебрегать.

Обнаруженное расхождение получает объяснение при рассмотрении: во-первых, степени соответствия английского понятия «*nobles*» значениям, характерным для классической и неоклассической латыни; во-вторых, многообразия их обратных (английских) аналогов, приводимых в анализируемых словарях; в-третьих, точности передачи в английских эквивалентах смысла аристотелевского понимания аристократии.

Словарные статьи, воспроизводящие классическую норму, отражены в таблице I. Лексический аппарат, представленный составителями, содержит указание на источник толкования. Все авторы воспроизводят соответствие английского «noble» (благородный) четырем латинским значениям: *nobilis* — *generosus* — *insignis* — *magnificus*. Они обозначены в таблицах латинскими буквами а — b — c — d. В свою очередь каждое из представленных значений имеет свои обратные (английские) аналогии, которые по смыслу поясняют, характерные для основного значения оттенки (арабские цифры). В комплексе представленные в таблицах соответствия отражают синонимический запас англичанина конца XVI–XVII вв., ориентированный на использование как старых, так и новых эквивалентов.

Таблица I

nobilis^a	generosus^b	insignis^c	magnificus^d
noble ¹ (Ap.; C.)*	outstanding ¹ (Q.; C.; Su.)	remarkable ¹ (Su.)	magnificent ¹ (Cs.; C.)
glorious ² (C.)	distinguished ² (C.)	great ² (C.)	glorious ² (L.; Nep.; Sl.)
illustrious ³ (C.)	superior ³ (C.)	prominent ³ (Su.)	famous ³ (L.; Nep.; Sl.)
notorious ⁴ (Pj.)	noble ⁴ (Q.)	exceptional ⁴ (C.)	highly elevated ⁴ (C., T.)
outstanding ⁵ (C.)	magnanimious ⁵ (Q.)	brilliant ⁵ (C., H.)	noble ⁵ (C.)
superior ⁶ (C.; Sen.)		uncommon ⁶ (C.)	superior ⁶ (PM.)
distinguished ⁷ (C.; Sen.)		unprecedented ⁷ (C.)	distinguished ⁷ (PM.)
		noble ⁸ (C.)	outstanding ⁸ (C.)

* *Ap.* — *Apulajus Modauensis*; *C.* — *M. Tullius Cicero*; *Cs.* — *C. Julius Caesar*; *H.* — *Q. Horatius Flaccus*; *L.* — *Ti Livius*; *Nep.* — *Cornelius Nepos*; *Pj.* — *C. Plinius Caecilius Secundus (Junior)*; *PM.* — *C. Plinius Caecilius Secundus (Major)*; *Q.* — *M. Fabius Quintilianus*; *Sen.* — *M. Annaneus Seneca*; *Sl.* — *C. Sallustius Crispus*; *Su.* — *G. Suetonius Tranquillus*; *T.* — *C. Cornelius Tacitus*.

Попытаемся выделить основные подгруппы представленных в таблицах определений. В первую подгруппу вошли синонимы с наиболее устойчивым значением. *Noble* (*a*¹; *b*⁴; *c*⁸ и *d*⁵); *superior* (*a*⁶; *b*³; *d*⁶); *distinguished* (*a*⁷; *b*²; *d*⁷); *outstanding* (*a*⁵; *b*¹; *d*⁸). Вторая группа представлена словом *glorious* (*a*²; *d*²). Все остальные определения встречаются однократно и могут быть отнесены к разряду специфических значений, при помощи которых англичане, должно быть, стремились разнообразить смысл анализируемого понятия. В общем виде эти значения представлены в таблице II:

Таблица II

nobilis	generosus	insignis	magnificus
notorious	magnanimious	remarkable	magnificent
illustrious		great	famous
		prominent	highly elevated
		exceptional	
		brilliant	
		uncommon	
		unprecedented	

Все устойчивые значения (*noble, superior, distinguished, outstanding, glorious*) подчеркивают инаковость, если не исключительность nobles, профилируют их происхождение (*noble, glorious*) и занимаемое в обществе положение (*superior, distinguished, outstanding*).

Специфические значения относятся к характеристике качеств, главный смысл которых связан с оценкой различных форм общественно-полезных деяний и поступков. Палитра значений здесь особенно разнообразна и отражает положительную реакцию на оцениваемое действие — восхищение, преклонение и как результат — сосредоточение на природе добродетели и объединение совершившего поступок с идеальными, достойными подражания личностями.

Представленные в таблицах I–II аналогии значений четко профилируют средневековую концепцию знатности, в рамках которой смысловыми доминантами оказывались благородное происхождение, в обязательном порядке обрекавшее nobles на доблестные и в этом смысле добродетельные поступки. Господствовавшее представление о «профессии» знатного человека напрямую связывало их природу с несением военной службы.

Среди классических авторов, на которых при иллюстрации значений более всего опираются составители словарей, несомненное первенство принадлежит Цицерону.²⁸³ Достаточно сложно судить о том, на какие конкретные сочинения Цицерона опирались составители словарей, поскольку в анализируемых текстах нет привычного ссылочного аппарата. Очевидно, что они были в целом знакомы с его взглядами на римскую знать: общий смысл и историко-культурный контекст характерных для него высказываний о римском нобилитете демонстрируют приводимые в статьях значения. По всей видимости, древний оратор почитался в качестве неоспоримого авторитета в этом вопросе.

Цицерон действительно оставил после себя многое из того, что проливает свет на проблему римского нобилитета. Ему принадлежит единственный сохранившийся фрагмент (*Mur. 15–16*), по которому уже совре-

²⁸³ О взглядах Цицерона более подробно см.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

менные исследователи реконструируют общее представление о социально-должностных границах римской знати²⁸⁴.

Комментируя этот фрагмент А. Афелиус отмечал, что точка зрения Цицерона отразила результат длительного эволюционного процесса римского общества, выразившийся в постепенном повышении рубежа знатности. Известно, что в III–II вв. до н. э. он начинался с курульного эдилитета, а в I в. до н. э. установился на уровне консулата.²⁸⁵ П. Брант пишет о преобладании консуляров в кругу курульной знати, и хотя особые права знати на консулат не были легализованы, право потомственных полководцев на первенство признавалась без особых формальностей.²⁸⁶

Очевидно, что у английских авторов, писавших на эту тему в конце XVI — начале XVII в., высказывания Цицерона о римском нобилитете согласовывались с историко-культурным контекстом, в котором конструировались характерные для позднеримской и стюартовской эпох значения, в особенности та их часть, которая касалась вопросов благородного происхождения и функций, которые знать могла исполнять в обществе.

Должно быть, в римском нобилитете угадывалась не только группа черт, наделявших его высочайшим престижем. Безусловно, близким оказывалось положение знати, обеспечивавшее ей политическое доминирование, границы которого широко выходили за пределы консулата и не ограни-

²⁸⁴ Речь идет о тексте, воспроизводящем общую канву избирательной борьбы за консулат (63 г. до н. э.) между патрицием Сервием Сульпицием Руфом и плебеем Луцием Лицинием Муреной. Потерпевший поражение Сульпиций обвинил соперника в подкупе избирателей и предъявил иск. Последовало разбирательство. В ходе судебного поединка Сульпиций неодобрительно высказался о происхождении соперника. Цицерон, отстаивавший в свою очередь интересы Мурены, следуя традиции, должен был не только отстоять достоинство и честь семьи подзащитного. Ему надлежало сравнить фамильный престиж обоих претендентов. Мурена, как известно, насчитывал за собой несколько поколений преторов. Цицерон, определяя семью этого круга, использовал для их характеристики эпитет «славные». Он признавал также знатность (*nobilitas*) Сульпиция, несмотря на то, что консулярных предков Руфа можно было отыскать лишь в древних анналах. Известно, что дед Сульпиция был сенатором, а отец — всадником. Как отмечает Н. Н. Трухина, во времена Цицерона курульный эдилитет (*Plan. 7*) и, по всей видимости, преторство (*Fam. X. 26; I. 7, 8*) были доступны незнатным соискателям (более подробно см. в: *Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 33–40*). Так, например, на выборных комициях курульных эдилов заслуги предков не играли решающей роли. Напротив, незнатные консулы появлялись очень редко. Так, например, за период 195–63 гг. до н. э. Цицерон указывает только на шестерых сыновей всадников, ставших консулами (*Mur. 17; Ver. II. 5, 181*). То же самое можно увидеть в речи за Фонтя (*Font. 41*). Восхваляя род подзащитного, Цицерон не употребляет определения «знатный», несмотря на длинный ряд претур этой фамилии. Известно, что незнатностью попрекали Октавиана, будущего императора Августа, сына претора (*Cic. Phil. III. 15*).

²⁸⁵ *Afzelius A. Zur definition der romischen Nobilitat vor der Zeit Ciceros // Classica et Medievalia. 1945. Vol. 7. S. 42.*

²⁸⁶ *Braunt P. Nobilitas et novitas // Journal of Roman Studies. 1982. Vol. 72. P. 34.*

чивались полномочиями этой высшей магистратуры. Схожим виделись и мощные рычаги неформального влияния, обеспечивающегося хорошо организованными клиентеллами и связями гостеприимства. Складывалось впечатление, что оба историко-культурных варианта знатности имели общие формы. При этом происхождение служило и в том и другом случае гарантией для доступа к принятию политических решений, обеспечивая тем самым необходимые условия для господства.

Неоклассические понятия выделены в тексте статей либо курсивом (Холи-Оук, Филлипс, Кол), либо их значения указаны сразу же за классическими формами, рядом с которыми, как отмечалось, присутствует указание на соответствующие источники. Для английского *noble* по-прежнему характерны четыре основных аналога — *nobilis* — *generosus* — *insignis* — *magnificus*. Соответствующие им в свою очередь обратные синонимы выглядят более скудными по сравнению с теми, которые устанавливались для классической традиции.

Таблица III

nobilis^a	generosus^b	insignis^c	magnificus^d
noble ¹	gentile ¹	noble ¹	noble ¹
high-born ²	outstanding ²		superior ²
outstanding ³	pure-bred ³		distinguished ³
superior ⁴	superior ⁴		
distinguished ⁵	noble ⁵		

Совпадения значений, встречающихся в колонках, относятся к английским *noble* (*a*¹; *b*⁵; *c*¹; *d*¹); *superior* (*a*⁴; *b*⁴; *d*²); *outstanding* (*a*³; *b*²); *distinguished* (*a*⁵; *d*³). Остальные образуют ряд специфических значений (*high-born*; *gentile*; *pure-bred*). Совпадающие определения (*noble*, *superior*, *outstanding*, *distinguished*) повторяют схему, характерную для уже рассмотренных классических аналогий. Это, несомненно, активная часть словаря XVII в., в котором наиболее характерные значения свидетельствуют о преобладании в восприятии определения *nobles*. Однако спектр специфических значений, которые углубляют или профилируют указанные понятия, отвечает другим целям. Если в рамках классических аналогий наблюдалось большее разнообразие в акцентировке различных свойств и добродетелей адресатов, то неоклассическая аналогия заостряет те моменты, которые характерным образом выделяют свойства, связанные со статусным положением человека и его происхождением.

Как представляется, подобное несоответствие классических и неоклассических понятий было связано с изменениями, которые уже произошли в знатной среде на протяжении XVI в. или все еще набирали силу в XVII в. как в самой Англии, так и на континенте. По мнению большинства ученых,

процесс, связанный с инфляцией средневековых ценностей, привел, как известно, к потере интереса благородного сословия к военной «профессии». Сохранявшаяся традиция придворных рыцарских турниров лишь еще больше углубляла несоответствие между отживавшими свой век ценностями и новыми веяниями. Несмотря на то, что знать активно включалась в перипетии придворной жизни, ее вербально-ментальный комплекс в целом оставался консервативным. Старые общепринятые понятия продолжали функционировать, но уже в рамках иного смыслового пространства, предполагавшего, как правило, другую иерархию приоритетов.

Это был сдвиг, который смещал принципиальные моменты в традиционной схеме понятий, применявшихся к знати. Подобные изменения и были отмечены составителями анализируемых словарей, не избежавшими в стремлении к точности известной разбалансировки характерного для средневековья соотношения понятий, связанных с доблестями и происхождением.

Смещению основной нагрузки на принцип родовитости способствовали настроения внутри благородного сословия. Знать, которая имела далеко не равные возможности вести придворный образ жизни, предпочитала отстаивать те ценности, внутренний смысл которых оказывался независимым и неизменным. В этом значении идея благородного происхождения по-прежнему оставалась, как писал М. Картер, «цитаделью знати». Все понятия, связанные с качеством и протяженностью родословной, сохраняли особый смысл и важнейшую социальную функцию, которые всегда могли стать неоспоримым аргументом и превратиться в почти непреодолимый барьер, разделявший общество на благородных и неблагородных, знатных и незнатных.

В этой связи мы бы хотели вернуться к отмеченному несоответствию, которое было обнаружено в словарях Кола и Янга при передаче бинарной транскрипции «*aristocratia*». Известно, что «*optimates*» представляли собой наиболее влиятельную, консервативно настроенную часть римских сенаторов, которая вела затяжную борьбу за власть с «*populares*», отстаивавшими демократические интересы. В этой связи становится понятным, почему Кол и Янг, выпустившие свои словари во второй половине XVII в., сохранив общую схему передачи латино-английских значений, предпочли уточнить обратную передачу перевода, дав наряду с ожидаемым «*aristocratia*» второе значение — «*optimatum principatus*». Никто другой, а именно оптиматы еще в римской традиции ассоциировались с наилучшими. Именно они были отпрысками древних родов, и на том основании противопоставляли себя неродовитым соотечественникам — популяриям. Возникающая аналогия выглядела по меньшей мере привлекательной для любого лексикографа, тем более что связываемые с нею ассоциации могли быть напрямую связаны с оценкой опыта минувших для англичан гражданских войн середины столетия.

Ассоциации оказывались не единственным аргументом, допускавшим подобное уточнение. Значения, поясняющие классическое и неоклассическое содержание термина «аристократия», как было отмечено выше, отличались в расстановке соответствующих акцентов, выделяя ту или иную из двух характеристик английского «nobles» — происхождения и добродетелей. Классическая модель содержала необходимый, если не минимальный набор емких определений, профилировавших представление о родословной «nobles». Палитра терминов, дававших оценку их «профессиональной» активности, была значительно более красочной. Неоклассическая модель оказывалась близкой по насыщенности связанных с нею значений с тем, что вкладывалось Коллом и Янгом в понятие «optimates» и подспудно предполагало наличие «populares». В этом смысле формула «optimatum principatus» содержала необходимый акцент, смысловые границы которого позволяли зафиксировать формальные признаки тех изменений, которые произошли в коллективных представлениях самой английской знати и писавших на эту тему авторов в XVI — первой половине XVII в.

Нет оснований сомневаться, что составители словарей исходили в определении основного смысла понятия «aristocracy» из предложенной в свое время Аристотелем формулы, в соответствии с которой аристократия — это форма государственного устройства, где власть осуществляется «наилучшими» людьми. Таковыми, по определению лексикографов, оказывались те, кто фигурирует в анализируемых словарях под понятием «nobles». Значительно менее определенным кажется соответствие между второй частью аристотелевской формулы, где расшифровывается смысл того, что он вкладывал в понятие наилучших.

Известно, что чаще всего Аристотель склонялся к тому, чтобы говорить о них как о наиболее добродетельных, отдавая, таким образом, предпочтение деятельному началу. Однако, как следует из предлагаемых словарями значений, объем определений, характеризовавших социальную активность «nobles», — значительный в классических формулах, сокращался в заменивших их неоклассических конструкциях. На первом плане оказывалась сумма значений, обозначающих собственно статический элемент — происхождение.

Наследие Аристотеля даже сейчас не всегда оценивается однозначно. Можно ли рассчитывать на то, что в конце XVI–XVII вв. ряд предложенных философом формулировок мог истолковываться по-разному? Скорее всего, следует дать положительный ответ. Даже в группе анализируемых словарей дается несколько, хотя и в основном схожих, но все-таки в частности различающихся определений «аристократии». По-разному воспринимали Аристотеля и те англичане, которые жили и творили раньше или почти одновременно с составителями словарных статей.

Так, Т. Элиот (1531) полагал, что «аристократией... в английском переводе... следует считать правление мужей высочайшего нрава и намерений». Т. Нортон (1561) констатировал, что аристократия — это «правление наилучших и вместе с тем избранных мужей»; Г. Булингер (1571) считал, что в таковой следует видеть «высочайшую власть немногих, умудренных опытом мужей»; Ф. Холланд (1603) подчеркивал: «аристократиями называются те государства, которыми управляют ... сенат или другой совет, состоящий из наилучших мужей»; Т. Корьят (1611) видел в ней «форму правления благородных»; Т. Гоббс (1651) писал об аристократии как о государственном строе, «где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из остальной массы».²⁸⁷

Отечественный антиковед А. И. Доватур²⁸⁸ пишет, что Аристотель не скрывал своей симпатии к такому строю, где полнота гражданских прав принадлежит людям, способным вооружиться за свой счет. Воины и земледельцы были для него полярными элементами того государственного строя, который считался аристократическим. Первые имели возможность совершенствоваться добродетелью, поскольку земледельцы, организуя производство, обеспечивали им необходимый для этих целей досуг. Состарившись, то есть потеряв физические способности активно заниматься и совершенствоваться в военном искусстве, эти воины становились мудрецами, которые формировали аристократические советы. Именно поэтому для Аристотеля аристократия функционирует за счет группы добродетельных людей, подобно тому как существование монархической формы правления определяет один добродетельный муж. При аристократии почетные должности распределялись в соответствии с добродетелью и достоинством. Аристократический строй если не назван лучшим, то оказывается близким политическому идеалу Аристотеля.

«Наилучшие» и то представление о них, которое было заложено аристотелевской формулой, оказывалось даже в условиях греко-римской культурной общности все-таки достаточно условным понятием. Если идея

²⁸⁷ Ссылки на этих авторов есть в Большом Оксфордском словаре английского языка. Приводимые в статье «aristocracy» выдержки из текстов были уточнены по следующим изданиям: *Elyot T. The Booke named the Governour* / Ed. by F. Watson. L., 1908. P. 9; *[Norton T.] Calvin's Institution of Christian Religion* / Tr. by T. Norton. L., 1578. P. 11; *Bullinger T. Fiftie Godlie... Sermons Divided into Five Decades* / Tr. by H. I. L., 1592. P. 169; *[Holland Ph.] Plutarch's Philosophie, Commonlie Called the Natural History* / Tr. by Ph. Holland. L., 1601. P. 72; *Coryat T. Coryat's Crudities; Hastily Gobled up in Five Moneths Travels*. L., 1611. P. 390; *Hobbes T. The Art of Rhetoric, with a Discourse of the Laws of England*. L., 1679. P. 435. — Достаточно близкое определение аристократии можно обнаружить и в «Левиафане» (1651 год): «...аристократия, где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из основной массы...» *Гоббс Т. Сочинения*. Т. 1–2. М., 1991. Т. 2. С. 149.

²⁸⁸ *Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля*. М.; Л., 1965. С. 70, 75, 77, 89.

господства независимо от исторического контекста имела вполне определенный смысл, то есть была своеобразной константой, то социальный портрет носителей властных полномочий обладал свойствами переменной. Следует сказать, что и сам Аристотель допускал подобные свойства «аристократов», характеризуя различные историко-локальные варианты этой формы государственного устройства. «Наилучшими», следовательно, оказывались те, кто считался таковыми в различные исторические эпохи. Столь подвижное, если не динамичное ощущение реальности обладало конструктивностью.

Выше было подчеркнуто, что каждый, считавшийся наилучшим, то есть благородным, обозначался при помощи английского эквивалента «*noble*», которому, в свою очередь, соответствовали латинские «*nobilis* — *generosus* — *insignis* — *magnificus*». Означает ли это, что носителями данных качеств оказывались последовательно римские нобили, средневековая знать, и затем нобилитет раннего Нового времени? Иными словами, закреплялись ли за этими терминами значения, связанные с конкретной групповой идентификацией?

Римские авторы, на которых ссылаются английские лексикографы, использовали два взаимосвязанных понятия: они писали о нобилиях и о нобилитете, то есть о «*nobiles*» и «*nobilitas*». Понятие знатности в римском обществе этимологически соответствовало тому, что связывалось по смыслу с известностью. Знатным был тот, кого хорошо знали и на этом основании выделяли из общей массы. Знатность была наследственной и поэтому не ставилась в зависимость от личных заслуг. Нобилиями считались отпрыски знатных родов, еще не исполнявшие каких-либо должностей: они были узнаваемы благодаря известности их именитых предшественников. Внешним атрибутом знатности служили маски курульных предков.²⁸⁹

Знатность оказывалась, таким образом, не только ценностью, признаваемой обществом, но и определенной характеристикой, обозначающей социальное пространство. Оставив в стороне сложности, связанные с идентификацией римского нобилитета и нижнего предела знатности, отметим, что его границы оставались подвижными. Можно ли упрекнуть английских лексикографов в том, что, воспроизводя классические определения, они перенесли римскую практику, сделав ее достоянием британского средневековья? Была ли выведенная ими синонимия значений «*noble*» всего лишь римской калькой?

Английское значение «*noble*», как следует из текстов словарных статей, конституировало собирательный смысл понятия «*nobility*», которому соответствовало добавочное отмеченное Вайсом значение «*lords*». В свою оче-

²⁸⁹ Gelzer M. The Roman Nobility. Oxford, 1969; Brunt P. Nobilitas et novitas // Journal of Roman Studies. 1982. Vol. 72.

редь два последних понятия транскрибировались латинским эквивалентом «*nobilitas*» и «*domini*» соответственно. Значение «*nobilitas*», как следует из рассматриваемых словарей, было представлено двумя смысловыми кальками римского происхождения — «*nobilitas*» и «*nobilitas nova*». В структуре «*domini*» словари выделяют три категории: «*domini titularii*», «*domini honorarii*» и просто «*domini*». Соответствия, устанавливаемые в рамках бинарных статей, раскрывают состав каждой из указанных категорий. «*Domini titularii*» образуются за счет владельцев традиционных титулов, таких как герцог (*dux*), маркиз (*marchio*), граф (*comes*), виконт (*vicecomes*), барон (*baro*). «*Domini honorarii*» включают в себя обладателей почетных титулов, среди которых — баронет (*baruncullus [baronettus]*), рыцарь ордена Подвязки (*eques auratae periscelidis*), рыцарь ордена Бани (*eques balnei*), очевидно, рыцарь, облаченный в золотые доспехи (*eques auratus*) и просто рыцарь (*eques*); особ, занимавших высшие государственные должности, среди которых фигурируют сенешаль (*seneschallus*), лорд-казначей (*quaestorum fiscalium primaries*), вице-казначей (*quaestor fiscalis*), лорд-камергер (*cubicullarius*); «*domini*» — только эсквайров (*armigeros*).

Между «*nobilitas*», включая ее подгруппы (*nobilitas*, *nobilitas nova*), и установленными в словарях категориями «*domini*» существуют определенные соответствия. Целиком по горизонтали совпадают значения *nobilitas* — *domini titularii* — *domini honorarii* — *domini*. К *nobilitas nova* составители словарей относят исключительно почетный титул баронета (*baruncullus* или *baronettus*), как известно, учрежденный Яковом I Стюартом.

Означало ли это, что, обособляя учрежденное в 1611 г.²⁹⁰ новое достоинство, англичане, и вслед за ними составители словарей, тяготели к воспроизведению старой, уходящей своими корнями в классическое средневековые формулы благородного сообщества? Было ли в этом смысле их сознание консервативно?

Действительно, устанавливаемые в словарях соответствия на первый взгляд отражают наиболее традиционное представление о групповом срезе английской знати, подразумевавшее акцент на ее границах. Очевидно, что в общественном сознании англичан того времени по-прежнему важным оставалось не столько верное и исчерпывающее представление о внутреннем составе группы, сколько правильное распознавание образующих ее конфигурацию конечных элементов. В этом смысле герцоги и эсквайры, издавна занимая полярные позиции во внутrigрупповой вертикали, обозначали контуры этих границ. Социальный статус каждого из них отвечал

²⁹⁰ На этот год приходится учреждение достоинства баронета только для англичан; для шотландцев и ирландцев аналогичные порядки были учреждены в 1619 и 1622 гг., соответственно.

декларируемым обществом критериям знатности и воспроизводил, таким образом, типичную для средневековья схему благородного сообщества.

Однако кажущаяся консервативность на деле оборачивалась скрытой игрой. Внутригрупповая вертикаль, обрисованная составителями словарей, содержит несколько непривычную для ученой лексики тех лет категорию «*eques*». Известно, что этот термин, означавший буквально «всадник», применялся для характеристики очень узкой прослойки средневекового рыцарства, но вышел из употребления на рубеже XI–XII вв., уступив по популярности более гибкому «*miles*».²⁹¹

В возрождении этого архаичного по своей сути понятия можно усмотреть помимо стилизации, характерной для лексикографической традиции тех лет, определенный концептуальный смысл. Знакомство составителей словарей с текстами Цицерона и других латинских авторов могло, как представляется, порождать ассоциации, стимулировавшие не только прямые заимствования (вроде уже отмеченного противостояния оптиматов и популяриев), но и смысловые параллели типа «*senatores — equites*», обусловленные ощущением зыбкости нижней границы благородного сообщества. В этом смысле используемая в словарях категория «*eques*» приобретала вполне определенный смысл и могла выполнять конструктивную системообразующую функцию, а самое главное — переставала быть непривычной. Ее использование было рассчитано на то, чтобы оправдать возникающий при описании структуры почетных титулов смысловой оборот, обозначавший смещение традиционных акцентов в чисто средневековом отношении к знатности и видоизменявший нижний контур благородного сообщества.

Верхний предел знатности оставался незыблемым, зато нижний несколько поднимался. Игра слов оказывалась преднамеренной, а искажение прежней картины — очевидным. Появление «всадника», потенциально восседавшего на коне, подразумевало не только оруженосца, потенциально шедшего рядом, но и контраст между ними.²⁹² Римская по форме, но сред-

²⁹¹ Более подробно об этом: *Batany J. Du bellator au chevalier dans le schéma des trios orders // Actes du 100-e Congrès national des sociétés savants. Paris, 1976. P. 24–36.*

²⁹² Известно, что после нормандского завоевания параллель конного и пешего строя акцентировалась не только самими благородными (см.: *Green J. The Aristocracy of Norman England. Cambridge, 2001. P. 10–11*), но и некоторыми историками (*Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History / Ed. by M. Chibnall. 6 Vols. Oxford Medieval Texts. Oxford, 1969–1980. Vol. II. P. 74, Vol. III. P. 126, 176*). Очевидно, что навыки определенной части рыцарства вести бой верхом, помимо чисто технической стороны, имели далеко идущие социальные коннотации (*The Status of the Norman Knight // War and Government in the Middle Ages / Ed. by J. Gillingham. Woodbridge, 1984. P. 18–32*). Престиж конного рыцаря был безусловным: судя по всему, именно «всадники» приравнивались в сознании современников к тем, кто владел достаточными для поддержания определенного образа жизни земельными комплексами (более подробно об этом в интересных наблюдениях

невековая по своей сути ассоциация оказывалась не только зримой, но и концептуально важной.

Эсквайры, прежде разделявшие с рыцарями единый пакет привилегий, обособлялись таким образом в самостоятельную категорию. Грань между ними, прежде условная, акцентировалась теперь в, казалось бы, формальном разведении тех, кто носил почетные титулы, и тех, кто таковых не имел. Не теряя своей связи с «*nobilitas*», оруженосцы — «*armigeri*», очевидно, обретали менее значимое положение. Если учесть, что с конца XVI в. напряжение в определении статуса рыцарства и эсквайров было максимальным, то наше предположение может оказаться вполне оправданным.

Определенная дисквалификация прежнего статуса эсквайров усиливалась при помощи двух незамысловатых приемов, которые лексикографы использовали при дальнейшем описании структуры почетных достоинств и должностей. Расписывая структуру английского рыцарства, лексикографы следуют уже отмеченным принципам. Противопоставляя по-прежнему метафоры конного и пешего строя, они отказываются от употребления понятий «рыцарь-знаменосец» и «рыцарь-бакалавр», имевших, как известно, двойную коннотацию. Тем не менее, стремясь сохранить традиционные пропорции, они переименовывают позиции, отводившиеся прежде бакалавру и знаменосцу, на «*eques*» и «*eques auratus*» соответственно. Очевидно, что в реальной жизни знаменосец вряд ли мог позволить себе украшенные золотом доспехи, но акцентированный дорогостоящий атрибут²⁹³ был, пожалуй, единственным средством, позволявшим лексикографам сохранить известную каждому иерархичность и, что было не менее важным, удержаться в рамках доступных латинских аналогий.

Если понятие «*eques auratus*» могло быть воспринято как слишком архаичное и отчасти искусственное, то две следующие друг за другом позиции, обозначенные как «*eques balnei*» и «*eques auratae periscelidis*», были исключительно нововведением. Известно, что рыцарские ордена Бани и Подвязки появились тогда, когда латинская транскрипция перестала быть общеобязательной нормой, и новые явления именовались с использованием ресурсов национальных языков. Насколько нам известно, латинские аналоги, приводимые в словарях, на практике никогда не озвучивались и не использовались: вариант архаизированной транскрипции мог нести в этой связи лишь сугубо концептуальное значение.

Очевидно, последовательное использование понятия «*eques*» для обозначения различных категорий английского рыцарства означало попытку

Д. Флеминга: *Fleming D. Landholding by Milites in Domesday Book: A Reversion* // *Anglo-Norman Studies*. Vol. 13. 1991. P. 83–98).

²⁹³ О значении дорогостоящих доспехов для социальных определений того времени см.: *Morillo S. Warfare under the Anglo-Norman Kings, 1066–1135*. Woodbridge, 1994; *Crouch D. The Image of Aristocracy in Britain, 1000–1300*. L., 1992. Ch. 4, 6–7.

уточнить аморфную с точки зрения границ категорию «*miles*» и, должно быть, окончательно развести ее и еще более размытую в социальном плане «*armiger*». Определенное значение также могла иметь функция, связанная с потребностью усилить акцент на групповой консолидации, характерный для разобранных выше оттенков самой «*nobilitas*».

Стремление к актуализации консолидирующих благородное сообщество начал типично и для структуры должностей, вошедших в состав категории «*domini honorarii*». Если приводимые составителями словарей разряды английского рыцарства выглядят более или менее исчерпывающе, то список должностей оказывается далеко неполным. Три из них, а именно должность лорда-камергера, лорда-казначея, вице-казначея, — приведены в точном соответствии с римскими кальками.

Должность сенешаля,²⁹⁴ не имея прямых римских аналогий, тем не менее с легкостью вписывается в определяемый контекст. На протяжении всего средневековья эти посты занимали исключительно представители титулованной знати и выходцы из рыцарской среды, противостоявшие более многочисленным эсквайрам. Судя по всему, отбор должностей, указанных в словарных статьях, был осуществлен с учетом тех же соображений, которыми руководствовались составители словарей, заменяя традиционное понятие «*miles*» на архаичное «*eques*».

Означало ли это, что обособливаемая таким образом группа знати наделялась в сознании современников условными групповыми признаками? Угадывался ли в ней аналог аристократии Нового времени, иными словами, осуществлялся ли в связи с этим переход к формуле, предложенной Монтескье?

Античная формула аристократии в ее оригинальном варианте, как уже отмечалось, допускала незначительные вариации со вторым элементом самого определения. Даже Аристотель не исключал известные расхождения в толковании этого феномена. Очевидно, содержащиеся в словарях уточнения не меняли общего смысла предложенного им определения, но, обозначившиеся на рубеже XVI–XVII вв., они означали конкретизацию смысла аристотелевского определения аристократии с учетом специфического историко-культурного контекста. В этом смысле англичане, а вслед за ними и обобщавшие ситуацию лексикографы, очевидно, стремились распознать или уже распознавали контуры этого явления, выделяя его

²⁹⁴ Относительно соответствия этого понятия английским реалиям могут возникать парные ассоциации. Помимо того, что в эпоху классического средневековья должность сенешаля сохранялась, существовали определенные аналогии с учрежденным на рубеже XIII–XIV вв. постом лорда-гофмаршала. Какая из этих аналогий доминировала в описаниях лексикографов, судить не берусь. Более подробно об этом см.: Федоров С. Е., Кондратьев С. В., Питулько Г. Н. Англия XVII века: Социoproфессиональные группы и общество. СПб., 1997. С. 18.

на фоне социальных институтов позднестюартовского — раннестюартовского общества.

Частично видоизмененная структура второго элемента аристотелевского определения — собственно «наилучших», должно быть, отражала вполне распространившееся к концу XVI–XVII вв. убеждение, что далеко не вся знать наделялась властными полномочиями.²⁹⁵ Возможно, правомочия эсквайров уже серьезным образом оспаривались, а прежняя общая функция знати в обществе дифференцировалась.

ШОТЛАНДСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Первым официальным свидетельством, подтверждающим желание Карла короноваться в Шотландии, служит его письмо, адресованное Тайному совету в Эдинбурге и датированное 17 августом 1625 г.²⁹⁶ С момента первого упоминания об этом событии и до самой церемонии прошло без малого восемь лет. Срок, даже по тем временам, весьма значительный, если учитывать значимость планируемого события.

Историки редко задавались вопросом о причинах такой задержки и как следствие, не утруждали себя поиском возможных ответов. Все, что можно обнаружить на эту тему в современных исследованиях, ограничивается краткими указаниями на сложный характер взаимоотношений короля с пресвитерианским духовенством и всем известную бедность шотландцев.²⁹⁷

Казалось, следуя заветам своего отца, он должен был стремиться использовать это событие, с тем чтобы еще раз подтвердить особый статус Шотландии в рамках композитарной монархии, но, как представляется, его планы несколько расходились с определенными Унией корон задачами. В июле 1625 г. Карл объявил о начале ревокации, которая должна была сопровождаться массированным наступлением на сеньориальные привилегии шотландской знати.

²⁹⁵ Об этом см.: Федоров С. Е. 1) Английская титулованная знать и аристократия к началу правления династии Стюартов. СПб., 2003; 2) Ирландская титулованная знать и аристократия накануне смены династий (март–июль 1603) // Университетский историк. Альманах / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 2. С. 61–85; 3) Шотландская титулованная знать к моменту Унии корон // Актуальные проблемы всеобщей истории / Под ред. А. А. Егорова. Вып. 2. Ростов н/Д, 2003. С. 109–123.

²⁹⁶ The Register of the Privy Council of Scotland. Second series / Ed. by D. Masson. 8 Vols. Edinburgh, 1899–1908. Vol. II. P. 388–389 (далее — RPCS).

²⁹⁷ Обстоятельство, хотя и общеизвестное, но не бесспорное. Так, доходы британской короны в Шотландии в 1628 г. составили всего лишь 16 500 стерлингов (для сравнения Ирландия давала около 40000 £) — это весьма скромная даже по тем временам сумма. Однако уже в 1631 г. на долю шотландцев приходилась сумма в 620 000 £. Более подробно об этом: Stevenson D. Union, Revolution and Religion in 17th Century Scotland. Norfolk, 1997. P. 18–19.

Обычно монархия использовала политику ревокаций для того, чтобы восстановить справедливость, попранную, как правило, в период малолетства монарха. Знать чаще всего использовала его несовершеннолетие для продвижения своих земельных интересов. Именно в период регентств резко сокращались размеры королевского домена. Знать также в значительной степени узурпировала возможности земельного рынка. Ревокации служили, таким образом, традиционным средством возвращения незаконно отторгнутых или приобретенных нобилитетом земель.

Достаточно сложно судить о том, кто был реальным инициатором этого проекта. Так или иначе, но на момент кончины Якова I его наследник уже перешагнул рубеж совершеннолетия. В этом смысле традиционное назначение ревокаций, которое с успехом реализовал его отец, казалось неоправданным.

Противоречие со сложившейся практикой, казалось, не смущало Карла, руководствовавшегося вполне определенными соображениями. Объявляя о ревокации земель, он имел в виду владения светских магнатов, секуляризованных пресвитерианской церковью во второй половине XVI века и затем пущенных ею на вторичный земельный рынок. Желая восстановить справедливость, Карл не упускал из вида ни интересы короны, ни интересы самой церкви. Страдали только те владельцы, которые приобрели эту землю после секуляризации и среди которых представители старинных знатных родов занимали особое место.

Суть ревокации сводилась к тому, что формально весь приобретенный церковью земельный комплекс отходил короне. Ей же в перспективе предназначались все связанные с владениями второй руки платежи, часть из которых после их поступления в казну перераспределялась в виде дотаций к содержанию шотландского духовенства. Добавка к жалованию была значительной, и материальное благополучие клира увязывалось напрямую с земельным благополучием короны.

Ревокация считалась возмездным мероприятием, поскольку прежние владельцы получали денежную компенсацию. При этом каждый из них мог отказаться от возмещения и тем самым сохранить за собой прежний статус с той только разницей, что инициатива преемства оставалась за короной.

Ослабление владельческих позиций шотландской знати, получившей или приобретшей такую землю во второй половине XVI в., не исчерпывало намеченных планов. По большей части ревокации были подвергнуты земли, позволявшие магнатам контролировать выходившие за пределы их наследственных владений территории. Эти земли издревле служили «крепостью» для распространенных в Шотландии наследственных должностей шерифов и бейлифов. Даже при формальном отторжении этих земель корона приобретала право при необходимости упразднить сложившуюся

практику и назначать в органы местного самоуправления государственных чиновников.

Открывавшиеся таким образом перспективы обнажали истинное назначение ревокаций, поскольку корона не скрывала своих намерений использовать разрастающийся земельный рынок — с одной стороны, для финансового подчинения шотландской церкви, а с другой — для последующих выборов в местный парламент. При этом Карл форсировал намеченные мероприятия и, как представляется, надеялся на быстрый результат, полагая возможным приступить к одновременной подготовке к собственной коронации и парламентским выборам. Оба события должны были подчеркнуть особые отношения монархии с местной знатью и духовенством. Претензии Карла были очевидными, но намеченная им программа преобразований требовала специальной проработки. Плохо подготовленная и продуманная, она с самого начала столкнулась не только с недовольством шотландцев, но и с их решительным сопротивлением. В результате коронация и созыв первого с момента смерти Якова шотландского парламента неизбежно откладывались. Приезжать же в страну, которая, по его мнению, была лишена должного единства и покорности, Карл, очевидно, не желал.

Спустя три года после начала ревокаций идея Карла прибыть в шотландскую столицу для коронации вновь стала материализоваться. Земельная политика короны все еще была далека от успеха: доходы, поступавшие в казну, не оправдывали ожиданий. Подготовка к парламентским выборам затягивалась, поскольку сменившие наследственных шерифов и бейлифов государственные чиновники не находили общего языка с местной публикой. Только там, где корона утвердила прежних владельцев должностей, были заметны определенные сдвиги.²⁹⁸

В этих условиях Карл, очевидно, последовал совету Уильяма Лода, полагая, что возобновление переговоров о подготовке предстоящей коронации должно подстегнуть местную публику, после чего подготовка к созыву парламентской сессии закономерно ускорится. 1 августа 1627 г. в неофициальной беседе между королем и эдинбургским эмиссаром Джоном Фуллертоном был заново поднят вопрос о коронации. При этом в качестве возможного места для церемонии король назвал Сент-Джайлз.²⁹⁹ Намек

²⁹⁸ Сведения, позволявшие связать подготовку коронации с затянувшимися парламентскими выборами, оставались до недавнего времени недоступными для меня. Ситуация изменилась после публикации второго тома нового проекта наших шотландских коллег (руководитель — профессор К. Браун) по истории шотландского парламента: *The History of the Scottish Parliament. Vol. II: Parliament and Politics in Scotland, 1567–1707* / Ed. by R. M. Brown and A. J. Mann. Edinburgh, 2005. — В этом томе опубликована содержательная статья Джона Янга о парламенте 1633 (Р. 101–138), в которой значительная часть материала посвящена именно этому сюжету.

²⁹⁹ RPCS. Vol. II. P. 393.

был воспринят должным образом: отправленная Фуллертоном депеша дала основания графу Мару не только возобновить приготовления, но и учредить специальный комитет по проверке церковного здания на предмет его пригодности для проведения церемонии.³⁰⁰

В свое время считавшийся кафедральным, этот собор давно утратил свое прежнее значение, став, как считали современники, своеобразным символом пресвитерианства. Именно в нем были произнесены первые публичные проповеди Джона Нокса, именно он оказался одним из первых католических храмов, которые постигла участь перепланировки. Некогда величественная по внутреннему убранству центральная часть здания лишилась знаменитого алтаря и дубовых панелей; была разделена с севера и с юга перегородками, отвечавшими потребностям обосновавшихся при нем нескольких пресвитерианских общин.

«Зрелище было жалким», как признавался один из членов комитета, «но не безнадежным». Перегородки были сложены из местного камня, и их при желании можно было бы разобрать, но проведенная 27 августа инспекция дала все-таки неутешительный ответ.³⁰¹ Дело в том, что во время реконструкции храма по решению городского совета в его восточном пределе была устроена приходская школа. Для этих целей была использована, помимо прежнего святилища, значительная часть клироса. Состояние здания было таково, что одновременное размещение подмостков с необходимыми для коронации атрибутами и хора было невозможным.³⁰² Так звучали строки официального ответа, но за техническими сложностями, очевидно, скрывались и другие веские аргументы. Сент-Джайлз, помимо возможных ассоциаций с началом пресвитерианской реформации в Шотландии, располагался по ходу знаменитой Роял Майл — самой широкой улицы Эдинбурга. Ее размеры были неудобны не только для организации церемониального пространства коронационной процессии, но и для должного обеспечения ее безопасности. Общественное мнение в Шотландии осуждало женитьбу Карла на французской принцессе, а духовенство не разделяло его симпатий к англокатолицизму. Известное конфессиональное противостояние монарха и большинства его шотландских подданных было более чем очевидно.

³⁰⁰ В состав комитета вошли, помимо самого Мара, графы Хантингдон, Лодердейл, глава Герольдмейстерской палаты и руководитель департамента Королевских работ; церковь представлял архиепископ Сент-Эндрюсский. *RPCS. Vol. II. P. 381, 385, 387, 388–390, 490.*

³⁰¹ *RPCS. Vol. II. P. 405.*

³⁰² *Ibid. P. 391.* — В 1600 г. старая отделявшая школу от основной части здания стена была разобрана; построенная заново, она еще глубже вторглась в основную часть так называемой «Большой церкви», отвоевав часть центрального нефа вплоть до того места, где располагалась оставшаяся на своем месте епископская кафедра. *Lee C. J. St. Giles. Edinburgh, 1968. P. 119–120.*

Несмотря на результаты инспекции, члены комитета, решили отправить Карлу не только текст своего вердикта, но и подробную калькуляцию расходов на тот случай, если монарх будет упорствовать в своем желании провести церемонию именно в Сент-Джайлз. По их предварительным расчетам, требуемая реконструкция восточного предела храма потребует от казны сумму, равную 12 000 £.³⁰³

Нам не удалось найти свидетельств реакции Карла ни на доводы комитета, ни на представленную им сводку возможных расходов. Так или иначе, но в официальной переписке между Лондоном и Эдинбургом упоминания о Сент-Джайлзе как о желательном месте коронации становятся менее регулярными, а вскоре и вовсе исчезают.³⁰⁴ При этом с весны 1628 г. шотландская сторона возвращается к идее, которая осталась в свое время без внимания со стороны Карла, настаивая на проведении самого действия в небольшой церкви Холи-Кросс, располагавшейся в Холирудском аббатстве.³⁰⁵

Известная пауза в обсуждении места для церемонии была связана, как представляется, с тем, что внимание Карла переключилось на другую, связанную с нею проблему. Ему совместно с иерархами обеих церквей предстояло принять решение, по какому образцу следует организовать саму церемонию. Выбор был небольшим и подразумевал две возможности. С одной стороны, организаторы мероприятия могли использовать опыт Вестминстерских коронаций 1603 и 1626 гг., с другой — последовать другому примеру и провести церемонию согласно шотландской традиции.

Вестминстерские коронации Стюартов отличались между собой возрастающим влиянием англокатолицизма. Средневековые шотландские церемонии были с литургической точки зрения, не смотря на известные расхождения с континентальной практикой,³⁰⁶ сугубо католическими. Возможность компромисса осложнялась догматическими спорами между англиканским и пресвитерианским духовенством по обе стороны северной границы.

³⁰³ RPCS. Vol. II. P. 404.

³⁰⁴ Более подробно этот вопрос исследован в статье Дугала Иллоу: Shaw D. St. Giles' Church and Charles I's Coronation visit to Scotland // *Historical Research*. Vol. 77. No. 198. 2004. P. 481–502.

³⁰⁵ Дело в том, что члены Тайного совета изначально выражали опасения относительно целесообразности выбора Карла, полагая, что Холи-Кросс, где в свое время короновали Анну Датскую, место более подходящее для таких целей (RPCS. Vol. II. P. 389). О коронации Анны см.: Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 7. С. 53–60.

³⁰⁶ Р. Лайолл подчеркивает, что уже в классическое средневековье можно говорить о наличии двух литургических традиций или, как он пишет, «хореографий» — собственно шотландской и римской или континентальной. См.: Lyall R. The Medieval Scottish Coronation // *Innes Review*. Vol. XXVIII. 1977. No. 1. P. 3–21.

Судя по всему, осознавая беспрецедентность предстоящей церемонии, Карл обратился одновременно за советом к двум авторитетам в области литургики. Он написал Джону Споттисвуду, занявшему к тому времени архиепископскую кафедру в Сент-Эндрюзе,³⁰⁷ и пригласил для консультации Уильяма Лода, будущего архиепископа Кентерберийского, главного вдохновителя литургических новаций коронации 1626 г. Особое задание получили шотландский Тайный совет и, очевидно, Герольдмейстерская коллегия.

В личных бумагах Споттисвуда есть небольшой набросок, содержащий извлечения из *Liber Regalis*, снабженные краткими комментариями.³⁰⁸ Судя по всему, это могла быть одна из черновых или промежуточных версий отосланного Карлу окончательного варианта литургического сценария, до сей поры не обнаруженного. Текст комментариев касался в основном тех моментов литургического действия, которые, по мнению архиепископа, противоречили сложившейся в Шотландии к началу XVII в. практике. Речь шла в основном о последовательности антифонов и литаний, языке службы, облачении церковных иерархов во время самой церемонии, коленопреклонении, помазании и причащении, кратности и формы самого помазания. Очевидно, предложенный архиепископом вариант был ориентирован на известный компромисс английской и шотландской традиций.

Лод, находившийся среди ближайшего окружения монарха, пользовавшийся доверием Карла, очевидно, не оказывал давления на его консультации с шотландским архиепископом и держался в стороне. Его мнение стало, однако, решающим или, по крайней мере, было принято к сведению на последней стадии подготовки, когда был утвержден окончательный вариант коронационного порядка.³⁰⁹ Что же касается позиции Тайного совета в Эдинбурге, то, исполняя волю монарха, его члены обратились с просьбой составить необходимый обзор шотландских коронационных обрядов к сэру Джерому Линдси — главе Герольдмейстерской коллегии. Подготовленный

³⁰⁷ The Earl of Stirling Register of Royal Letters, 1615–1633 / Ed. by C. Rogers. 2 Vols. Edinburgh, 1885. Vol. I. P. 292.

³⁰⁸ A Brief out of Rites of Coronation called Liber Regalis. National Library of Scotland. Wod. Qu. XX. Fol. 58–62. — Мы благодарим нашего шотландского коллегу Джона Дугала Шоу за то, что он обратил наше внимание на этот документ и предоставил возможность ознакомиться с его содержанием.

³⁰⁹ Прямых доказательств участия Лода в работе по составлению окончательного регламента не сохранилось: все, что оказалось в нашем распоряжении, лишь косвенно указывает на эту связь. Должно быть, уже на начальной стадии переговоров Лод рассчитывал, что симпатии Карла будут на стороне английского обычая, и Карл попросту прибегнет к коронационному порядку 1626 г. Об этом свидетельствует в своих комментариях Роджер Твисден, автор одного из немногих детальных описаний коронации: [Twysden R.] Coronation of the Kings of Scotland: the Form of Coronation and Rights to Be Used Therein, Collected from Other Like Solemnities, Known to Have Been Used Either in This Kingdom or by Other Great Princes. (British Library. Stowe MS. 347. fol. 14–19).

обзор был рассмотрен на заседании совета и затем отослан в Лондон.³¹⁰ С этого момента и вплоть до самой коронации англичане и шотландцы, по всей вероятности, разграничили свои полномочия. Английская сторона сосредоточилась на разработке самой процессии и составлении окончательного регламента, а шотландская — на материализации этого проекта. Каким образом обе стороны постепенно реализовывали намеченный общими усилиями план, неизвестно, поскольку сведения об этой стадии подготовки обнаружить не удалось. Все, чем мы располагаем, относится уже к самой церемонии, а также ее различным описаниям.³¹¹

Составленная Линдси версия коронационного порядка отражает традиционные для раннестюартовских антиквариев методы работы с историческим материалом, обобщая известную только самому составителю традицию. Она опиралась, по всей видимости, на группу латинских протографов, идентифицировать которые лишь по очень краткому замечанию герольда,³¹² не представляется возможным.³¹³ По меньшей мере, о наличии одного из таких протографов говорят и заметки, оставленные архиепископом Споттисвудом, в которых упоминается некая «форма» («*forme*») и ее латинский эквивалент «*modus*».³¹⁴

Современному специалисту достаточно сложно судить о том, что представляли собой вдохновившие Линдси и Споттисвуда источники: слишком скудны сделанные каждым из них замечания. Тем не менее среди дошедших

³¹⁰ Обзор, подготовленный Линдси, представляет собой унифицированный регламент, отражающий, по всей видимости, наиболее важные рубрики, порядок которых сложился к середине XVI в. Текст этого регламента опубликован: RPCS. Vol. II. P. 393–395. — Сэр Джером Линдси в 1621–1630 гг. возглавлял Герольдмейстерскую коллегия Шотландии. Д. Бют, первым опубликовавший транскрипцию этого текста в своем исследовании, заблуждается, приписывая авторство сэру Джеймсу Бэлфуру (1590?–1657), сменившему Линдси на этом посту только после его смерти (*Bute John, 3d marquess of. Scottish Coronation. L., 1902. P. 299*).

³¹¹ Судя по всему, Д. Купер и уже упоминавшийся Д. Бют также не нашли документальных свидетельств, проливающих свет на эту часть мероприятий, поскольку в их работах, помимо общих рассуждений относительно тщательной подготовительной работы, иные иллюстрации происходившего отсутствуют. *Cooper. Rev. Four Scottish Coronations // Transactions of the Aberdeen Ecclesiological Society. Vol. MDCCCII (special issue). Aberdeen, 1902. P. 24–40. Bute J. Scottish Coronation. L., 1902. P. 63–70.*

³¹² В пользу такого вывода говорит одна фраза, предваряющая основной текст регламента: Линдси пишет, что он использовал «очень старую книгу, написанную на латыни». Такие книги как рукописные, так и печатные, — были широко распространены в средневековой Европе. Как правило, коллекционеры объединяли в одно целое различные документы, имеющие отношение к всевозможным ритуалам.

³¹³ Тем не менее интерес к регламенту Линдси был достаточно велик, и к настоящему времени сохранились несколько копий регламента, сделанных в 1630–1650-х гг. Речь идет о рукописях, хранящихся в коллегии герольдов в Лондоне (College of Arms MS. W.Y. fols. 235r–238r), Британской (British Library. Additional MSS. 35844. fols. 191r–192v) и Бодлеянской библиотеках (Bodleian Library. Selden supra MS. 90. 38r–44r).

³¹⁴ National Library of Scotland. Wod. Qu. XX. Fol. 58, 61, 62. (далее — NLS).

до нашего времени рукописных и печатных памятников есть материалы, позволяющие сделать определенные предположения относительно положенных в основу, по меньшей мере, высланного в Лондон коронационного регламента протографов.

Из всех сохранившихся к моменту составления этих двух документов средневековых регламентов самыми известными были коронационные порядки Александра III (1249) и Роберта II (1371). В фонде Адвокатской коллегии (Национальная библиотека Шотландии) сохранились две латинские рукописные версии порядка коронации Александра III, отличающиеся лишь изложением второстепенных деталей.³¹⁵ В том же фонде хранятся три рукописные копии порядка коронации Роберта II: одна — латинская, вторая, содержательно ей идентичная, написанная на шотландском диалекте,³¹⁶ наконец, третья, отличающаяся от предыдущей пространными интерполяциями.³¹⁷ Все версии этих средневековых регламентов принадлежали в свое время известному шотландскому герольду Джеймсу Бэлфуру, после смерти которого Адвокатская коллегия выкупила их в составе обширной коллекции шотландских рукописей XIII–XVII вв. у родственников герольда.

Наличие в коллекции рукописей известного герольда средневековых шотландских регламентов XIII–XIV вв. едва ли можно считать случайным, если учесть значимость состоявшегося в 1633 г. события и стремление шотландской стороны организовать церемонию в соответствии с традицией. Тем не менее, по справедливому замечанию Р. Лайолла, аутентичность этих коронационных порядков остается недоказанной, поскольку современная наука не располагает точными сведениями об источнике вдохновившего их составителя.³¹⁸

Трудности при их сопоставлении очевидны, а сам анализ осложняется, тем, что обе коронации восходят по существу к двум взаимосвязанным, но все-таки различающимся в деталях традициям. Дело в том, что после 1329 г. сама церемония коронации шотландских монархов претерпевает определенные изменения, поскольку папа Иоанн XXII не только признал право шотландской короны использовать процедуру помазания, но и преподнес в качестве дара ряд королевских регалий, обновив тем самым состав традиционной инвеституры и видоизменив текст произносимой будущим монархом клятвы.

Сложность в определении источника двух версий первого из сохранившихся регламентов кажется нам, тем не менее, вполне преодолимой,

³¹⁵ NLS. Adv. 33.2.26; 33.7.10. — Первая версия была в начале XIX в. опубликована в *Ancient Heraldic...* P. 36–38.

³¹⁶ NLS. Adv. 33.2.26. fol. 36r–42v. — Шотландский вариант опубликован: *Balfour James. Ancient Heraldic and Antiquarian Tracts.* Edinburgh, M. DCCC.XXXV. P. 36–42.

³¹⁷ NLS. Adv. 33.7.10.

³¹⁸ *Lyall R. The Medieval Scottish Coronation Service...* P. 3.

если в качестве отправного момента анализа использовать текст Фордуна, описавшего коронацию Александра III (1249).³¹⁹ Составляя его, Фордун, должно быть, отталкивался от известного только ему источника, до нас не дошедшего. О том, что находившийся в его распоряжении материал был хорошо отобран и систематизирован, свидетельствует структура самого повествования. Фордун или его информатор были прекрасно знакомы с тем, что принято называть рубриками порядка. Его рассказ можно разделить на десять содержательных разделов, которые, хотя и не полностью соответствовали рубрикам коронационного чина, все же отражали его основное содержание. Состав этих разделов универсален и, насколько нам известно, такая композиция основных этапов церемонии сохранялась вплоть до последней в Шотландии коронации 1567 г.³²⁰

Речь идет о собственно предворяющем коронацию избрании монарха сначала из числа более достойных, а затем, после Малколма III — с известными отклонениями от нормы — из числа родственников. Следующая за ним часть церемонии предполагала явление избранного таким образом «кандидата» перед народом. Обычно шотландские монархи появлялись перед таким собранием облаченные во все белое. Цвет символизировал невинность их помыслов, готовность защищать «общее дело» и интересы церкви.

Третья часть церемонии была связана с инаугурацией на символическом камне в Сконе. После того как Эдуард I вывез ритуальный камень в Англию, шотландцы использовали, согласно легендам, различного рода симулякры, но в конце концов восприняли континентальный вариант этой части процессии. Инаугурация сменялась клятвопринятием, содержащим, как правило, обещание соблюдать мир внутри королевства, пресекать усобицы и бороться с несправедливостью и, наконец, проявлять милосердие к подданным. Далее следовала процедура, предписывавшая присутствующим на церемонии «друзьям и последователям» собраться у трона. После чего в два этапа осуществлялась инвеститура. Королю вручали «белый жезл»-скипетр — источник Силы, а затем меч (после 1329 г. — меч Справедливости). Инвеститура сменялась декламацией родословной монарха. После чего следовало семикратное благословение. Завершалась церемония коронационным пиром и всеобщим гулянием.

³¹⁹ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri. 2 Vols. Edinburghi, 1752. Vol. I. P. 293–295 (Фордун); Vol. II. P. 80–83 (Бойэр).

³²⁰ Коронация Якова VI Шотландского была организована под очень сильным влиянием пресвитерианского духовенства. Описание коронации сохранилось в личных бумагах Бэлфура (Ancient Heraldic... P. 43–48). Фактически последней была коронация Анны Датской. Об этом подробнее: Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 7. С. 40–67.

Боуэр, снабдивший описание коронации Александра III некоторыми деталями, также следует разделам, вытекающим из описания Фордуна — за одним исключением. В его тексте процедура инвеституры занимает одну (шестую по порядку) позицию и не делится на две составляющие. При этом складывается впечатление, что скипетр и меч вручались королю одновременно. Боуэр не только упоминает их в паре, но и путает, очевидно, саму последовательность вручения («...и тогда *скипетр и меч* были... вручены королю...» или «после того, как *меч и скипетр* (курсив наш. — С. Ф., А. П.) были отданы в его руки...»)³²¹

Очевидная неточность в передаче последовательности вручения регалий, тем не менее, не снижает оригинальности сообщаемых им сведений. Подобного рода заблуждения были типичными для описаний и более позднего происхождения. Существенным оказывалось другое обстоятельство. Обычно авторы, составлявшие продолжение хроник, подчас изменяли содержание текста своих предшественников. У Боуэра были вполне веские обстоятельства последовать этому примеру, поскольку ко времени завершения работы над хроникой церемония коронации претерпела изменения. По меньшей мере, инаугурация Роберта II прошла при соблюдении последовательности нового коронационного чина: он был помазан на царство. Произошедшие изменения остались, однако, достоянием своего времени и не коснулись в изложении Боуэра описания коронации Александра III.

При сопоставлении последовательности рубрик регламента в версии Adv. 33.2.26 с текстом описания Фордуна-Боуэра обнаруживается их почти полная идентичность. Некоторые несовпадения в деталях могут быть объяснены за счет вполне понятных различий в форме организации материала: регламент всегда более точен, лаконичен, и даже сух, при этом описание всегда более свободно в выборе лексических единиц и оборотов и, конечно же, выглядит эмоционально насыщеннее.

Несмотря на почти полное совпадение содержательных разделов повествования Фордуна-Боуэра и рубрик регламента из коллекции Бэлфура, непонятным остается, в какой последовательности следует располагать эти два взаимосвязанных источника. Во-первых, сам регламент, если признать его аутентичность, мог служить основой для соответствующих повествований как Фордуна, так и Боуэра. При таких обстоятельствах, сохранившийся в оригинале или копиях, он мог быть воспроизведен по заказу Карла I Стюарта либо самим Бэлфуром, либо еще кем-нибудь из его ближайшего окружения. Во-вторых, он мог быть составлен самим Бэлфуром в начале XVII в. по сохранившимся текстам обоих хронистов. Тогда функция герольда или же его окружения оказывалась решающей,

³²¹ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri... Vol. II. P. 82.

но и при таком стечении обстоятельств основная нагрузка составленного даже таким образом регламента оставалась неизменной. Его присутствие в коллекции Бэлфура, помимо антикварных наклонностей самого собирателя, свидетельствовало о наличии у него определенного интереса к поиску наиболее древнего из сохранившихся вариантов церемонии. В этом смысле коронационный порядок Александра III мог рассматриваться в качестве нейтрального и с литургической точки зрения наиболее близкого разделяемым Бэлфуром идеалам пресвитерианского духовенства.

Иначе обстоит дело с объяснением происхождения второй версии регламента (*Adv. 33.7.10*), которая, как уже отмечалось, незначительно отличается от уже рассмотренной. На первый взгляд, любые суждения о происхождении этого текста облегчаются наличием прямого указания на источник заимствования. Речь идет о так называемой хронике из Скона и о ее составителе Магнусе Маккулохе.³²² Согласно У. Николсону, Маккулох изготовил, по меньшей мере, две сокращенные копии «Шотландской хроники» Фордуна-Боуэра. Одна из них, датированная 1481 г., предназначалась для неизвестного заказчика (ныне — *Brechin Castle MS*), а вторая, относящаяся к 1484 г. — для библиотеки архиепископа Сент-Эндрюского.³²³

Копия, изготовленная для библиотеки архиепископа, была утеряна в конце XVII века: во всяком случае, в каталоге средневековых шотландских рукописей из университетского собрания, составленного Томасом Иннезом в 1701 г., она уже отсутствовала. При этом записи, оставленные Дэвидом Бьюкененом — одним из хранителей рукописной коллекции, указывают, что еще в середине XVII в. «хроника Маккулоха из Скона» находилась в университетской коллекции, но исчезла после того, как Патрик Лайон, граф Стратмор, получив рукопись под предлогом ее подготовки к публикации, не вернул ее обратно.³²⁴ Поскольку Сент-Эндрюская рукопись оставалась доступной в 1620–1630-х годах, ею, вполне вероятно, могли воспользоваться как Джон Споттисвуд, так и находившийся с ним в дружественных отношениях Бэлфур. При этом, скорее всего, именно Споттисвуд, достаточно хорошо осведомленный в рукописном составе университетской коллекции, тем более находившейся недалеко от его резиденции, мог подсказать Бэлфуру еще один источник для интересовавшей его темы.

³²² Томас Демпстер, упоминая в своем обозрении среди монастырских хроник *Liber Scopenensis*, очевидно, имеет в виду хронику Маккулоха: *Dempster T. Historia Ecclesiastica Gentis Scotorum. 2 Vols. Edinburgh, 1829. Vol. I. P. 56.*

³²³ Так называемая Бречинская рукопись сохранилась до наших дней и в настоящее время хранится в Государственном архиве Шотландии. *Nicholson W. The Scottish Historical Library. L., 1702. P. 90–92.*

³²⁴ *Logan G. The Finishing Stroke. 2 vols. Edinburgh, 1744. Vol. 2. P. 113.*

Во всей этой истории с хроникой Маккулоха непонятным остается одно: как Бэлфур, прекрасно осведомленный в содержании хроники Фордуна-Боуэра,³²⁵ не распознал в университетской рукописи одну из копий известного ему повествования. Сокращения Маккулоха, значительные для раннего периода шотландской истории, практически не коснулись истории XIII в.: описание коронации осталось также нетронутым, хотя текст повествования был составлен с использованием лексических оборотов, характерных уже для самого Магнуса Маккулоха и отвечавших литературным вкусам второй половины XV века.

Текст регламента Роберта II значительно отличается и по структуре, и по содержанию от порядка 1249 г. В «Шотландской хронике» Фордуна-Боуэра описание самой церемонии в таком объеме отсутствует, что позволяет предполагать иные обстоятельства и, очевидно, иной источник происхождения этого документа. Существование двух версий регламента, идентичных по содержанию, но составленных на латыни и шотландском диалекте, также нельзя объяснить простым желанием владельца иметь оригинальную копию и ее перевод, поскольку непонятным остается, какая из версий была исходной. Третья — более пространная копия регламента — еще более усложняет выдвижение какой-либо единой версии происхождения этих текстов.

Д. Бют и Д. Купер, обращавшие внимание на существование обеих версий регламента, склонялись к мысли об их позднем происхождении и, следовательно, считали оба документа «талантливыми» подделками. Суждения этих двух известных авторитетов в области шотландских древностей основывались на весьма логичном выводе, вытекающем из анализа филологических особенностей этих документов. Они полагали, что латинская версия регламента была переводом его шотландского протографа, который при невыясненных обстоятельствах был составлен его владельцем Д. Бэлфуrom почти сразу же после коронации 1633 г. В пользу такого вывода свидетельствовали как особенности диалектной формы английского языка, сформировавшейся в Шотландии не ранее середины XVI в., так и далекий от средневековых идеалов лексический и синтаксический строй использованной при переводе документа латыни.³²⁶

³²⁵ О том, что Бэлфур был прекрасно осведомлен о содержании хроники Фордуна-Боуэра, говорят многочисленные заимствования, характерные для первых томов его знаменитых анналов: *Historical Works of Sir James Balfour, published from the Original Manuscripts preserved in the Library of Advocates*. 4 Vols. L., 1825.

³²⁶ *Bute J., marquess of*. *Scottish Coronations*. Paisley, 1902. P. 67. — Бэлфур, остававшийся весьма почитаемым авторитетом в области шотландских древностей, был не всегда предельно аккуратен и честен в профессиональном отношении: *Duncan A. M.* *The Earldom of Atholl in the Thirteenth Century* // *Scottish Genealogist*. 1960. Vol. II. No. 2. P. 2–10.

Р. Лайолл, не разделяя критических суждений Д. Купера и Д. Бюта, ссылается на указание самого Бэлфура о том, что текст регламента был заимствован им из латинской рукописи, изготовленной каноником из Холирудского аббатства,³²⁷ которая в свою очередь была передана ему клерком Тайного совета Джеймсом Примройзом, позаимствовавшим ее из рукописной коллекции графа Маришала в Дуннотаре.³²⁸ Рукописи, принадлежавшие графам Маришалам, хранятся сейчас в Национальной библиотеке Шотландии,³²⁹ но среди них нет упоминаемого Бэлфуром памятника. Тем не менее присутствующее в коллекции описание коронации Карла I,³³⁰ значительно отличающееся от бэлфуровского, но содержащее надпись, которая подтверждает ее связь с рукописями, хранившимися в первой половине XVII века в Дуннотарском замке,³³¹ не исключает наличие в собрании Маришалов и копии упомянутой рукописи.³³² Добавим, что Примройз был сам собирателем средневековых раритетов,³³³ а оставаясь при этом клерком Тайного совета, мог иметь неограниченный доступ к монастырской библиотеке: известно, что часто собиравшийся в 1620–1630-х годах в Холируде совет неоднократно обращался за помощью к хранителям монастырской библиотеки. При этом подобная миссия, как правило, поручалась клеркам, которые со временем могли превратиться в знатоков располагавшегося в Холируде рукописного и печатного собрания.

Связь регламента Роберта II с холирудским манускриптом или же каким-то иным, но отличным от повествования Фордуна-Боуэра источником косвенно подтверждает датировка коронации и место ее проведения,

³²⁷ Эту рукопись не следует путать с так называемой Холирудской хроникой, так же содержащей краткое описание коронации Роберта II. Оригинальное название хроники: *Chronicum Sconobii Sanctae Crucis Edinburgensis, iterum in lucem editum*. Хроника под таким названием была издана сначала в Эдинбурге в 1596 г., а затем Робертом Питкерном в Лондоне в 1691 году. Последнее английское издание: *Chronicle of Holyrood* / Trans. from Latin by Joseph Stevenson. L., 1858; шотландское: *A Scottish Chronicle known as the Chronicle of Holyrood* / Ed. by Marjory Ogilvy Anderson. Edinburgh, 1938. — Состав хроники формировался постепенно: ее наиболее ранняя часть приходится на конец XI века и охватывает события 1065–1066 гг.; в XII в. повествование было доведено до 1189 г., а в XIV–XV вв. — до конца XIV в.

³²⁸ *Lyall R. The Medieval Scottish Coronation Service...* P. 13.

³²⁹ NLS. Acc.6026.

³³⁰ NLS. Acc.6026. I. 537.

³³¹ NLS. Acc. 6026. I.489.

³³² Лайолл, в частности, полагает, что рукопись могла исчезнуть из коллекции после 1719 г., когда после обвинения в измене, все имущество Маришалов было конфисковано. *Lyall R. The Medieval Scottish Coronation Service...* P. 13–14.

³³³ Известно, что Примройз участвовал в качестве эксперта при оценке новых поступлений в библиотеку Леонард-колледжа в Сент-Эндрюзе. *Pringle R. An Early Humanity Class Library: the Gift of Sir John Scot and Friends to St. Leonard's College (1620)* // *Bibliothek*. 1974–1975. Vol. VII. P. 34–54. — Кстати, не исключено, что именно там он познакомился с Линдси и Бэлфуром. См.: *Ibid.* P. 47.

указанные в заглавии короткой и пространной версий порядка. Речь идет о том, что коронация состоялась 23 мая 1371 г., а местом ее проведения было Холирудское аббатство. При этом известно, что Роберт II был коронован, подобно своим предшественникам, в Сконе, 26 марта того же года. Именно такая датировка события содержится в Шотландской хронике Фордуна-Боуэра;³³⁴ ее же воспроизводит и сам Бэлфур в своих «Анналах».³³⁵ Мы далеки от убеждения как в том, что дата и место проведения коронации были искажены преднамеренно, так и от того, что в момент составления регламента Бэлфур мог не знать точной даты, затем исправленной при написании его «Анналов».

Датировка работ самого Бэлфура значительно затруднена тем, что часть из них увидела свет лишь после смерти его автора. Тем не менее, весьма существенным представляется то, что «Анналы» считаются большинством исследователей одной из поздних работ Бэлфура, тем более основанной в их средневековой части на повествовании Фордуна-Боуэра. Скорее всего, сведения были почерпнуты герольдом из иного источника, которым могла вполне оказаться названная им холирудская рукопись. Желая сохранить содержащиеся в ней сведения в первозданном состоянии, он, несмотря на свое знакомство с «Шотландской хроникой» и эпитомой Маккулоха, воспроизвел заведомо неточные сведения.

Из двух сохранившихся версий регламента Роберта II оригинальный характер пространной редакции вообще не поддается идентификации. Сам Бэлфур умалчивает об источнике, послужившем основой для его воспроизведения, наличие поздних интерполяций не позволяет напрямую отождествлять его содержание с версией Adv. 33.2.26. Тем не менее, их сравнение все-таки возможно, но только при сопоставлении с соответствующими рубриками регламента Линдси. Нам представляется, что между двумя шотландскими версиями регламента Роберта II и отосланным в Лондон порядком существует определенная генетическая связь, указывающая на сходство вдохновлявших их составление или воспроизведение источников. С этой целью мы приводим ниже в качестве исходного текст сокращенной версии регламента одновременно с транскрипцией его пространной версии (левая колонка) так, что существующие между ними различия видны при воспроизведении и выделены жирным шрифтом. В правой колонке, предназначенной для текста регламента Линдси, напротив соответствующих мест бэлфуровских регламентов указаны только опущенные места и буквальные расхождения (помечены цифрами) с тем, чтобы была видна несомненная схожесть всех трех порядков.

³³⁴ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri... Vol. I. P. 383.

³³⁵ Historical Works... Vol. I. P. 124–125.

	Инаугурация Роберта II Шотландского при монастыре Сент-Кросс в Эдинбурге 23 мая 1371 г.	Порядок коронации королей Шотландии
1.	In the morning, befor the king *[Koing]* came in publicke, ther came to him 2 *[tuo]* Bischopes, 2 *[tou]* Abbots, with 24 *[twenty four]* <i>uther</i> [other] of the clergie ¹ , 4 [four] noblemen, the Constable and <i>Marishcall</i> *[Mariscall]*. Hauing their <i>battons</i> *[battans]* of office in their hand, (...) ² sex commissioners of the Barrons, *[and als maney of the Burrowes]*.	*опущено* *опущено* **опущено** ¹ churchmen **опущено** ² (four or) *опущено*
2.	The King wes brought furth with the Constable, on the *[hes]* right hand, and the <i>Marishall</i> *[Mariscall]* one the [hes] lefte, quher he wes set wnder a clothe of stait (...) ³ , to declaire, that as <i>yet</i> *[zet]* he had not receauid the Croune. <i>Not: that it wes closed after the Coronatione</i>	**опущено** ³ (which is open) *опущено*
3.	The Churchmen, *[Nobles]* (...) ⁴ , *[Barrons]*, and Burgesses (...) ⁵ , askit at the King if he wer lawfull successor *[or not]* to hes father, and wer villing to accept the dignity of the croune, wich they <i>doe</i> *[did now]* offer to his Maiestie, then *[wes his genealogie recited.]* must ther be sex geneologis to quhome he heth succidit. Upon the Kinges <i>grant</i> *[graunt]* to accept, the Bishops and all the rest caused the pail to be halfe opened, *[which befor is called a clouth of stait]*, and they said God blisse you Schir, *[then did the Queir and all sing]* and they all sange God Blisse Him, as he *[did hes]* <i>had done</i> his *[father]* (...) ⁶ .	**опущено** ⁴ (nobility) ⁵ (in ordour) *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* ⁶ forefathers
4.	Then the Lyone King of Armes wes callid one by the Lord Marischall, quho *[attendit one by]* with the *[Herauldes]* (...) ⁷ , came in ther coates, and <i>sitt doun befor the kinge</i> *[the Lyon satt doun at the Kinges feete, and the Herauldes went to ther stage prepared for them, and ther the Marischall, by the mouthe of the Bishope of St. Andrewes, did sueire the Lyon, quho being suome, then did he put one hes croune, ordained him to weare for that solemnitie]*. <i>And ther Marischall by the mouth of the Bischope of St. Andrewes did suere the Layone, quho being suome and crowned with his auen Croune (wich he is to wear at Solenitie) the suord and shepter being carried be tuo heralds⁸ befor him, they cam fourthe to the therter quher the king wes to be crowned, the Biscops, Nobles, Gentrey and Commissioners of the burroghes being with him.</i>	*опущено* *опущено* ⁷ brethrein *опущено* ⁸ brethrein
5.	*[Then did they all come fourth to the Theater, quher the King wes to be crowned, the Bischopes, nobles, gentrey, and Commissioners of the Burrowes, being with him]*. The Marischall *[desired]* <i>sayes</i> *[to]* the Lyone *[to]* show the King's pleasure, *[quho sayes aloud]* <i>and he seyed</i> to the People. *[That]*	*фрагмент опущен* **опущено** **опущено** *опущено*

	Инаугурация Роберта II Шотландского при монастыре Сент-Кросс в Эдинбурге 23 мая 1371 г.	Порядок коронации королей Шотландии
5	the King is villinge to accept the croune, then *[all]* the commissioners *[and standers bay crayes]* <i>sayed</i> , God bliss him quho is to be our King, *[and all]* then with *[in one]* loud woyce, *[with shouts,]* the people crayed <i>Bring him to us</i> , God bliss him and us, for his caus.	*опущено* *опущено* *опущено* *опущено*
6.	Then the Lyone *[returned]* (...) ⁹ with the Bischopes, Constable, and Marishall &c. <i>shoues</i> *[shew]* the (P. 38) King that the people would haue him crowned, and call *[very]* <i>earnistlie</i> for him.	*опущено* ⁹ (is to returne) *опущено* *опущено*
7.	*[Then does the King come fourth of hes crosse pail with the Croune, Suord, and Scepter borne befor him, the Bischopes being one his right and left hand at his outh comeing, and the Lyone going befor, crayes, heir comes the King, the people with acclamations ansuer, God bliss him]*. <i>Then the Layon, hauing the Croune one hes head and tou heralds the suord and the sep- ter, the rest going befor, crayes Here comes the king! And the people ansuered, God bliss him! The Bis- chops goe one hes right and left at outcominge.</i>	*фрагмент опущен*
8.	The King *[hath one hes]* <i>[heth]</i> (...) ¹⁰ <i>ordinare</i> [apparel] <i>apparrall</i> *[for that day]* onely, hau- ing his clothes open one the boughts of *[the]* <i>hes</i> Armes and *[shoulders]* <i>shoulder poynts</i> , *[with loupes fastened]*, and his clocke about him, — the Grate Constable and Marishall did bear his Roabes, the Gtate Seall and Spurs, *[with honors, wer]* <i>are</i> layed doune one *[a little]* <i>ane</i> table, befor the Kinge (...) ¹¹	*опущено* ¹⁰ (is in his) *опущено* *опущено* **опущено** *опущено* *опущено* ¹¹ (and than ane bishop is to preache)
9.	*Then did the Bischope *[make a sermone]* <i>did preache</i> , *[wich endit]* <i>thereafter</i> , *[the Lyone brought]* tuo *[vials]* <i>[pigges]</i> (...) ¹² of *[sa- cred]* oyle, <i>carried by the Layone</i> *[deliuering]* <i>we</i> given *[the one]* to the Constable and the *[one]* uther to the Marishall. *[Which they deliuered]* and <i>they gaue it</i> to the Bischopes, (...) ¹³ <i>[quo therwith anoined]* poured</i> one the kinges head *[the King one the croune of the head]*, <i>and upon the one side and one the uther. They oyled him also one* the boughes of hes armes, one the lauffess of hes hands, topes of hes shoulder [blades]*, and [palmes of hes handes]* okesters.</i>	*опущено* **опущено** ***опущено*** ¹² jugs *опущено* **опущено** *опущено* *опущено* ¹³ (one on the one side and the other on the other, and oyle him in) *опущено* *опущено* **опущено**
10.	*[The Bischopes said diuers prayers and orations at the anointing of each place.]* <i>The Marishall takes upe hes doublet and puts it one; the Bischops haue ther auen words to speake the Lyone of the Anoynt- ing.</i>	*опущено*

[illegible]

	Инаугурация Роберта II Шотландского при монастыре Сент-Кросс в Эдинбурге 23 мая 1371 г.	Порядок коронации королей Шотландии
18.	*All which ceremonies performed, with maney more not heir particularly set done, the King rysse from his chaire, and solely accompanied with all hes Bischopes, Abbots, Nobles, and Commissioners forsaids, went to the gteat hall of the Abey, quher with the King, each estait in order, hathe their deue to the King's feast, prepared for them.* (...) ²⁹	*фрагмент опущен* ²⁹ (At the outgoing the King gives to be carried to his Chancellor and the rest of the noblemen the crowne, scepter, sword, and great seale, and so they marche as they come in with the Lyoun and the rest, the Constable and Marishall going behind to carie up the traine of the Kings robe).
19.		The Marishall with his owne hands putts on spurres and boots and takes thame off again when the King goes in.

Сопоставление трех регламентов дает следующие результаты. Рубрики 1–7 обнаруживают почти полное сходство. Различия, весьма несущественные, очевидно отражают либо идущую от краткой версии к регламенту Линдси определенную правку текста (правописание, выбор более удачных оборотов и т. д.), либо уже характерную для пространной версии и конечного, отосланного в Лондон регламента редакторскую работу. При этом основной смысл руководства, характерного для всех трех регламентов, остается неизменным.

Две следующие рубрики, помимо незначительной правки, отличаются тем, что фраза «и тогда один из епископов прочел проповедь» была перемещена из девятой (место, которое было подтверждено краткой и пространной версиями регламента Роберта II) в восьмую рубрику, что придало ей по смыслу законченный характер. При этом в обоих текстах Бэлфура можно обнаружить определенную несогласованность оборота, описывающего действия епископов при помазании, которая оказывается исправленной в соответствии с принятой традицией в регламенте Линдси.

Десятая рубрика любопытна тем, что пространная редакция снимает весьма необходимую в таких случаях фразу, указывающую на то, что во время помазания епископы читают проповеди и произносят речи, в которых для присутствующих разъяснялся смысл совершаемых действий. В пространной версии и регламенте Линдси подобное с соизволения епископов делает глава Герольдмейстерской палаты. Рубрики 11–12 содержат лишь

стилистическую правку. При этом в 13 рубрике пространной версии появляется вставка, сохраненная почти без изменений в регламенте Линдси.

Речь идет о присяге-клятве, произносимой монархом, текст которой, по словам самого Бэлфура, восходит к парламенту 1445 г. (полный текст помещен в рубрике 17). Известно, что текст этой присяги, изъятый из парламентских свитков, был обнаружен и опубликован Д. Пинкертоном только в конце XVIII в.³³⁶ Лайолл указывает на идентичную по содержанию английскому манускрипту копию этой присяги, изготовленную Джеймсом Монинетом в 1488 г. и входившую в свое время в коллекцию средневековых раритетов Бэлфура.³³⁷ Наличие этого текста, интерполированного в регламент Роберта II и воспроизведенного Линдси, по всей видимости, позволяет говорить о двух важнейших обстоятельствах, связанных с историей каждого из порядков. Оставшаяся в рукописной коллекции пространная версия регламента Роберта II была, скорее всего, промежуточным вариантом подготавливаемого Бэлфуром сводного регламента, идентичного по функции тому, что представил Тайному совету его предшественник на посту главы Герольдмейстерской палаты. При этом весьма существенным остается и тот факт, что оба герольда, очевидно, располагали одними и теми же протографами и обменивались ими.

14-я рубрика краткой и пространной версии также почти идентичны. При этом в регламенте Линдси обнаруживается существенная стилистическая правка, не меняющая, однако, смысла содержащейся в ней рекомендации. Следующая рубрика, относящаяся к краткой версии, по вполне понятным соображениям, опущена в пространной версии и регламенте Линдси. 16 позиция сохранена в краткой редакции и без изменений, а 18 рубрика, отсутствующая в пространной версии, заменена в отосланном в Лондон варианте разъяснениями, связанными с окончанием церемонии.

Таким образом, генетическая связь текста этих документов очевидна, что делает вполне вероятным предположение о серьезной работе, которая была проведена шотландскими герольдами в связи с поступившим из Лондона запросом. В ответ на желание Карла I ознакомиться с церемонией средневековых шотландских коронаций местные герольды, очевидно, извлекли из частных рукописных коллекций и монастырских библиотек известные к тому времени регламенты и реконструировали по описаниям хронистов недостающие порядки. Дошедшие до нас в собрании Адвокатской коллегии регламенты Александра III и Роберта II, при всей их условной исторической достоверности, свидетельствуют о том, что шотландская сторона далеко не сразу пришла к той версии порядка, которая легла

³³⁶ *Pinkerton J. History of Scotland. L., 1797. Vol. I. P. 476–477.* — Рукопись ныне хранится в рукописном собрании Британской библиотеки (BL. Harley MS. 4700).

³³⁷ Речь идет о рукописи из собрания Адвокатской коллегии: *Lyall R. The Medieval Scottish Coronation Service... // NLS. ADV. 25.5.6, fol. 203r–205v. P. 15.*

в основу отосланного в Лондон варианта. Очевидно, наличие этих памятников в рукописных коллекциях первой половины XVII в. говорит о том, что обсуждались две версии регламента: одна — нейтральная, восходящая к XIII в., и другая, менее всего отвечавшая интересам пресвитерианского духовенства, связанная с церемонией уже конца XIV столетия. При этом предпочтение, отданное Линдси и членами Тайного совета коронационному порядку Роберта II, указывает на неоднозначность ситуации, определявшей отношение герольдов и советников, с одной стороны, и иерархов пресвитерианской церкви — с другой. Обе версии регламента 1371 г. из коллекции Бэлфура менее всего, в отличие порядка 1249 г., поддаются исторической идентификации; тем не менее, их существование свидетельствует о предпочтениях, которые шотландская сторона считала обязательными в сценарии предстоящей коронации 1633 г.

Фигура Роберта II, тогда в условиях почти открытого противостояния Лондона и Эдинбурга, могла означать одно в сознании ощущавших себя ущемленными шотландцев. Основатель династии Стюартов, он, очевидно, продолжал восприниматься соотечественниками как монарх, заложивший основы стабильности и преемственности шотландского королевского дома, преумноженных его знаменитыми потомками.

Интерполированная в текст регламента редакция королевской присяги 1445 г., как представляется, указывала на гарантии, обеспечивавшие эту стабильность и преемственность. Только заручившийся поддержкой церкви, сословий и следующий заветам евангелистов монарх мог рассчитывать на успех своего правления. При этом и церковь, и сословия, поддерживая монарха, видели в нем, прежде всего, защитника их незыблемых свобод.

Карл, разрушивший политикой ревокаций основанный на уважении взаимных прав и обязательств трехсторонний диалог, попирает традицию. В этом смысле шотландский сценарий коронации мог восприниматься не иначе как напоминание о том, чего ждут шотландцы от своего монарха не только во время самой церемонии, но и на чем они будут настаивать в ходе парламентских сессий.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ограниченность возможностей, открывающихся для рассмотрения выработанных антиквариями концепций как в специфическом историко-правовом ракурсе, так и путем более широкого дискурсивного анализа, определила цели и задачи исследования — представить комплексный анализ антикварных концепций, выявить и структурировать главные идеи, определявшие внутренний строй мысли английских интеллектуалов, попытаться определить своеобразие антикварного стиля мышления.

Неоспоримая ценность антикварных сочинений в ряду прочих источников, дающих возможность реконструировать представления раннестюартовского общества о закономерностях его развития и функционирования, заключена в том, что антикварные тексты имеют уникальную источниковую основу, определившую генезис и развитие антикварного сознания. Эти представления не ограничиваются чисто теоретико-философскими, а, следовательно, умозрительными построениями на тему государства, права и истории общества. В то же время выработанная антиквариями концепция не настолько тесно связана с конкретным административно-правовым материалом, как у авторов юридических трактатов и регламентов. Она не оказывается замкнутой на филологическую традицию, подобно концепциям лексикографов.

Суждения и взгляды антиквариетов, с одной стороны, основываются на осмыслении широкого спектра материалов, составляющих правовую, историческую, литературную традицию раннестюартовской Англии, а также устоявшиеся представления современников о власти и обществе. С другой стороны, антикварные штудии полны творческой переработки бытовавших в обществе представлений в соответствии с изменениями, произошедшими в социальной и административной жизни Британии рубежа XVI–XVII столетий.

В антикварных трактатах историк имеет дело с уникальным сочетанием элементов глубоко укорененной в сознании англичан традиции, формировавшихся в обществе новых ценностей и приоритетов, определивших нетрадиционные трактовки и новое смысловое наполнение унаследованных от средневековья структур и определений; немаловажна и авторская

позиция каждого из антиквариев, определявшаяся его интеллектуальным и прежде всего социопрофессиональным опытом.

В ходе исследования продуктивным оказалось использование различных методов исследования для анализа различающихся смысловых пластов антикварных текстов. Прежде всего это касается использования дискурсивного подхода для риторических фрагментов, затрагивающих преимущественно две темы — понятие знатности и сущность монархической власти; выделения конкретных деталей, отражающих важные для ранне-стюартовского общества моменты конструирования социальной иерархии; рассмотрения правовых воззрений антиквариев не только для воссоздания картины конституционных воззрений современников, но в более широкой историко-философской перспективе.

Таким образом в исследовании были учтены многоплановость и неоднородность антикварных текстов, использование авторами не только различных стилей изложения (нередко в рамках одного сочинения), но и разнородной источниковой базы. Рассмотренная система аргументации антиквариев, фрагменты которой могут показаться при поверхностном взгляде противоречащими друг другу, свидетельствует о трудностях, которые раннестюартовские интеллектуалы испытывали в поиске единообразного подхода к разрешению всех проблемных вопросов, возникающих при критическом изучении истории и современного им английского государства.

Проведенное исследование, помимо конкретного результата — реконструкции и подробного освещения взглядов антиквариев в области государства, права и общества — логически подводит к решению следующей проблемы: возможно ли вообще трактовать оригинальные антикварные воззрения в виде четкой завершенной системы?

Очевидно, что антиквариям, при всем свойственном им умении собирать и осмыслять большое количество разнообразных правовых и историко-культурных текстов и материалов, проливавших свет практически на любые аспекты истории Англии, не удалось выстроить завершенную теорию, в рамках которой функционирование и взаимовлияния социальных, политических и правовых элементов воспринималось в их единстве и целостности. Причина тому видится отчасти в том, что создание каких-либо законченных теорий вообще не входило в задачи антиквариев, занятых толкованием реальных вопросов настоящего через вполне осязаемые и конкретные прецеденты прошлого, то есть так, как подсказывала взрастившая их традиция общего права, а не традиция возвышенного схоластического теоретизирования. Однако главное объяснение заключалось в том, что сферы государственной, социальной и правовой реальности оставались в сознании современников нерасчлененными. В ходе исследования мы не раз сталкивались с тем, что изложение антикварных построений, затрагивающих частные правовые вопросы, постоянно упи-

ралось в социальную или государственную проблематику, заимствованные из этой области аргументы.

Итак, результатом проведенных антиквариями изысканий можно считать разработку пусть и взаимосвязанных, оригинально интерпретированных, но все же не сведенных в единое целое элементов так называемой теории «конституционного» развития английского королевства. Очевидно, речь должна идти о специфической реакции или рефлексии на широко обсуждавшиеся в английском обществе первой половины XVII в. вопросы.

Социальная компонента в антикварных концепциях представляется наиболее самостоятельной и разработанной: это свидетельствует о том, что большинство из требующих уточнения или определения моментов лежали для современников именно в этой области. Значимость социальных аспектов для антиквариев сказалась и на объеме, который их анализ занял в представленной работе.

Очевидна приверженность раннеюэртонских теоретиков традиционным формам описания знатного общества, в основе которого лежит сложившаяся в средневековье иерархия достоинств и столь же привычное разделение знати на титулованную и нетитулованную. При этом важна бросающаяся в глаза расстановка акцентов, характерная именно для раннеюэртонского периода и свидетельствующая о том, что теоретики не только отражали интересы знатного общества, но и в определенной мере действовали от его имени. Именно поэтому антикварии считали правильным обосновывать необходимость регулирования и ограничения доступа к знатым достоинствам извне, выступали за регламентацию продвижений внутри иерархии благородного сообщества. В антикварных трактатах значительный пласт информации связан с поиском стабильных критериев, на которых основывалось бы подобное регулирование.

Неоспоримым фактором, влиявшим и определявшим состав знатного общества была воля монарха, в которой антикварии усматривали суть творческого и упорядочивающего начала всей системы социальных отношений. Помимо этого фактора антикварии определяют обладателей наследуемых титулов как наиболее стабильную часть знатного сообщества, подбирая весомые аргументы в пользу замыкания нижней границы титулованной знати, и определяя при этом, фактически, новую границу внутри системы достоинств, сближая рыцарей-баннеретов с титулованной знатью.

Особое значение приобретает в писаниях лондонских эрудитов родовитость как фактор, неподвластный даже воле монарха, и распространяющийся на все без исключения достоинства, от джентельменского до королевского. Четкий акцент ставится антиквариями на личные (моральные, профессиональные, карьерные) данные и достоинства человека. При этом выделяемый антиквариями объем качеств не является гарантией, открывающей доступ в категорию знатных. Личные достоинства лишь «легализуют»

право носить знатное достоинство тем, кому оно досталось от предшествующих поколений. Понятие «честь», обретенной или унаследованной, обосновывало также превосходство знати над всем остальным обществом, практически полностью выпадающим из поля зрения антиквариев, и рассматривалось ими как немаловажный социальный фактор.

При отсутствии четко сформулированных теоретических разработок в области права (если таковые вообще виделись возможными) его роль становится очевидной при анализе экскурсов, произведенных антиквариями в пограничную область истории общества и властных институтов.

Общество в своем историческом развитии (а антикварные тексты отчетливо демонстрируют парадокс понимания историчности его развития и представления о неизменности основ общества) вырабатывает практики и обычаи, образующие основу прецедентного права; в то время как определенные социальные категории трансформируются с течением времени в административные должности.

В данном контексте монархическая власть, рождение которой в недрах германского общества четко прослеживается антиквариями, оказывается, как и породивший ее социум, регулируемой, и в средневековом значении термина ограниченной общим правом, в создании которого монархия одновременно участвует самым активным образом, творя и оформляя административные институты, генерируя авторитетные прецеденты в форме статутного права.

Таким образом право, безусловно, являлось для современников системообразующим фактором, определявшим национальную самобытность и превосходство английской конституции, и, более того, гарантировавшим существование всей английской государственности как независимого и целостного организма. При этом право не считалось фактором первичным и тем более независимым, внешним по отношению к породившему и непрерывно питающему его обществу. Более того, власть, обеспечивающая его реализацию и совершенствующая формы его выражения, оказывалась на фоне антикварных построений явлением, усиливавшим креативную функцию таким образом действующего социума.

Область государственного представлена в работах антиквариев прежде всего рассуждениями о природе и характере монархической власти, в которых снова проступают унаследованные от средневековья традиционные понятия и теории, наполненные новым содержанием, и в силу этого обстоятельства актуально звучащие. Это касается в особенности термина «абсолютная монархия», который трактуется как синоним не зависящей от внешних авторитетов власти. На основе антикварных текстов получает подтверждение тезис о том, что в Европе раннего Нового времени термин «абсолютная власть» не являлся синонимом самовластного правления, пренебрегающего законом, и не был необходимым образом связан с обе-

зличенным бюрократическим управлением. Обращает на себя внимание развернутая антиквариями репрезентация королевской власти как санкционированных свыше сакральных полномочий, вечно неизменных и, наряду с правом, гарантирующих благополучное существование английского народа. Сакральный элемент монархии антикварии подчеркивают всеми доступными им средствами, главными из которых становится самобытная риторика и устойчивый набор образов.

Несвойственно средневековым теориям и реализованное антиквариями «растворение» индивидуальности, персоны монарха в идее власти. Традиционализм антикварной школы в этой области оказывается фиктивным (нельзя с уверенностью утверждать, намеренно или неосознанно): утверждение, будто сущность королевской власти оставалась неизменной скрывает за собой попытку распространить концепцию, зарождающуюся на рубеже XVI–XVII вв. на классическое средневековье.

Как и в области права, антикварии не приводят теоретических обоснований королевской власти: в данной сфере, где излишне пространное рассуждение таило в себе потенциальную угрозу навлечь на себя обвинение в нелояльности, антикварии обозначили лишь те знаковые моменты, которые, с одной стороны, отвечали интересам правящей династии и могли стать органичным элементом идеологии стюартовской монархии, а с другой — не вызывали разногласий внутри знатного общества.

С областью государственного связан и вопрос о том, в какой степени раннестюартовские теоретики стремились обосновать популярные в более поздний период представления о должностном характере власти монарха. Представления о короле как главном чиновнике, а монархии — как должности, несомненно, присутствуют в концепциях антиквариев, но не являются ни единственно возможными, ни даже предпочтительными. Трактовка власти монарха как верховного землевладельца также сохранена антиквариями, что становится заметным при обсуждении ими проблем континуитета до- и постнормандской государственности. Тем не менее, можно отчетливо видеть, как она перерастает в восприятие монарха как источника и абсолютное средоточие, во-первых, богоданной и благословенной власти, а во-вторых — самых разнообразных благ. Источаемые монархом титулы и достоинства сопрягаются в видении антиквариев прежде всего с соучастием во властных функциях монарха, опосредованно несущих с собой осязаемые материальные блага.

Включение же монарха в иерархию государственных должностей связано, как кажется, не с переосмыслением природы власти английского короля, а с необходимостью определить источник и придать завершение иерархии должностей, которую антикварии пытаются вычленить в отдельную структуру, пусть даже однопорядковую и параллельную иерархии знатных достоинств.

Проведенное исследование показало, что сочинения лондонских антиквариев не только можно, но и необходимо рассматривать как целостный и самоценный феномен, характеризующий пути развития не только социально-политической мысли раннеэпохальной эпохи, но и, шире, интеллектуальной жизни англичан данного периода. Сама концептуальная незавершенность взглядов антиквариев и отсутствие отвлеченных теоретических построений говорят не о недостатках антикварных текстах как исторического источника, но, наоборот, о ценности наследия антиквариев. Составленные членами Антикварного общества тексты свидетельствуют о творческом поиске ими методов изучения социальных и политических явлений прошлого и современности и о пристальном внимании современников к разворачивавшимся на их глазах изменениям в жизни Британии.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 1971.
- Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская историография. М.; Л., 1964.
- Зверева В. В.* Представления прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 223–242.
- Кин М.* Рыцарство. М., 2000.
- Кондратьев С. В.* Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.
- Кондратьев С. В.* Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993.
- Люблинская А. Д.* Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955.
- Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–198.
- Паламарчук А. А.* Имперская идея английской монархии: осмысление властных традиций лондонскими антиквариями начала XVII века // *Власть, общество и человек в средневековой Европе* / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008.
- Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса // *Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 495–522.
- Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе // *Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 226–245.
- Репина Л. П.* Память и историописание // *История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 27–28.
- Согомонов А., Уваров П.* Открытие социального: парадокс XVI века // *Одиссей*. 2001. С. 199–216.
- Сократ Схоластик.* Церковная история. М., 1996.
- Федоров С. Е.* *Nonor Redivivus*: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4.* 1998. С. 16–25.
- Федоров С. Е.* О некоторых особенностях представления об аристократии в Англии раннего Нового времени // *Проблемы социальной истории и культуры Средневековья и раннего Нового времени* / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2000. С. 218–245.
- Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия: 1603–1629. СПб. 2005.
- Феодорит, епископ Кирский.* Церковная история. М., 1993.
- Эко У.* Отсутствующая структура. СПб., 2004.

- A Report from the Committee appointed to view the Cottonian Library. L., 1732.
- A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 8: *Lobban M.* A History of the Philosophy of Law in the Common Law World, 1600–1900. Dordrecht, 2007.
- Alamichel. La Legende de Sainte Hélène de Cynewylf á Evelyn Waugh // *Études Anglaises*. Vol. 48. 1995. P. 306–318.
- Ashe G. *Mythology of British Isles*. L., 1990.
- Baker J. H. *The Inns of Court in 1388 / The Legal Profession and the Common Law*. L., 1986.
- Barnett S. J. «Where was your Church before Luther?» Claims for the antiquity of Protestantism examined // *Church History*. March 1999. P. 14–41.
- Berkowitz D. S. *John Selden's formative years: politics and society in early seventeenth-century England*. Washington; L., 1988.
- Berman H. J. *The Origins of Historic Jurisprudence: Coke, Seden, Hale* // *Yale Law Journal*. Vol. 103. No. 7. 1994. P. 1651–1738.
- Boran E. An Early friendship network of James Ussher, archbishop of Armagh, 1626–1656 // *European Universities in the Age of Reformation and Counter-Reformation* / Ed. by H. Robinson-Hammerstein. Dublin, 1998. P. 116–134.
- Bowen C. D. *Historians courageous* // *Proceedings of the American Philosophical society*. Philadelphia, 1957. Vol. 101. No. 3. P. 249–254.
- Calderwood D. *The History of the Kirk of Scotland*. 1. Edinburgh, 1842.
- Camden W. *Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio*. L., 1586.
- Campbell-Kease J. *Sixteenth-century College of Antiquaries: the herald members and their arms*. L., 2004.
- Canny N. *Making Ireland British. 1580–1650*. Oxford, 2001.
- Carter M. *Honor Redivivus*. L., 1673.
- Christianson P. *Discourse on History, Law, and Governance in the public career of John Selden, 1610–1635*. Toronto, 1996.
- Cocharne E. *Historians and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, 1981.
- Coke E. *The First Part of the Institutes of the Laws of England, or A Commentary upon Littleton*. L., 1684.
- Coke E. *The Second Part of the Institutes of the Laws of England*. L., 1642.
- Coke E. *The Fourth Part of the Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts*. L., 1644.
- Cormack L. *Charting an Empire: Geography at the English Universities*. Chicago, 1997.
- Cunningham J. *James Ussher and John Bramhall. The Theology and Politics of two Irish Ecclesiastics of the Seventeenth Century*. Ashgate, 2007.
- Dallaway J. *Inquiries into the Origin and progress of the science of Heraldry*. Gloucester, 1793.
- Day J. E. R. *Primers of Honor: Heraldry, Heraldry Books, and English Renaissance Literature* // *The Sixteenth Century Journal*, Vol. 21. No. 1 (Spring 1990). P. 93–103.
- Doderidge J. *A consideration of the office and duty of the Heraudes... / Hearne Th.* A collection of curious discourses, written by eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities: and now first published by Thomas Hearne, M. A. Printed at the Theater, Oxford, 1771.

- Douglas D.* English Scholars 1660–1730. L., 1951.
- Drijvers J.* Helena Augusta, the Mother of Constantine the Great and the Legend of Finding the True Cross. Groningen, 1992.
- English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956.
- Epiphanius Scolasticus. *Historia Ecclesiastica Tripartita* / Ed. by W. Jacobs et al. Vienna, 1952.
- Evans J.* History of the Society of Antiquaries. 1956.
- Feingold M.* John Selden and the nature of Seventeenth-Century Science // In the Presence of the Past / Ed. By R. Bienvenu and M. Feingold. Leiden, 2003.
- Fenn J.* Three chronological tables: exhibiting a state of the Society of Antiquaries of London, from its first rise in 1572 to 1784. L., 1784.
- Fern J.* The Blazon of Gentry. L., 1586.
- Fincham K.* Prelate and Pastor. The Episcopate of James I. Oxford, 1990.
- Ford A.* James Ussher. Theology, History and Politics in Early Modern Ireland and England. Oxford, 2007.
- Ford A.* James Ussher and the Godly Prince in early seventeenth-century Ireland // Political Ideology in Ireland, 1541–1641 / Ed. by H. Morgan. Dublin, 1999. P. 203–228.
- Gottfried R.* The Early Development of the Section on Ireland in Camden's Britannia // English Literary History. 1943. Vol. 10. No. 2. P. 117–130.
- Guillim J.* A Display of Heraldrie: manifesting a more easie accesse to the knowledge thereof than hath beene hitherto published by any... L., 1610.
- Guillim J.* A Display of Heraldry. L., 1612.
- Harbus A.* Helena of Britain: the Medieval Legend. L., 2002.
- Harriss J. L.* King Parliament and public finance in medieval England. Oxford, 1996.
- Hearne Th.* A Collection of Curious Discourses by Eminent Antiquaries. L., 1720.
- Hearne Th.* A collection of curious discourses, written by eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities: and now first published by Thomas Hearne. Oxford, 1771.
- Helgerson R.* Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of England. Chicago, 1992.
- Helgerson R.* Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of History. Chicago, 1992.
- Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. No. 16. P. 71–73.
- Herendeen W. H.* William Camden. Life in Context. 2007.
- Hill Ch.* Recent Interpretations of the Civil War // Puritanism and Revolution. L., 1958.
- Ioannis Seldeni Ad Fletam dissertatio. L., 1647.
- Johnson G. W.* Memoires of John Selden and notices of the political contest during his time. L., 1835.
- Johnson M.* Where Constantius and Helena buried // Latomus. Vol. 51. 1992. P. 145–150.
- Keating G.* Foras feasa ar Éirinn The history of Ireland / Ed. by D. Comyn and P. S. Dineen. In 4 vols. L., 1902–1914.

- Kendrick T.* British Antiquity. L., 1950.
- Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / Ed. by S. Connolly. Dublin, 1999.
- Knafla L.* Law and Politics in Jacobean England. Cambridge, 1977.
- Knox R. B.* James Ussher, Archbishop of Armagh. Cardiff, 1967.
- Koebner R.* «The Imperial Crown of this Realm»: Henry VIII, Constantine the Great, and Polydore Vergil // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 26. 1953. P. 29–53.
- Lancaster C.* «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.
- Levine J.* Humanism and History: Origins of Modern English Historiography. Ithaca, 1987.
- Levy F.* Tudor Historical Thought. San Marino, 1967.
- Linder A.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration. Spoleto, 1928.
- Linder A.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration // Studi medievali. 3d ser. Vol. 16. No. 1. 1975. P. 43–95.
- Lyon B. D.* Medieval finance: comparison of financial institution in northwestern Europe. L., 1967.
- Malcolm J. P.* Lives of topographers and antiquaries who have written concerning the antiquities of England. 1815.
- Milles Th.* Nobilitas Politica vel Civilis. L., 1608.
- Milton A.* Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600–1640. Cambridge, 1994.
- Monroe B. S.* An English Academy // Modern Philology. 1910. No. 8. P. 107–122.
- Mulligan W.* The British Constantine: an English Historical Myth // The Journal of Medieval and Renaissance Studies. Vol. 8. No. 2. 1978. P. 257–279.
- O'Donovan J. R.* Theology of Law and Authority in the English Reformation // The Sixteenth Century Journal. Vol. 23. No. 4. 1992.
- Ohlmeyer J.* Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. No. 2. P. 446–462.
- Original Letters of Eminent Literary Men of the Sixteenth, Seventeenth, and Eighteenth Centuries / Ed. by Sir Henry Ellis. L., 1843.
- Palmer F.* Peerage Law in England. N. Y., L., 1978.
- Parry G.* The Trophies of time. English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, 2004.
- Peck L. L.* Consuming splendor: Society and Culture in Seventeenth-Century England. L., 2005.
- Percival-Maxwell M.* Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // The Historical Journal. 1991. Vol. 34. No. 2. P. 279–295.
- Piggott S.* William Camden and the Britannia // Proceedings of the Royal British Academy. 1951. Vol. 37. P. 208–209.
- Piggott S.* Antiquarian Thought in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // English Historical Scholarship in the Sixteenth and Seventeenth centuries. // Ed. by L. Fox. Oxford, 1956. P. 93–114.
- Plucknett T. F. T.* The Legislation of Edward I. Oxford, 1949.

- Pocock J.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1987.
- Pocock J.* The Concept of a language and the *Metier d'historien*: Some Consideration on Practice // The Language of Political Theory in Early Modern Europe / Ed. by A. Pagden. Cambridge, 1987. P. 19–38.
- Powell Th.* Direction for search of records remaining in the Chancery, Tower, Exchequer, with the limnes thereof... L., 1622.
- Powicke M.* William Camden // Essays and Studies. Vol. I. 1948.
- Raban S.* England under Edward I and II: 1259–1327. (History of Medieval Britain). Cambridge, 2000.
- Radstone S.* Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. No. 1. P. 134–135.
- Reliquae Spelmaniae.* The Posthumous Works of Sir Henry Spelman. L., 1698.
- Rockett W.* Britannia, Ralph Brooke, and the Representation of Privilege in Elizabethan England // Renaissance Quarterly. 2000. No. 53. P. 474–499.
- Rockett W.* The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal. 1995. Vol. 26. No. 4.
- Rostenberg L.* Literary, political, scientific, religious and legal publishing, printing and bookselling in England, 1551–1700. Vol. 1–2. N. Y., 1965.
- Rowse A. L.* Four Caroline portraits: Thomas Hobbes, Henry Marten, Hugh Peters, John Selden. L. 1993.
- Scarisbrick J.* Henry VIII. London, 1968.
- Segar W.* Of Honor, Military and Civil. L., 1602.
- Selden J.* Table talk, being the discourse of John Selden. L., 1899.
- Selden J.* A Briefe Discourse concerning the Power of the Peeres and Comons of Parliament, in Point of Judicature. L., 1640.
- Selden J.* Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771.
- Selden J.* Marmora Arundelliana. L., 1628.
- Selden J.* The Continuation of the Historical and Political discourse of the Laws and Government of England. L., 1689.
- Selden J.* The Works of John Selden. In 3 vols. L., 1726.
- Selden J.* Titles of Honor. L., 1672.
- Select Biographies / Ed. by W. K. Tweedie. In 2 vols. Edinburgh, 1847.
- Shapiro B.* A Culture of Fact. England, 1550–1720. Cambridge, 2003.
- Shapoe K.* Sir Robert Cotton, 1586–1631: History and Politics in Early Modern England. Oxford, 1979.
- Shuyler R. L.* The Antiquaries and Sir Henry Spelman. An Essay in Historiography // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 90. No. 2. May 1946. P. 91–103.
- Sir Robert Cotton as collector: essays on an early Stuart courtier and his legacy / Ed. by C. J. Wright. L., 1997.
- Skeel C. J. T.* The Influence of the Writings of Sir Jon Fortescue // Transactions of the Royal Historical Society, Third Series, Vol. 10. 1916. P. 77–114.
- Slatyer W.* The History of Britain from first peopling. L., 1621.
- Social Change and Revolution in England, 1540–1640 // Ed. by L. Stone. L., 1965.
- Socrates Scholasticus.* Historia Ecclesiastica / Ed. by R. Hussey. 3 Vols. Oxford, 1983.
- Sommerville J.* Politics and Ideology in England 1603–1640. L., 1995.

Sommerville J. History and Theory: the Norman Conquest in Early Stuart Political thought // Political studies. 1986. Vol. 34. No. 2. P. 249–261.

Sozomen. Historia Ecclesiastica / Ed. by J. Bidez. Berlin, 1954.

Spelman H. The English Works of Sir Henry Spelman. In 2 vols. L., 1723.

Stone L. The Crisis of Aristocracy. Oxford, 1965.

Stone L. The Anatomy of Elizabethan Aristocracy // Economic History Review. Vol. 18. 1948. No. 1. P. 3–40.

Styles Ph. Politics and Historical Research in the Early Seventeenth Century // English Historical Scholarship in the Sixteenth and Seventeenth centuries // Ed. by L. Fox. Oxford, 1956. P. 49–72.

Tawney R. H. The Rise of the Gentry, 1558–1640 // The Economic History Review. Vol. XI. 1941. P. 1–38.

The Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini / Ed. by C. Nixon & B. Rodgers. Berkeley, 1994.

The Visitation of the County of Rutland in the year 1618–1619. Taken by William Camden, Clarenceaux King of Arms. In 3 vols. L., 1870.

The Visitation of the County of Warwick in the year 1619. Taken by Willam Camden, Clarenceaux King of Arms. L., 1877.

The Visitation of the County of Leicester in the year 1618–1619. Taken by William Camden, Clarenceaux King of Arms. In 2 vols. L., 1870.

The Whole Works of the Most Rev. James Ussher D. D. / Ed. by Ch. R. Elrington. In 17 vols. Dublin, 1847.

Thomae Dempsteri Historia ecclesiastica gentis Scotarum. Bologna, 1627.

Tite C. G. The Early Records of Sir Robert Cotton Library: formation, cataloging, use. L., 2003.

Toomer G. J. John Selden: A Life in Scholarship. Oxford, 2009.

Trevor-Roper H. The Elizabethan Aristocracy: an Anatomy Anatomized // Economic History Review, 2nd ser. Vol. III. 1951.

Trevor-Roper H. The Gentry 1560–1640 // The Economic History Review. Supplement. L., 1953.

Tubbs J. W. Custom, Time and Reason: Early Seventeenth-Century Conceptions of the Common Law // History of Political Thought. 1998. No. 19. P. 363–406.

Turner R. *Vi* Judges, Administrators and the Common Law in Angevin England. L., 1994.

Van Caengem R. C. The Birth of the English Common Law. 2nd ed. L., 1988.

Van Norden L. Sir Henry Spelman and the Chronology of the Elizabethan College of Antiquaries // Huntington Library Quarterly. 1950. Vol. 13. No. 2. Feb. P. 131–160.

Van Norden L. The Elizabethan College of Antiquaries, D. Phil. University of California, Los Angeles, 1946.

Watt W., Plunket D., Benham Ch. The Story of the Inns of Court. Boston, 1928.

Witerbottom M. Panegyrici Latini / Ed. by A. Reynolds. L., 1987.

Woolf D. Idea of History in Early Stuart England. Toronto, 1990.

Ziskind M. A. John Selden: Criticism and Affirmation of the Common Law Tradition // The American Journal of Legal History. Vol. 19. No. 1 (Jan. 1975). P. 22–39.

Ziskind M. A. John Selden, humanist jurist. L., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава I. Лондонское Антикварное общество: интеллектуальный центр и его периферия</i>	6
Лондонские антиквариаты в конце XVI — первой половине XVII в. . .	11
Сэр Роберт Брюс Коттон и его библиотека	11
Джон Сэлден и правовая история	15
Генри Спелман и церковные древности	21
Архиепископ Джеймс Ашер	25
Другие антиквариаты конца XVI — первой половины XVII в. . . .	31
Фрэнсис Маркэм (1565–1627)	31
Джон Гвиллим (1565–1621)	32
Мэтью Картер (?– ?1660)	34
Томас Миллз (?1550–1627)	35
Сэр Уильям Сегар (? — 1633)	36
<i>Глава II. Антикварный дискурс: принципы организации</i>	38
Критические методы антиквариев	38
Влияние юридической образованности	48
Влияние коллегии герольдов	53
Место риторики в антикварных трактатах	58
Аудитория антикварных трактатов	60
<i>Глава III. Английское общество в антикварном дискурсе</i>	63
Нетитулованная знать: проблема нижней границы знати	67
Эсквайры	77
Рыцарство	78
Рыцари-бакалавры	79
Рыцари-баннереты	83
Баронеты	87
Титулованная знать	89
Бароны	92
Виконты	101
Графы	101
Герцоги	106
<i>Глава IV. Право в антикварном дискурсе</i>	110
<i>Глава V. Казусы антикварного дискурса</i>	121
Государь и антикварий: творение порядка из хаоса	121
Государь и антикварий: практика и теория	123
Шотландцы	129

Время, вечность и национальная идентичность	131
Римская империя и пафос самобытности	135
« <i>Orbis gestas</i> » и « <i>orbis loci</i> » Уильяма Кэмдена	137
История одного заблуждения, или рождение легенды о британском Константине	144
<i>Глава VI. За пределами антикварного дискурса . . . . .</i>	<i>155</i>
Английские лексикографы XV–XVII вв.	155
Шотландские церемонии первой половины XVII в.	175
<i>Вместо заключения . . . . .</i>	<i>196</i>
<i>Использованные источники и литература . . . . .</i>	<i>202</i>

Паламарчук Анастасия Андреевна
Федоров Сергей Егорович
АНТИКВАРНЫЙ ДИСКУРС
В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Оригинал-макет *Л.А. Шитова*

Редактор *А.О. Федотова*

Корректор *А.О. Федотова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:

fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,71. Печать офсетная.

Заказ №